

**Учредители:**

Институт географии РАН  
Смоленский государственный университет  
Балтийский федеральный университет  
им. И. Канта

**Издатель:**

Смоленский государственный университет  
Журнал зарегистрирован в Министерстве  
цифрового развития, связи  
и массовых коммуникаций РФ  
Пер. № ПИ № ФС77-75135 от 07.03.2019

Журнал входит в Перечень рецензируемых  
научных изданий ВАК,  
в которых должны быть опубликованы  
основные научные результаты  
диссертаций

**Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

**Заместители главного редактора:**

д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва)  
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)  
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

**Международный редакционный совет:**

акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток);  
д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); член-корр.  
РАН, д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.э.н.,  
проф. Жихаревич Б.С. (Санкт-Петербург); д.г.н.,  
проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З.  
(Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Мо-  
сква); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В.  
(Москва); проф. Ленц С. (Германия); д.г.н., проф.  
Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.э.н., проф. Малов В.Ю.  
(Новосибирск); проф. Мерфи А. (США); проф. Питт  
Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (Санкт-  
Петербург); д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва);  
проф. Шиманьска Д. (Польша)

**Редакционная коллегия:**

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексан-  
дрова А.Ю. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И.  
(Москва); д.г.н., проф. Бабуринов В.Л. (Москва); д.г.н.,  
проф. Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардом-  
ский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Ека-  
теринбург); к.г.н. Глезер О.Б. (Москва); д.г.н., проф.  
Зырянов А.И. (Пермь); д.э.н., проф. Климанов В.В.  
(Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); к.г.н.,  
доц. Кузнецова Т.Ю. (Калининград); д.г.н., проф. Ма-  
наков А.Г. (Псков); к.г.н., доц. Наумов А.С. (Москва);  
д.г.н. Нефедова Т.Г. (Москва); д.г.н., проф. Пилясов  
А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск);  
к.пед.н., доц. Розанова Н.Н. (Смоленск); д.г.н., доц.  
Савоскул М.С. (Москва); к.г.н., доц. С.Г. Сафронов  
(Москва); д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва); д.г.н. Тар-  
хов С.А. (Москва); д.г.н. Тревиш А.И. (Москва); д.г.н.,  
проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., доц. Часовский  
В.И. (Калининград); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

**Ученый секретарь редколлегии:**

к.г.н. Яськова Т.И. (Смоленск)

**Адрес редакции:**

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4  
Смоленский государственный университет  
E-mail: region\_issled@mail.ru

Подписано в печать 30.09.2021  
Формат 70x108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>, Гарнитура «Times»  
Тираж 125 экз.

**Отпечатано:**

Типография «Белый ветер»  
г. Москва, ул. Щипок, д. 28  
Тел.: (495) 651-84-56  
E-mail: wwprint@mail.ru

ISSN 1994-5280



# РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал  
Основан в феврале 2001 года  
Выходит 4 раза в год

№ 3 (73), 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

№ 3, 2021<sup>1</sup>

Колонка Главного редактора ..... 2

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.Г. САУШКИНА***Катровский А.П., Шувалов В.Е.*

Юлиан Глебович Саушкин: творческое наследие и современность ..... 5

*Пиласов А.Н.*Неравносторонний треугольник: Ю.Г. Саушкин  
между Л.С. Бергом и Н.Н. Баранским ..... 14*Бабурин В.Л.*

Ю.Г. Саушкин и географический прогноз ..... 28

*Дружинин А.Г.*Идеи Ю.Г. Саушкина о развитии морской составляющей  
русской общественной географии ..... 42**ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***Бакланов П.Я.*Направления повышения практической отдачи  
экономико-географических исследований ..... 52*Стрелецкий В.Н.*Территориальная идентичность как тема исследований  
в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков ..... 62**РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ***Кузнецова О.В.*Экономика российских регионов в пандемию:  
работают ли факторы шокоустойчивости? ..... 76**ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ***Трейвиш А.И.*

Новизна в науке и жизни с позиций экономико-географа ..... 88

<sup>1</sup> Выпускающий редактор номера – Шувалов В.Е.

## CONTENTS

№ 3, 2021<sup>1</sup>

Chief Editor's Column ..... 2

**CREATIVE HERITAGE OF YU.G. SAUSHKIN***Katrovskiy A.P., Shuvalov V.E.*

Yulian Glebovich Saushkin: creative heritage and modernity ..... 5

*Pilyasov A.N.*

Non-equilateral triangle:

Yu.G. Saushkin between L.S. Berg and N.N. Baransky ..... 14

*Baburin V.L.*

Yu.G. Saushkin and geographical forecasting ..... 28

*Druzhinin A.G.*

The ideas of Yu.G. Saushkin on the development

of the maritime component of Russian socio-economic geography ..... 42

**THEORY OF REGIONAL STUDIES***Baklanov P.Ya.*

Directions for increasing the practical impact

of economic and geographical researches ..... 52

*Streletsky V.N.*

Territorial identity as a subject of foreign geography

in late 20th century and the first decades of 21st century ..... 62

**REGIONAL DEVELOPMENT***Kuznetsova O.V.*

The economy of Russian regions in a pandemic:

do resilience factors work? ..... 76

**DISCUSSION INVITE***Treivish A.I.*

Novelty in science and life from the standpoint of an economic geographer ..... 88

<sup>1</sup> Issue editor – *Shuvalov V.E.*

---

## КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

---



*Уважаемые читатели!*

Перед Вами очередной, тематический, номер журнала «Региональные исследования». Появление данного номера связано со 110-летием со дня рождения одного из классиков отечественной социально-экономической географии, профессора Юлиана Глебовича Саушкина (1911–1982). Сейчас, по прошествии почти сорока лет, интерес к его работам сохраняется на высоком уровне, о чем свидетельствует и библиометрия его трудов. Труды Ю.Г. Саушкина не просто читают, а перечитывают и переосмысливают. Так, например, более глубокого и фундаментального труда, который Юлиан Глебович назвал «Экономическая география: история, теория, методы, практика», за прошедшие после его издания полвека так в отечественной социально-экономической географии и не создано.

Все статьи данного номера подготовлены к очередной, уже VII Всероссийской научной конференции с международным участием «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика», посвященной Юлиану Глебовичу, которую традиционно мы проводим в Смоленске каждые «юбилейные» пять лет.

В первой статье «Творческое наследие Ю.Г. Саушкина и современность» отмечается, что многие труды Ю.Г. Саушкина и сегодня остаются актуальными и востребованными, о чем свидетельствует библиометрический анализ с использованием национальной библиографической базы данных научного цитирования РИНЦ.

В статье А.Н. Пилясова речь идет, прежде всего, о влиянии на научное мировоззрение Саушкина одного из крупнейших географов первой половины XX века – академика Л.С. Берга.

Особое внимание Ю.Г. Саушкин уделял географическому прогнозу, поэтому не случайно статья В.Л. Бабурина посвящена вкладу Саушкина в развитие учения о географическом прогнозе.

Завершает мемориальную часть статья А.Г. Дружинина, в которой рассмотрен вклад Ю.Г. Саушкина в развитие морской составляющей российской общественной географии.

Помимо мемориальной части в журнал включены статьи по теории региональных исследований и региональному развитию. У читателя должны вызвать интерес статьи известных отечественных географов, специально подготовленные для данного номера. Так в статье П.Я. Бакланова обсуждается очень важный для отечественной социально-экономической географии вопрос повышения практической отдачи экономико-географических исследований.

В статье В.Н. Стрелецкого рассмотрены уже вопросы развития такого направления зарубежной географии человека, как исследование территориальной идентичности.

Особого интереса заслуживает статья О.В. Кузнецовой, в которой рассмотрены чрезвычайно важные и актуальные для современного этапа вопросы шокоустойчивости российских регионов в период пандемии.

В нетрадиционной форме рассуждения о научной новизне в жизни и науке завершает номер статья А.И. Трейвиша. В какой-то степени она пересекается с известной статьей Ю.Г. Саушкина «Что такое географическое открытие?».

В заключение хочется отметить не только широкий круг вопросов, рассматриваемых в статьях данного номера «Региональных исследователей», но и тот факт, что впервые за все время издания журнала авторами всех статей номера являются доктора наук. Редакция журнала благодарна им за то, что они откликнулись на предложение подготовить для журнала статьи по темам своих научных докладов на конференции, посвященной памяти профессора Юлиана Глебовича Саушкина. Несколько статей, подготовленных участниками конференции, будут также опубликованы в следующем номере журнала.

---

---

# ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.Г. САУШКИНА

---

---

УДК 910:001

## ЮЛИАН ГЛЕБОВИЧ САУШКИН: ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2021 г. А.П. Катровский<sup>1\*</sup>, В.Е. Шувалов<sup>2\*\*</sup>

<sup>1</sup> Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

<sup>2</sup> Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
географический факультет, Москва, Россия

\* e-mail: alexkatrovsky@mail.ru

\*\* veshuvalov@mail.ru

В статье проведен анализ актуальности публикаций профессора Юлиана Глебовича Саушкина (1911–1982) в современный период с 2000 по 2020 г. с использованием национальной библиографической базы данных научного цитирования РИНЦ. Проведен анализ общей публикационной активности, выявлены наиболее востребованные в XXI веке публикации автора и дана их общая характеристика. Наиболее востребованы 46 работ (45% представленных в РИНЦ публикаций автора), которые цитируется 3 раза и более, на них приходится 98% общего числа цитирований. Максимальное цитирование публикаций Саушкина пришлось на 6 книг (68%), в том числе 5 из них – прижизненные. Абсолютным лидером по цитируемости является фундаментальная, энциклопедическая по своему содержанию, книга «Экономическая география: история, теория, методы, практика», аналога которой за последние полвека в отечественной социально-экономической географии не создано. Выявлено, что Ю.Г. Саушкин, безусловно, остается признанным авторитетом среди географов, прежде всего, в таких разделах, как история, методология и теория географии в целом, и социально-экономической географии в частности. Новые направления географии, отраженные в публикациях автора, по-прежнему являются актуальными и в XXI веке.

*Ключевые слова:* Ю.Г. Саушкин, творческое наследие, современность, библиометрический анализ, цитирование, публикации, востребованность.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-1

### **Введение и постановка проблемы.**

Оценка научного вклада отдельного ученого – вопрос чрезвычайно сложный и в методологическом, и в методическом отношении. Данная проблема – одна из важнейших для науковедения и пока не имеет однозначного решения. Частично она может решаться в рамках использования наукометрии как направления науковедения, исследующей собственно науку количественными методами с использованием научной информации. По отношению к социально-экономической географии, как и для большинства общественных и гуманитарных наук, наукометрический анализ базируется, прежде всего, на библиометрических показателях – количестве

публикаций и их цитируемости. Цитирование публикаций отражает их использование и полезность, а значит – и эффективность деятельности ее автора [16]. Поэтому в науковедении принято считать, что чем больше ссылок получают работы ученого, тем в большей степени используется его продукция научным сообществом, тем выше полезность его вклада [10].

Следует отметить, что использование наукометрии для оценки научной деятельности разделяется не всеми учеными. Более того, в этом вопросе наблюдается полярность мнений, что связано, в том числе, с конфликтом интересов участников и сложностью в достижении компромиссов [2]. Однако

данное противоречие во многом снимается при оценке научного вклада ученых через несколько десятилетий после выхода их основных публикаций. Поэтому значимость того или иного ученого определяется не только его вкладом в науку в его жизненный период, но и после него.

Представляется, что выше обозначенный подход с определенными ограничениями можно использовать и к оценке научного вклада одного из лидеров советской социально-экономической географии – профессора Юлиана Глебовича Саушкина (1911–1982), которому посвящена данная статья. Оценка этого вклада только на основе библиометрических показателей, конечно, будет не полной и не может отразить все его аспекты. Однако такой подход имеет право на существование, тем более, что в последние десятилетия в нашей стране появились информационные базы (прежде всего, РИНЦ) для его реализации. Поэтому далее постараемся применить данный подход к оценке актуальности на современном этапе развития географии в целом, и социально-экономической географии в частности, творческих идей и разработок Ю.Г. Саушкина, отраженных в его основных публикациях.

**Современное состояние изученности вопроса.** Творческое наследие Ю.Г. Саушкина было объектом многих исследований. Только на конференциях его памяти, проводимых в Смоленске каждое пятилетие, начиная с 1991 г., опубликовано более 40 статей и материалов, посвященных оценке и переосмыслению его вклада в развитие географической науки.

Уже на первой конференции, проходившей в мае 1991 г., было сделано 7 докладов, в которых была дана оценка вклада Ю.Г. Саушкина в развитие теории географии и школьной географии. Так, например, на пленарном заседании в докладе А.И. Алексева, С.А. Ковалева и А.А. Ткаченко отмечалось, что «Географические очерки» Ю.Г. Саушкина [22] до сих пор являются образцом географического синтеза, в котором рассмотрены вопросы связи населения с природой и хозяйством [4]. В другом докладе констатировалось, что Ю.Г. Саушкину принадлежит приоритет в географическом изучении интеллектуального потенциала, в обосновании необходимости сопряженного изучения

подготовки кадров и их использовании [11]. На последующих конференциях также неоднократно обращались к вопросу вклада Ю.Г. Саушкина в развитие географической науки. Больше всего таких докладов – десять – было сделано на конференции, посвященной столетию со дня рождения ученого, которая проходила в мае 2011 г. Из представленных тогда докладов можно отметить выступление Г.И. Гладкевич, Г.М. Лаппо, А.Н. Пилясова, В.А. Шупера, совместный доклад Е.Н. Перцика и В.Е. Шувалова [37]. На конференции в октябре 2016 г. было заслушано пять докладов о творческом наследии и жизни Юлиана Глебовича.

Помимо выше указанных конференций, оценка географической деятельности Ю.Г. Саушкина представлена во многих других изданиях.

В биографическом очерке о Ю.Г. Саушкине в фундаментальной книге о видных отечественных экономико-географах «Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие» Е.Н. Перциком дана развернутая оценка его вклада в географическую науку в целом, и в социально-экономическую географию в частности [19].

В 1997 г. памяти Ю.Г. Саушкина вышел сборник «Экономическая и социальная география на пороге XXI века», в который вошли статьи посвященные жизни и творческому наследию ученого [38].

В 2001 г. вышла специальная монография из серии «Люди науки» о жизни и творчестве Ю.Г. Саушкина [13]. В том же году в предисловии к избранным трудам Юлиана Глебовича представлен содержательный обзор и оценка основных направлений его научной деятельности, в котором отмечалось, что «... нет ни одной области географических и смежных знаний, которую бы не затронули бы работы Юлиана Глебовича» [1, с. 14].

Целый ряд статей, посвященных вкладу Ю.Г. Саушкина в науку был опубликован в географических журналах в год его 100-летнего юбилея [20].

#### **Творческое наследие Ю.Г. Саушкина.**

Ю.Г. Саушкиным опубликовано свыше 600 работ, среди которых 23 книги и брошюры, более 100 публикаций в журнале «Вестник Московского университета. Серия 5. География», более 100 публикаций в журнале «География в школе», около 30 публикаций в сборниках серии «Вопросы географии».

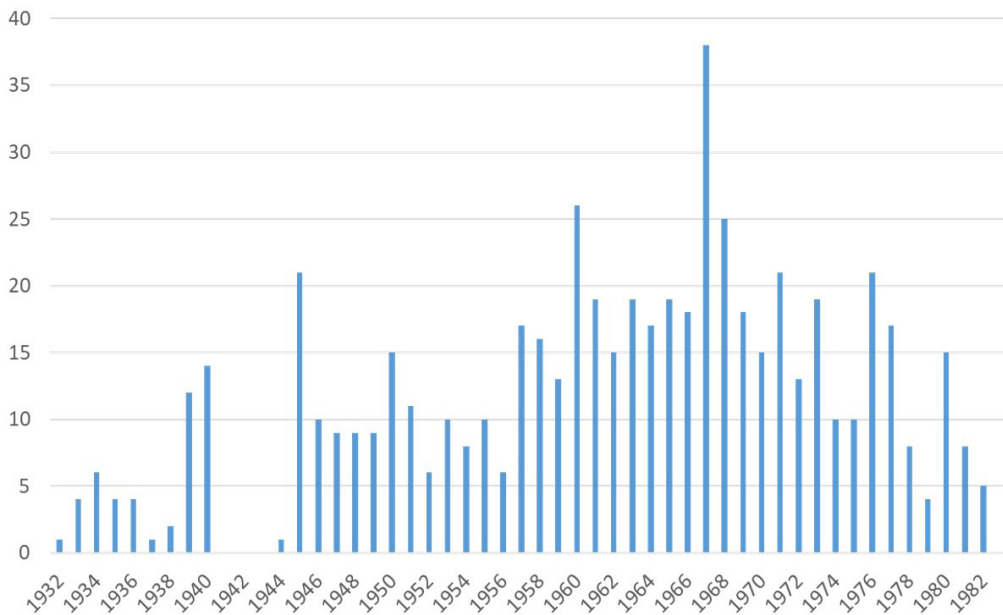


Рис. 1. Общая публикационная активность Ю.Г. Саушкина  
(по данным библиографии трудов [35])

«Пик» общей публикационной активности Ю.Г. Саушкина пришелся на 1960–1970-е гг. (рис. 1).

Среди публикаций Ю.Г. Саушкина особо следует выделить его научные монографии и учебники.

Первой среди них следует назвать его докторскую диссертацию, опубликованную в 1947 г. под названием «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» [22]. Этот труд – образец синтеза данных физической, экономической и социальной географии. К рассмотренным в ней проблемам анализа и прогноза взаимодействия природы, хозяйства и населения Юлиан Глебович возвращался на протяжении всей дальнейшей научной деятельности.

В 1958 г. вышло первое издание фундаментального университетского курса «Введение в экономическую географию» (второе издание – 1970 г.) [25], который Юлиан Глебович читал с 1952 г. для студентов 1-го курса почти сорок лет. Этот учебник на многие десятилетия стал базовым для подготовки географов в университетах страны.

Юлиан Глебович внес большой вклад в развитие методологических и теоретических основ географии в целом и социально-экономической географии в частности.

В 1970-е гг. Саушкин создал две фундаментальные книги по общим вопросам экономической географии и теоретическим и методологическим проблемам географии в целом: это «Экономическая география: история, теория, методы, практика» [29] и «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» [32]. Эти уникальные обобщающие труды внесли большой вклад в развитие географической науки. Главная идея этих книг – борьба за единство и целостность географии, за развитие ее теоретических основ, за разработку и применение новых подходов и методов. «Интеграция науки, – писал Ю.Г. Саушкин, – состоит не в том, чтобы уничтожить ветви, образовавшиеся в процессе ее дифференциации, а в том, чтобы объединить их общими теоретическими позициями, общим фундаментом. Иначе география потеряет свое значение фундаментальной науки и превратится в набор прикладных наук» [32, с. 10]. Эти суждения актуальны и в наши дни. Ю.Г. Саушкин отмечал, что современная экономическая география – это наука о процессах формирования, развития и функционирования территориальных социально-экономических систем, о прогнозировании и управлении этими системами [29].

Саушкин был не только теоретиком, но и крупным историком географической

науки. Он рассматривал становление и развитие теоретических основ всей географии, и экономической географии в частности, через призму целостного исторического подхода. Изданный в 1976 г. курс его лекций «История и методология географической науки» [30] остается лучшим учебным пособием по одноименной дисциплине для студентов-географов университетов страны.

Юлиан Глебович обладал редким научным даром видеть перспективу, поддерживать новые направления в науке. Многие идеи в разных областях нашей науки получили развитие благодаря именно его поддержке.

Развитию теории географической науки, формированию новых направлений в географии посвящены теоретические исследования, опубликованные в его статьях во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. в том числе в соавторстве с В.М. Гохманом, Б.Л. Гуревичем, А.М. Смирновым и другими учеными [6; 7; 8; 36]. В них нашли отражение актуальные для этого этапа развития географии проблемы внедрения математических методов, системно-структурного подхода, становления теоретической географии и метагеографии. Все эти работы можно по праву отнести к новаторским.

Юлиан Глебович одним из первых поставил вопрос о формировании такого нового научно-прикладного направления исследований, как географическое и экономико-географическое прогнозирование [9; 28].

Большое значение имеют работы Саушкина в области географического районирования. Помимо его большого вклада в изучение истории экономического районирования [26], следует особо отметить его работу по природно-хозяйственному районированию СССР [33].

Особое место среди работ Саушкина занимают книги о Москве [24; 35], которую он любил страстно, еще с детских лет, и посвятил ей одну из лучших своих книг.

**Материалы и методы исследования.** Оценка актуальности/востребованности основных работ Ю.Г. Саушкина была проведена на основе анализа их цитируемости, представленной в национальной библиографической базе данных научного цитирования «РИНЦ». В ее основе лежит библиографическая реферативная база данных, в

которой индексируются, в первую очередь, статьи в российских научных журналах, а также другие типы научных публикаций – монографии, учебные пособия, диссертации, доклады на конференциях. База РИНЦ позволяет не только получить данные по общей цитируемости отдельных авторов и их публикаций, но и провести более детализированный анализ по многим позициям.

Для анализа цитируемости работ Ю.Г. Саушкина был взят период с 2000 по 2020 г. (по состоянию на 20 сентября 2021 г.), так как ставилась задача оценить востребованность публикаций автора именно в XXI веке, а также был необходим учет представленности в этот период в базе изданий, в которых могли цитироваться работы Ю.Г. Саушкина.

Аналізу подвергались только прижизненные публикации Ю.Г. Саушкина.

В базе РИНЦ представлены основные публикации (102) Ю.Г. Саушкина<sup>1</sup>, среди которых все 9 основных прижизненных книг автора [22–25; 29–31; 33; 34], 71 научная статья в ведущих географических журналах, 6 статей в сборниках и др.

Общее количество цитирований в XXI веке (т.е. с 2000 до 2020 г.) на все представленные в РИНЦ публикации Ю.Г. Саушкина (102 работы) составило 1478, в том числе на книги и брошюры – 71%, на статьи в журналах и сборниках – 29% (табл. 1). 46 работ (45% представленных в РИНЦ публикаций автора) цитируется 3 раза и более; на них приходится 98% общего числа цитирований.

**Результаты исследования.** Какие же книги и научные статьи Ю.Г. Саушкина наиболее востребованы в XXI веке? Как и можно было ожидать, максимальное цитирование публикаций Ю.Г. Саушкина пришлось на 6 книг (67,9%), в том числе 5 из них – прижизненные (см. табл. 1).

Безусловным лидером среди всех публикаций является фундаментальная, во многом энциклопедическая, книга Ю.Г. Саушкина «Экономическая география: история, теория, методы, практика» [29]: на нее приходится почти 1/3 всех цитирований на данного автора (см. табл. 1). При этом число цитирований на книгу растет: за последнее пятилетие 2016–2020 гг. – в 1,5 раза по сравнению, например, с периодом 2006–2010 гг. Максимально цитировали в XXI веке данную работу Ю.Г. Са-

<sup>1</sup> Считаем необходимым отметить, что это заслуга А.А. Агирречу, которому авторы выражают свою благодарность.



Таблица 1. Наиболее цитируемые в 2000–2020 гг. публикации Ю.Г. Саушкина

| №     | Книги, статьи, год издания  | Количество цитирований | %     |
|-------|---|------------------------|-------|
| 1     | Экономическая география: история, теория, методы, практика (1973)   | 463                    | 31,3% |
| 2     | Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем (1980)   | 165                    | 11,6% |
| 3     | История и методология географической науки (1976)   | 142                    | 9,6%  |
| 4     | Избранные труды (2001)  | 96                     | 6,5%  |
| 5     | Введение в экономическую географию (1958; 1970)   | 70                     | 4,7%  |
| 6     | Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза (1947) | 62                     | 4,2%  |
| 7     | Статья «Культурный ландшафт» (1946)   | 55                     | 3,7%  |
| 8     | Статья «Природно-хозяйственные районы Советского Союза» (1980)  | 43                     | 2,9%  |
| 9     | Москва среди городов мира (1983, в соавторстве)   | 39                     | 2,6%  |
| 10–12 | Статья «Геосистемы и геоструктуры» (1968, в соавторстве)  | 23                     | 1,56% |
| 10–12 | Статья «Проблемы метагеографии» (1968, в соавторстве)   | 23                     | 1,56% |
| 10–12 | Географическое мышление (2011)  | 23                     | 1,56% |
| 13    | Статья «Математический метод в географии» (1966, в соавторстве)   | 17                     | 1,15% |
| 14    | Статья «Современные проблемы теоретической географии» (1971, в соавторстве)   | 15                     | 1,02% |
| 15–17 | Статья «Об изучении системы городов Советского Союза» (1960)  | 13                     | 0,88% |
| 15–17 | Статья «Энергопроизводственные циклы» (1967)  | 13                     | 0,88% |
| 15–17 | Статья «Географические циклы круговоротов веществ» (1978)   | 13                     | 0,88% |
|       | Итого   | 1 478                  | 100%  |

Составлено по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – Elibrary. URL: <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 20.09.2021).

ушкина в своих публикациях авторы из совершенно разных географических центров: Ростова-на-Дону (А.Г. Дружинин, 27 цитирований), Владивостока (П.Я. Бакланов – 13 и А.В. Мошков – 11), Перми (М.Д. Шарыгин – 13), Саранска (А.М. Носонов – 12), Смоленска (А.П. Катровский – 12), Москвы (В.Е. Шувалов – 9, В.Л. Бабурин – 8), Санкт-Петербурга (А.А. Анохин – 6). Анализ цитируемости сольных книг отечественных авторов по социально-экономической географии (по данным РИНЦ) показал, что данная книга Ю.Г. Саушкина входит в ТОП–10 (7 место) после понятийно-терминологического словаря Э.Б. Алаева [3], «Географии городов» Г.М. Лаппо [14], «Теории экономического районирования Н.Н. Колосовского [12] и др.

Второе и третье места (более 1/5 всех цитирований) делят изданный в 1976 г. курс лекций «История и методология географической науки» [30], которые Ю.Г. Саушкин читал для студентов 5 курса географического факультета Московского университета, и основанная на этом материале уже более позд-

няя книга 1980 г. – «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» [32].

Четвертые–пятые места (свыше 1/10 всех цитирований) из прижизненных книг занимает учебник «Введение в экономическую географию» в двух изданиях [25] (данный курс лекций также читался Ю.Г. Саушкиным несколько десятилетий для первокурсников географического факультета Московского университета), и опубликованная в 1947 г. его докторская диссертация «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» [22]. Следует особо отметить последнюю книгу, которая и по прошествии многих десятилетий сохраняет свою актуальность.

Из научных статей Ю.Г. Саушкина лидерство по цитированию в XXI веке заняла его публикация «Культурный ландшафт» [21] в первом сборнике знаменитой серии «Вопросы географии», что, безусловно, связано с бурным развитием в нашей стране культурной географии в данный период.

На втором месте по цитированию стоит последняя из прижизненных статей Ю.Г. Саушкина, посвященная одной из его любимых тем – природно-хозяйственному районированию [33].

Остальные наиболее цитируемые статьи посвящены проблемам развития теории географической науки и формированию новых направлений и методов исследования в географии, опубликованные, прежде всего, в журнале «Вестник Московского университета. Серия 5. География» во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. в соавторстве с В.М. Гохманом, Б.Л. Гуревичем, А.М. Смирновым [6; 7; 8; 36]. Проблемы, поставленные в этих статьях – о системном подходе в географии, формировании метагеографии и теоретической географии, математизации географической науки – сохраняют свою актуальность и на современном этапе развития нашей науки.

Из других научных статей Ю.Г. Саушкина, не потерявших свою актуальность и в XXI веке, следует отметить его отдельные публикации по географии городов [23], понятиям и концепциям отечественной районной школы экономической географии [27], общегеографическим проблемам [31] и др.

**Заключение.** Проведенный библиометрический анализ (при всех его достоин-

ствах и недостатках), как считают авторы данной статьи, позволил немного по-новому взглянуть на творческое наследие профессора Юлиана Глебович Саушкина и выявить его наиболее востребованные в XXI веке публикации, а значит и в определенной мере оценить актуальность тех идей, наработок и проблем, которые в них изложены.

Следует отметить, что по общему числу цитирований в системе РИНЦ Ю.Г. Саушкин, конечно, уступает современным лидерам в отечественной социально-экономической географии (ведущая «тройка» – Н.В. Зубаревич, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш). Его 50 место можно считать почетным, тем более что он находится «в окружении» таких классиков отечественной экономической географии, как Н.Н. Колосовский (49 место) и Н.Н. Баранский (51 место). Но если посмотреть на долю цитирований выше названных ученых в изданиях по тематике «География», то оказывается, что у Ю.Г. Саушкина таких цитирований 51%, у Н.Н. Баранского – 45%, Н.Н. Колосовского – 24%, а, например, у Н.В. Зубаревич – 8,5%. Таким образом, Ю.Г. Саушкин (как и Н.Н. Баранский), безусловно, остается признанным авторитетом, прежде всего среди географов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агирречу А.А., Алексеев А.И., Катровский А.П., Перцик Е.Н., Шувалов В.Е. Предисловие // Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. С. 7–14.
2. Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / под ред. М.А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с.
3. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
4. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. Ю.Г. Саушкин и изучение населения в географии // Теоретические проблемы социально-экономической географии и совершенствование подготовки современного учителя. Ч. I. Смоленск: СГПИ, 1991. С. 3–5.
5. Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 287 с.
6. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии // Вопросы географии. Сб. 77. М.: Мысль, 1968. С. 3–14.
7. Гохман В.М., Саушкин Ю.Г. Современные проблемы теоретической географии // Вопросы географии. Сб. 88. М.: Мысль, 1971. С. 5–28.
8. Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Математический метод в географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1966. № 1. С. 3–28.
9. Звонкова Т.В., Саушкин Ю.Г. Проблемы долгосрочного географического прогноза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1968. № 4. С. 3–11.
10. Кара-Мурза С.Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестн. АН СССР. 1981. № 5. С. 68–75.
11. Катровский А.П. Ю.Г. Саушкин: к вопросу о географическом изучении интеллектуального потенциала // Теоретические проблемы социально-экономической географии и совершенствование подготовки современного учителя. Ч. I. Смоленск: СГПИ, 1991. С. 29–31.
12. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования / под ред. Н.Н. Казанского, Т.М. Калашниковой, Ю.Г. Саушкина. М.: Мысль, 1969. 336 с.
13. Лавров С.Б., Перцик Е.Н., Глушкова В.Г. Ю.Г. Саушкин / Серия «Люди науки». Смоленск: Ойкумена, 2001. 104 с.

14. Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособ. для вузов. М.: Владос, 1997. 480 с.
15. Миркин Б.Г. О понятии научного вклада и его измерителях // Управление большими системами. 2013. № 44. С. 292–307.
16. Мирская Е.З. Механизм оценки и формирования нового знания // Вопросы философии. 1979. № 5. С. 119–130.
17. Михайлов О.В. Размышления об оценке научной деятельности // Управление большими системами. 2013. № 44. С. 144–160.
18. Москалева О.В. Можно ли оценивать труд ученых по библиометрическим показателям? // Управление большими системами. 2013. № 44. С. 308–331.
19. Перцик Е.Н. Ю.Г. Саушкин // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие: Кн. для учителя / Сост. Т.Е. Губанова. 2-изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 302–314.
20. Перцик Е.Н., Шувалов В.Е. К столетию со дня рождения Юлиана Глебовича Саушкина (1911–1982) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2011. № 4. С. 3–7.
21. Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. Сб. 1. М.: Географгиз, 1946. С. 97–106.
22. Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза / МГПИ им. В.И. Ленина: Уч. записки. Т. 38. М.: Географгиз, 1947. 423 с.
23. Саушкин Ю.Г. Об изучении системы городов Советского Союза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1960. № 1. С. 23–30.
24. Саушкин Ю.Г. Москва / под ред. Н.Н. Баранского. М.: Географгиз, 1950. 87 с. (4-е изд. – М.: Мысль, 1964. 240 с.).
25. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958 (2-е изд. 1970). 450 с.
26. Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. М.: Геогр. ф-т МГУ, 1960. 235 с.
27. Саушкин Ю.Г. Энергопроизводственные циклы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1967. № 4. С. 3–10.
28. Саушкин Ю.Г. Прогноз в экономической географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1967. № 5. С. 39–45.
29. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
30. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 423 с.
31. Саушкин Ю.Г. Географические циклы круговоротов веществ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1978. № 4. С. 3–11.
32. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение, 1980. 269 с.
33. Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1980. № 4. С. 3–13.
34. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
35. Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира: Экономико-географическое исследование. М.: Мысль, 1983. 285 с.
36. Саушкин Ю.Г., Смирнов А.М. Геосистемы и геоструктуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1968. № 5. С. 27–32.
37. Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. 608 с.
38. Экономическая и социальная география на пороге XXI века. Сб. статей памяти Ю.Г. Саушкина. М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 300 с.
39. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) – Elibrary [Электр. ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 20.09.2021).

Поступила в редакцию 27 сентября 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

### Об авторах

*Катровский Александр Петрович* – доктор географических наук, профессор кафедры географии Смоленского государственного университета, г. Смоленск.

*Шувалов Владимир Ефимович* – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

### Для цитирования:

*Катровский А.П., Шувалов В.Е.* Юлиан Глебович Саушкин: творческое наследие и современность // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 5–13.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-1

## Yulian Glebovich Saushkin: creative heritage and modernity

A.P. Katrovskiy<sup>1\*</sup>, V.E. Shuvalov<sup>2\*\*</sup><sup>1</sup>Smolensk State University, Smolensk, Russia<sup>2</sup>Lomonosov Moscow State University, Department of Geography, Moscow, Russia

\*e-mail: alexkatrovsky@mail.ru

\*\*e-mail: veshuvalov@mail.ru

The article analyzes the relevance of the publications of Professor Julian Glebovich Saushkin (1911–1982) in the period from 2000 to 2020 using the national bibliographic database of scientific citation RSCI. The analysis of the general publication activity was carried out, the author's publications most in demand in the 21st century were identified, and their general characteristics were given. The most in demand are 46 works (45% of the author's publications presented in the RSCI), which are cited 3 times or more, they account for 98% of the total number of citations. The maximum citation of Saushkin's publications fell on 6 books (68%), including 5 of them – lifetime. The absolute leader in terms of citation is the fundamental, encyclopedic in content, book «Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice», which has not been created in Russian socio-economic geography over the past half century. It was revealed that Yu.G. Saushkin, of course, remains a recognized authority among geographers, primarily in such sections as the history, methodology and theory of geography in general, and socio-economic geography in particular. New trends in geography, reflected in the author's publications, are still relevant in the 21st century.

*Key words:* Yu.G. Saushkin, creative heritage, modernity, bibliometric analysis, citation, publications, relevance.

## REFERENCES

1. Agirrechu A.A., Alekseev A.I., Katrovskij A.P., Percik E.N., Shuvalov V.E. Preface. In: *Saushkin Yu.G. Izbrannye trudy* [Saushkin Yu.G. Selected Works]. Smolensk: Universum Publ., 2001, pp. 7–14. (In Russ.)
2. Akoev M.A., Markusova V.A., Moskaleva O.V., Pisyakov V.V. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [Guide to Scientometrics: Indicators of the Development of Science and Technology]. M.A. Akoev, ed. Yekaterinburg: Ural univ. Publ., 2014. 250 p. (In Russ.)
3. Alaev E.B. *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Ponyatijno-terminologicheskij slovar'* [Social-economic Geography. Conceptual-terminologic dictionary]. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 350 p. (In Russ.)
4. Alekseev A.I., Kovalev S.A., Tkachenko A.A. Saushkin and the study of the population in geography. In: *Teoreticheskie problemy social'no-ekonomicheskoy geografii i sovershenstvovanie podgotovki sovremennogo uchitelya* [Theoretical Problems of Socio-economic Geography and Improving the Preparation of a Modern Teacher]. Part 1. Smolensk: Smolensk St. Ped. Inst. Publ, 1991, pp. 3–5. (In Russ.)
5. Baranskij N.N. *Izbrannye trudy. Stanovlenie sovetskoj ekonomicheskoy geografii* [Selected Works. Formation of Soviet Economic Geography]. Moscow: Mysl' Publ., 1980. 287 p. (In Russ.)
6. Gohman V.M., Gurevich B.L., Saushkin Yu.G. Problems of metageography. In: *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 77. Moscow: Mysl' Publ., 1968, pp. 3–14. (In Russ.)
7. Gohman V.M., Saushkin Yu.G. Modern problems of theoretical geography. In: *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 88. Moscow: Mysl' Publ., 1971, pp. 5–28. (In Russ.)
8. Gurevich B.L., Saushkin Yu.G. Mathematical method in geography. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1966, no. 1, pp. 3–28. (In Russ.)
9. Zvonkova T.V., Saushkin Yu.G. Problems of long-range geographic forecasting *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1968, no. 4, pp. 3–11. (In Russ.)
10. Kara-Murza S.G. Citation in science and approaches to the evaluation of scientific contributions. *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1981, no. 5, pp. 68–75. (In Russ.)
11. Katrovskij A.P. Yu.G. Saushkin: to the question of the geographical study of intellectual potential. In: *Teoreticheskie problemy social'no-ekonomicheskoy geografii i sovershenstvovanie podgotovki sovremennogo uchitelya* [Theoretical Problems of Socio-economic Geography and Improving the Preparation of a Modern Teacher]. Part 1. Smolensk: Smolensk St. Ped. Inst. Publ, 1991, pp. 29–31. (In Russ.)
12. Kolosovskij N.N. *Teoriya ekonomicheskogo rajonirovaniya* [Economic Zoning Theory]. N.N. Kazanskij, T.M. Kalashnikova, Yu.G. Saushkin, eds. Moscow: Mysl' Publ., 1969. 336 p. (In Russ.)
13. Lavrov S.B., Percik E.N., Glushkova V.G. Yu.G. Saushkin / Seriya «Lyudi nauki» [Yu.G. Saushkin / Series «People of Science»]. Smolensk: Ojkumena Publ., 2001. 104 p. (In Russ.)
14. Lappo G.M. *Geografiya gorodov: Ucheb. posob. dlya vuzov* [Geography of Cities: Proc. Allowance for Universities]. Moscow: Vados Publ., 1997. 480 p. (In Russ.)
15. Mirkin B.G. About the concept of scientific contribution and its meters. *Upravlenie bol'shimi sistemami*, 2013, no. 44, pp. 292–307. (In Russ.)
16. Mirskaya E.Z. The mechanism of evaluation and formation of new knowledge. *Voprosy filosofii*, 1979, no. 5, pp. 119–130. (In Russ.)

17. Mihajlov O.V. Reflections on the evaluation of scientific activity. *Upravlenie bol'shimi sistemami*, 2013, no. 44, pp. 144–160. (In Russ.)
18. Moskaleva O.V. Is it possible to evaluate the work of scientists by bibliometric indicators? *Upravlenie bol'shimi sistemami*, 2013, no. 44, pp. 308–331. (In Russ.)
19. Percik E.N., Yu.G. Saushkin. In: *Ekonomicheskaya i social'naya geografiya v SSSR: Istoriya i sovremennoe razvitiye: Kniga dlya uchitelya* [Economic and Social Geography in the USSR: History and Modern Development: A Book for Teachers]. T.E. Gubanova, comp. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1987, pp. 302–314. (In Russ.)
20. Percik E.N., Shuvalov V.E. On the centenary of the birth of Yulian Glebovich Saushkin (1911–1982). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 2011, no. 4, pp. 3–7. (In Russ.)
21. Saushkin Yu.G. Cultural landscape. In: *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 1. Moscow: Geografiz Publ., 1946, pp. 97–106. (In Russ.)
22. Saushkin Yu.G. *Geograficheskie ocherki prirody i sel'skohozyajstvennoj deyatel'nosti naseleniya v razlichnykh rajonah Sovetskogo Soyuza* [Geographical Sketches of Nature and Agricultural Activities of the Population in Various Regions of the Soviet Union. Moscow: Geografiz Publ., 1947. 423 p. (In Russ.)
23. Saushkin Yu.G. On the study of the city system of the Soviet Union. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1960, no. 1, pp. 23–30. (In Russ.)
24. Saushkin Yu.G. *Moskva* [Moscow]. N.N. Baranskij, ed. Moscow: Geografiz Publ., 1950. 87 p. (fourth edition – Moscow: Mysl' Publ., 1964. 240 p.) (In Russ.)
25. Saushkin Yu.G. *Vvedenie v ekonomicheskuyu geografiyu* [Introduction to Economic Geography]. Moscow: Moscow University Press, 1958 (second edition – 1970). 450 p. (In Russ.)
26. Saushkin Yu.G. *Lekcii po ekonomicheskomu rajonirovaniyu SSSR* [Lectures on Economic Zoning of the USSR]. Moscow: Faculty of Geography, Moscow University Publ., 1960. 235 p. (In Russ.)
27. Saushkin Yu.G. Energy production cycles. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1967, no. 4, pp. 3–10. (In Russ.)
28. Saushkin Yu.G. Forecast in economic geography. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1967, no. 5, pp. 39–45. (In Russ.)
29. Saushkin Yu.G. *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Moscow: Mysl' Publ., 1973. 559 p. (In Russ.)
30. Saushkin Yu.G. *Istoriya i metodologiya geograficheskoy nauki: Kurs lekciy* [History and Methodology of Geographical Science: A Course of Lectures]. Moscow: Moscow University Press, 1976. 423 p. (In Russ.)
31. Saushkin Yu.G. Geographical cycles of matter cycles. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1978, no. 4, pp. 3–11. (In Russ.)
32. Saushkin Yu.G. *Geograficheskaya nauka v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Geographical Science in the Past, Present, Future]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1980. 269 p. (In Russ.)
33. Saushkin Yu.G. Natural economic regions of the Soviet Union. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1980, no. 4, pp. 3–13. (In Russ.)
34. Saushkin Yu.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Smolensk: Universum Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
35. Saushkin Yu.G., Glushkova V.G. *Moskva sredi gorodov mira: Ekonomiko-geograficheskoe issledovanie* [Moscow among the Cities of the World: An Economic and Geographical Study]. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 285 p. (In Russ.)
36. Saushkin Yu.G., Smirnov A.M. Geosystems and Geostructures. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1968, no. 5, pp. 27–32. (In Russ.)
37. *Social'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika. Sb. nauchn. statej* [Socio-economic geography: its history, theory, methods, practice. Collection of scientific articles]. A.P. Katrovskij, ed. Smolensk: Universum Publ., 2011. 608 p. (In Russ.)
38. *Ekonomicheskaya i social'naya geografiya na poroge XXI veka. Sb. statej pamyati Yu.G. Saushkina* [Economic and social geography on the threshold of the XXI century. Collection of articles in memory of Yu.G. Saushkina]. Moscow–Smolensk: Smolensk Humanitarian univ. Publ., 1997. 300 p. (In Russ.)
39. *Rossijskij indeks nauchnogo citirovaniya (RINC) – Elibrary* [Russian Science Citation Index (RSCI) – Elibrary]. URL: <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (Accessed: 20.09.2021). (In Russ.)

Received 27.09.2021

Accepted 29.09.2021

## НЕРАВНОСТОРОННИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: Ю.Г. САУШКИН МЕЖДУ Л.С. БЕРГОМ И Н.Н. БАРАНСКИМ

© 2021 г. А.Н. Пилясов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
географический факультет, Москва, Россия  
e-mail: pelyasov@mail.ru*

Четыре десятилетия, прошедшие после смерти собирателя советской экономической географии Юлиана Глебовича Саушкина, востребуют переоценку его научной биографии и той роли, которую играли в его творческом становлении и развитии старшие коллеги. Прежде всего должна быть переоткрыта роль Л.С. Берга и всей школы российских натуралистов, представителем которой он был, в первом периоде становления Саушкина как географа-энциклопедиста. Представляется, что идеи и достижения этого этапа «раннего» Саушкина, как и в целом концепции антропогеографии, культурного ландшафта, «ландшафтной» эволюции и др., могут представлять значительный интерес для современного развития российской социально-экономической географии, в ответе на возникающие перед нашей наукой вызовы. Переход Ю.Г. Саушкина от ландшафтной интеграционной парадигмы к районной и радикальная смена творческого кредо на втором этапе его научной биографии были абсолютно неизбежными и объективными. Но это не означает, что нам не нужно искать конструктивный для развития нашей науки потенциал, который содержится в ранних работах Ю.Г. Саушкина и в работах Л.С. Берга как его главного учителя первого периода научной жизни.

*Ключевые слова:* Ю.Г. Саушкин, Л.С. Берг, Н.Н. Баранский, интеллектуальное влияние, ландшафтная и районная парадигмы, номогенез, междисциплинарный подход, эволюционная экономическая география.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-2

**Введение и постановка проблемы.** Каноническое, известное нам с университетской скамьи, представление о научной биографии Юлиана Глебовича Саушкина состоит в следующем. Со студенческих лет он оказался под сильным интеллектуальным влиянием лидера и основателя советской экономической географии Н.Н. Баранского, который стал его наставником на всю жизнь, а после его смерти талантливый ученик продолжил дело учителя в служении экономической географии и районной школе, новым лидером которой он стал.

Однако сейчас, спустя почти 40 лет после смерти Ю.Г. Саушкина, возникает вопрос, насколько этот хорошо усвоенный нами канон соответствует действительности. Рискну сказать, что такое прямолинейное представление сегодня не только обедняет нашу науку, но и закрывает для нее возможности, опираясь на богатство прошлых традиций, адекватно и эффективно отвечать на современные, стоящие перед ней, вызовы.

Изучение исследовательского пути Ю.Г. Саушкина ввиду той уникальной роли, которую он играл в развитии советской экономической географии в 1960–1970-е гг., всегда не-

избежно выходит за рамки просто изучения биографии к размышлению о траекториях развития самой нашей науки. В современный период ее сохранения и защиты более объемное понимание этапа ее становления в 1920–1940-е гг., представляется исключительно актуальным и важным.

А здесь не обойтись без переоткрытия роли выдающегося советского географа и биолога Л.С. Берга в творческом мужании Ю.Г. Саушкина и очень быстром превращении его в оригинального и широко мыслящего ученого-географа с исключительным потенциалом интеллектуального роста (который и был в послевоенные десятилетия успешно реализован). Переоткрытие влияния Л.С. Берга на раннего Ю.Г. Саушкина важно нам еще и потому, что многие, прежде всего, эволюционные идеи Л.С. Берга не были Ю.Г. Саушкиным реализованы в тот период по идеологическим соображениям, но теперь, в период утверждения эволюционной экономической географии, представляются исключительно плодотворными и интересными для нашей науки. Почему мы должны опираться исключительно на концепцию эволюционной экономической географии голландца

Р. Бошмы, когда у нас есть эволюционист Л.С. Берг с оригинальной и очень географичной концепцией номогенеза?

Оригинальное и естественное для русских натуралистов конца XIX – начала XX в. чувство единства природного и социального, безусловным приверженцем которого был и Л.С. Берг, творчески вдохновляло Н.Н. Баранского и Ю.Г. Саушкина на борьбу за «единую географию», против выкидывания экономической географии из семейства географических наук. К сожалению, в послевоенные годы под влиянием идеологических запретов на немарксистскую социобиологию, и в еще большей степени – в кризисные 1990-е гг., это чувство единства было нами потеряно. Потенциал конструктивной интеграции природоведческого и общественного внутри экономической географии оказался недоиспользованным.

Берговское представление о культурном ландшафте как органичном продолжении ландшафта природного, о «принудительном влиянии ландшафта на человека», его интерес к антропогеографии и многие другие интересные прозрения на стыке биологии и социально-экономической географии, после первоначального живого отклика молодого Ю.Г. Саушкина, в дальнейшие послевоенные десятилетия уже не получили развития ни у него, ни у его учеников. Так не следует ли нам, в современную эпоху изменений климата и вирусных пандемий, утверждения природоподобных технологий, «зеленой» экономики и энергетики, снова обратиться к тем концептуальным представлениям, которые не разъединяют, а наоборот, рассматривают в единстве общество и природу, которые были присущи русским натуралистам и Л.С. Бергу, и отчетливо звучат и в «Географических очерках...» [21] Ю.Г. Саушкина 1947 г.?

**Обзор ранее выполненных исследований по теме.** За четыре десятилетия, прошедшие после ухода Ю.Г. Саушкина, о нем написаны десятки статей. Все работы обобщенно можно структурировать по трем группам:

1) воспоминания коллег, лично знавших Ю.Г. Саушкина, широкими мазками: здесь и про жизненный путь, и про вклад в науку, и про творческую манеру [10; 17; 18];

2) более узко сфокусированная и наиболее многочисленная по количеству публикаций характеристика отдельных исследователь-

ских граней научного творчества Ю.Г. Саушкина и его роли как организатора советской экономической географии [1; 3; 11; 14; 29; 30; 31];

3) обзор и анализ отдельных книг и работ Ю.Г. Саушкина [2; 15].

Однако ни в одной из опубликованных работ не сравнивалось интеллектуальное влияние Л.С. Берга и Н.Н. Баранского на Ю.Г. Саушкина; не противопоставлялся «ранний» и «поздний» Ю.Г. Саушкин с точки зрения его интеллектуальных пристрастий и выбранной платформы интеграции интеллектуальных усилий; не предпринимались попытки объяснить поучительные «пропуски» и «умолчания» в творчестве Ю.Г. Саушкина – как резерв для развития нашей науки в будущем. Но это означает, что предпринятое нами исследование актуально и может создать добавленный интеллектуальный продукт, используя анализ научной биографии Ю.Г. Саушкина для поиска путей усиления позиций нашей науки в ответе на современные вызовы.

#### **Материалы и методика исследования.**

Основными источниками информации для исследования послужили работы Ю.Г. Саушкина, Л.С. Берга, Н.Н. Баранского, а также работа И.М. Забелина [12].

Особенности исследовательской методики заключались в стремлении, где это возможно, использовать метод конфликтующих источников, то есть работы авторов, которые имеют разные позиции на одни и те же обстоятельства, относящиеся к фактам и событиям научной биографии Ю.Г. Саушкина, с целью формирования более сбалансированной и достоверной картины; уделять внимание не только самим текстам, но и характерному молчанию источников (почему автор не пишет об этих людях или фактах биографии своей или своих учителей?); стремлению обеспечить такую степень вживления в обстоятельства научной биографии Ю.Г. Саушкина, как если бы они были современны нам (метод исторической реконструкции); метод «выхода из зоны комфорта» доминирующих сегодня представлений об истории нашей науки в XX в., которые были сформированы 30–40 лет назад и некритически повторяются до настоящего времени. Их носителями выступают коллеги, лично общавшиеся с Ю.Г. Саушкиным в последний период его жизни и

потому естественно закрепляющие позицию «позднего» Ю.Г. Саушкина, что он является наследником, представителем и продолжателем, школы Баранского–Колосовского.

Чтобы преодолеть эту аберрацию близости, специальный акцент был сделан на взгляды, представления, концепции Л.С. Берга, сформированные 75–100 лет назад, и анализ ссылок и цитирований в работах Ю.Г. Саушкина на работы Л.С. Берга. Значительную помощь в переоткрытии влияния Л.С. Берга на молодого Ю.Г. Саушкина оказала недавно изданная незаконченная книга Ю.Г. Саушкина «Географическое мышление», в которой он значительно более откровенно, чем в работах 1970-х гг., признает притяжение идей Л.С. Берга и его роль в своем становлении как исследователя-географа [28].

#### Результаты исследования.

**1. Доказательство влияния Л.С. Берга на Ю.Г. Саушкина.** Влияние Л.С. Берга на Ю.Г. Саушкина не вызывает сомнений и признавалась и самим Ю.Г. Саушкиным. Однако именно ввиду того, что на втором этапе своей научной биографии Ю.Г. Саушкин обращается к работам Л.С. Берга все реже и все реже ссылается на ландшафтную парадигму в широкой исходной концепции Л.С. Берга (в том числе и по идеологическим соображениям), для нас важно объективно, фактологически раскрыть этот вопрос. Будем использовать для этого: а) опубликованные работы Ю.Г. Саушкина, прямо посвященные Л.С. Бергу; б) ссылки на статьи и книги Л.С. Берга в работах Ю.Г. Саушкина, прежде всего его докторской монографии «Географические очерки...», которые были написаны под явным, прямым и сильным, влиянием «Ландшафтных зон СССР» Л.С. Берга; в) конкретные направления влияния, которые обозначаются при анализе основных работ Ю.Г. Саушкина.

Среди более шестисот работ Ю.Г. Саушкина не так много (восемь) прямо обращены к Л.С. Бергу. Среди них три рецензии (две на работы Л.С. Берга, посвященные истории Всесоюзного Географического общества и истории географических открытий русскими путешественниками и географами; одна на рассказ коллег про академика Л.С. Берга [19; 20; 24]); две мемориальные статьи, опубликованные после смерти Л.С. Берга в 1950 г. [22; 23]; одна статья – это редактор-

ское введение в книгу, в которой Л.С. Берг предлагал Ю.Г. Саушкину быть соавтором, но этого не произошло [6]; и потом спустя почти 25-летний перерыв, в год столетия Л.С. Берга (к тому времени дочь Берга Раиса уже эмигрировала в США), две статьи, а по сути опубликованные с краткими комментариями письма Л.С. Берга Ю.Г. Саушкину [25; 26]. Возникает ощущение сильного подспудного, но в полный голос (по понятным причинам) не признаваемого влияния.

В своей опубликованной докторской «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза (М.: Географгиз, 1947) Ю.Г. Саушкин ссылается на три книги Л.С. Берга (при этом ссылок на Н.Н. Баранского нет вообще – докторская написана под определяющим, можно даже сказать, монопольным влиянием Л.С. Берга): Аральское море. СПб. 1908; Ландшафтно-географические зоны СССР. Т. 1. Л. 1931; Физико-географические (ландшафтные) зоны СССР. Ч. 1, изд. 2-е. Л.: ЛГУ. 1936.

Следуя традициям биологической систематизации Л.С. Берга (отчетливо она была проведена, например, для рыб бассейна Амурского моря), Ю.Г. Саушкин в этой книге выделяет 54 типа сельского хозяйства СССР, а подробно характеризует девять самых контрастных и ярких из них. Великолепно написан последний очерк «Поливное земледелие высокогорных долин в сочетании со скотоводством на альпийских пастбищах», в котором автор проявляет себя как достойный наследник школы российских натуралистов, в том числе Н.И. Вавилова и Л.С. Берга.

По сути, автор в этом очерке рассказывает про различия протекания инновационного процесса в горных (Таджикистан) и речных долинах (Средняя Азия). В горных долинах намного раньше началось возделывание растений, зародилось мотыжное земледелие, намного шире было сортовое разнообразие культурных растений (при том, что само число культурных растений было невелико).

Однако жители речных долин, позже начав культурное земледелие, затем намного превзошли горцев в технике и продуктивности тех самых культурных растений, которые они взяли у них, а активные транспортные связи с дальними странами позволили им и значительно расширить весь спектр возделываемых культур (в горах было шире



сортовое разнообразие одних и тех же культур, что дало возможность населению равнин отбирать наиболее успешные, а на равнинах было шире разнообразие видов возделываемых культур).

Этот очерк выводит Ю.Г. Саушкина в понимании сложных связей между природными ландшафтами и жизнеобеспечивающей аграрной деятельностью на уровень лучших физико-географов мира – Карла Тролла с его ландшафтными очерками по Андам, Виктора Сочавы в его описаниях биогеоценозов Дальнего Востока и др. Ю.Г. Саушкин идет здесь даже дальше своих учителей-натуралистов. Он показывает, что те факторы, которые обеспечили быстрое и успешное укоренение новшеств на первом, венчурном, этапе, впоследствии могут не сработать, и вперед вырываются другие сообщества, которые обладают теми преимуществами, которые оказываются нужны не на стартовом периоде автономного «внутридолинного» экспериментирования, а масштабирования отобранных успешных новшеств, их массового внедрения.

Самое главное влияние Л.С. Берга на Ю.Г. Саушкина состояло в том, что в его окружении просто не было другого, более широко мыслящего географа. Широта междисциплинарности, слом перегородок между науками, характерные для исследовательской манеры Л.С. Берга, захватывали молодого Саушкина, звали к максимально комплексной постановке исследовательской проблемы, когда исходно очень узкая тема в новаторской авторской постановке связывается с другими отраслями знания и обретает широкий, подлинно географический характер, что было характерно всем работам Л.С. Берга. Вот на это живой и ищущий ум Саушкина откликался исключительно, эту прививку географической комплексности от Берга он пронес через всю жизнь. Рискну сказать, что получить ее от другого своего учителя, Н.Н. Баранского, он не мог. Вот как пишет об этом сам Ю.Г. Саушкин: «Книга Л.С. Берга («Аральское море») говорила с нами полным голосом: идите по моему пути и, выбрав объект исследования – не случайный, а закономерно возникший и развивающийся – внимательно изучайте его в сформировавшемся единстве, в тех связях и взаимодействиях, которые в нем видны, создавая вместе с текстом и карты...» [28, с. 68–69].

Л.С. Берг стал для Ю.Г. Саушкина прерватником в мир российских натуралистов-естествоиспытателей, у которых он учился и к числу которых принадлежал сам: Д.Н. Анучина, В.И. Вернадского, А.П. Павлова, К.А. Тимирязева, А.И. Воейкова, Л.И. Мечникова, В.В. Докучаева и др. Например, в своей книге «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» [27] Ю.Г. Саушкин абсолютно доверяет мнению Л.С. Берга и для характеристики работ выдающихся российских натуралистов использует его оценки.

Для меня абсолютно очевидно, что Ю.Г. Саушкин хотел быть таким же энциклопедистом-географом, как Л.С. Берг. Его захватывала широта научных интересов Берга. Но для объективности нужно сказать, что у него не всегда получалась эта, естественная для самого Берга, широта и междисциплинарность «захвата» научной постановки проблемы и тематики научного исследования. Порой в его версии это выглядело более искусственно и менее плодотворно.

Широта Берга как географа естественно звала его к развитию зональной парадигмы. Можно сказать, что он создал новую науку о ландшафтно-географических зонах, преобразовал географию в новую науку – ландшафтоведение, интегрируя в одно комплексное учение принцип зональности в почвоведении В.В. Докучаева, в климатологии А.И. Воейкова, в зоогеографии Н.А. Северцова и др.

В такой же степени Ю.Г. Саушкина увлекала биологическая систематика и классификация Л.С. Берга, когда тот давал не кусочное, разрозненное, а предельно полное и систематичное, отклассифицированное описание флоры и фауны Арала, пресноводных, проходных и солоноватоводных рыб СССР, Европы, создавал схемы зоогеографических районов для всего мира по признаку распространения определенных видов рыб и т.д.

Географические ландшафтные зоны и биологическая систематизация Л.С. Берга, видимо, стали теми интеллектуальными предпосылками, из которых потом родилась увлеченность Ю.Г. Саушкина экономическим районированием. Он, очевидно, увидел в нем и элементы биологической систематизации, и географической зональности. Но и сам Л.С. Берг стал одним из первых заниматься вопросами географического районирования.

рования, например, в работах «Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области», «Устройство поверхности Азиатской России», «Рельеф Сибири, Туркестана и Кавказа».

Л.С. Берг стремился, в духе традиций русских натуралистов, рассматривать все географические явления «за исторический период», то есть в процессе изменений во времени. Именно у него Ю.Г. Саушкин учился этому чувству времени в географических исследованиях, которое дается очень трудно, ввиду обычной погруженности ученого в основном в перипетии пространственных процессов. Идея циклов, захватившая Саушкина в 1950–1970-е гг., отражает эту тягу к пространственно-временному синтезу в экономической географии.

У Берга включение времени в географические процессы привело к формулированию собственной оригинальной теории эволюции – номогенезу, в которой географическому ландшафту отводится очень важная роль, признаются реальности не только постепенных, но и скачкообразных мутационных изменений, охватывающих сразу огромные географические области Земли.

В вопросах эволюции, о которой Саушкин писал очень мало, хорошо помня про разгромную критику в начале 1930-х гг. бергского «Номогенеза», у него были поучительные заблуждения ввиду стремления следовать официальному канону «эволюции по Дарвину»: изменения признаков могут быть только постепенными и инерционными, но никак не разом, не скачком. Признавая необходимость биологической, эволюционной прививки для географической науки, он, тем не менее, саму эволюцию понимал механически – как постепенное развертывание «конвейерной цепочки».

Можно даже сказать, что со временем он отдалялся от того живого чувства эволюции, «географических вариаций хозяйства», к которому тяготел в своих «Географических очерках...», в сторону более формализованного, в своих последних работах (см., например, главу 4 «Роль эволюционного учения в развитии географических идей в книге «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем»). Для нас это означает, что здесь есть явный резерв приложения наших собственных интеллектуальных усилий для дальнейшего развития этой темы.

2. *Выбор веры: Ю.Г. Саушкин между ландшафтной парадигмой Л.С. Берга и районной Н.Н. Баранского – Н.Н. Колосовского.* Ввиду уникальной функции Ю.Г. Саушкина как собирателя нашей науки анализ его научной биографии, выполненный по перечню опубликованных работ, может много дать в понимании развития самой нашей науки, и происходящих в ней перемен за полувековой период научной активности Ю.Г. Саушкина (1930–1970-е гг.).

Перечень опубликованных работ выявляет два неодинаковых по протяженности периода творческой биографии Ю.Г. Саушкина. Граница между ними проходит примерно по 1955 г., сразу после смерти Н.Н. Колосовского, которая объективно выдвинула Ю.Г. Саушкина на роль продолжателя теории энергопроизводственных циклов, экономического районирования и территориально-производственных комплексов, в период начавшихся крупных преобразований в организации производственных систем СССР.

Этот водораздел хорошо виден и на графике сервиса Google Ngram, который позволяет строить графики частотности слов на основе огромного количества печатных источников, собранных в сервис Google Books. Мы видим, что фамилия «Saushkin» в зафиксированных упоминаниях в Интернете возникает с 1939 г. и примерно до 1955 г. идет плавный, очень медленный, рост числа упоминаний, который затем переходит просто во взрывной, доходит до максимума в середине 1960-х гг., после чего спадает вплоть до абсолютного минимума в десятилетия реформ 1990-х гг., а затем стабилизируется на более высоком уровне (рис. 1). Эта динамика частоты упоминаний работ Саушкина в электронных базах Гугла на английском языке выглядит адекватно нашим субъективным ожиданиям.

Первый период (с появления первой опубликованной работы в 1933 г.) ознаменовался первой значительной работой 1938 г. «РСФСР (экономико-географический очерк)», вышедшей под редакцией Н.Н. Баранского. Остальные публикации – это в основном многочисленные короткие рецензии на работы коллег. Знакомство с названиями этих работ не создает ощущения, что автор может быстро состояться как сложившийся ученый. Однако уже виден широкий творческий поиск и стремление к географической комплексности в анализе.

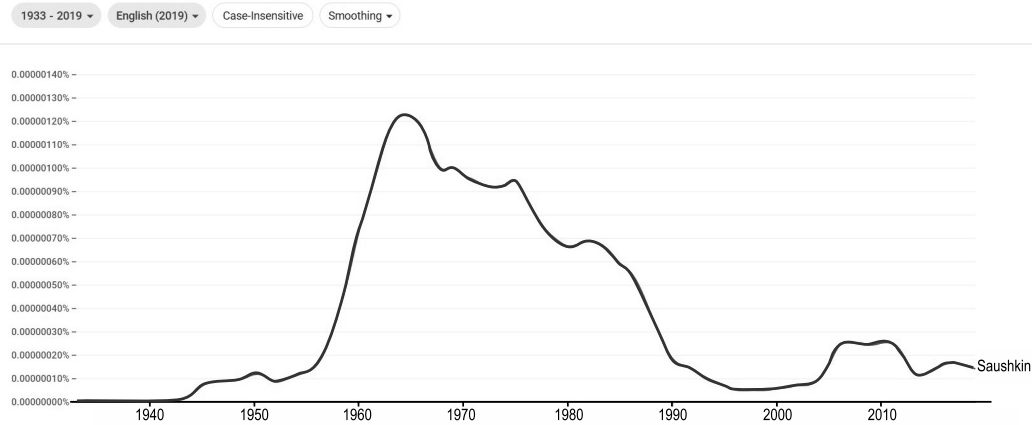


Рис. 1. Частота упоминаний фамилии Saushkin в англоязычных базах печатных источников, собранных в сервисе Google Books

И вдруг, абсолютно не подготовлено предыдущими, частными работами, Ю.Г. Саушкин «выстреливает» своими «Географическими очерками природы и сельскохозяйственной деятельности в различных районах Советского Союза» – опубликованной в Географизме в 1947 г. своей докторской диссертации. Очень быстро он становится профессором, а с 1948 г. – заведующим кафедрой экономической географии СССР в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, которую возглавляет более 30 лет.

Эта работа, которая стала кульминацией первого этапа научной биографии Ю.Г. Саушкина, сильно отрывается и по зрелости, и по широте охвата, от всего опубликованного им ранее, никогда не смогла бы появиться за такое короткое время, без сильнейшего влияния работ Л.С. Берга по ландшафтным зонам СССР. Абсолютно неслучайно, что и сам Л.С. Берг встретил эту книгу очень позитивно, увидел в ней глубокую родственность своим работам. Линия Саушкина как географа, натуралиста и естествоиспытателя закрепляется в его вступительной статье к опубликованному в 1948 г. «Учению о зонах природы» В.В. Докучаева.

Совершенно очевидно, что в этот период Ю.Г. Саушкину интересно работать вне дисциплинарных перегородок, широко, в духе еще не угаснувших традиций русских натуралистов, живое воплощение которых он видит в Л.С. Берге; искать мосты между природными и культурными ландшафтами,

вести поиск в духе «единой географии». После этого последовала пауза в несколько лет, когда темы русских натуралистов в экономической географии Ю.Г. Саушкин уже более не развивает. Для Саушкина можно назвать это время «выбором веры».

Затем, со второй половины 1950-х гг., происходит решительный поворот к экономическому районированию, размещению производительных сил и промышленности, индустриальной проблематике территориально-производственных комплексов и энергопроизводственных циклов, промышленных узлов, к теме городов. Все эти темы в творчестве Ю.Г. Саушкина развиваются предельно активно вплоть до второй половины 1970-х гг., когда возникает ощущение пробуксовки, остановки, даже застоя, при этом получают развитие новые темы методов географических исследований, географического прогноза и перспектив территориального развития страны.

Для нас здесь возникает важный вопрос: в какой степени закономерным был этот радикальный интеллектуальный сдвиг Ю.Г. Саушкина от ландшафтной интеграционной парадигмы Л.С. Берга, в которой он увлеченно работал первые послевоенные годы, к экономическому районированию на втором этапе его научной биографии? Объяснить все смертью Л.С. Берга в 1950 г. было бы упрощением. Смерть Н.Н. Колосовского в 1954 г., Н.Н. Баранского в 1963 г., наоборот, укрепили желание и лидерство Ю.Г. Саушкина в кругу советских экономико-географов

в утверждении главной триады советской районной школы экономической географии: «экономический район – территориально-производственный комплекс – энергопроизводственный цикл».

Представляется, что есть как минимум три причины поучительного для нас интеллектуального дрейфа Ю.Г. Саушкина. Ландшафтная парадигма Л.С. Берга давала Ю.Г. Саушкину возможность изучать сохраненное агропатриархальное прошлое России. Но чтобы стать лидером, нужно было идти вместе со страной вперед, в индустриальное будущее. Здесь конструктивность ландшафтной парадигмы для научного объяснения быстро происходящих перемен была для него неочевидна. Вот что пишет И.М. Забелин про книгу-аналог саушкинских очерков, которая сильнейшим образом повлияла на него в процессе их подготовки: «Книга Берга о ландшафтных зонах... вызывает и восхищение, и недоумение... Но мне кажется, что сокрыто в ней нечто пока никем не обнаруженное, – в ней есть предвосхищение и наших дней, и грядущих столетий. Не прогнозистическое предвосхищение научных проблем и технических совершенств... Я знаю, что Л.С. Берг – едва ли он так думал сам, – проник в духовный мир, уловил интимную тоску (потребность) людей из будущего тысячелетия, – тоску по тому миру, который он описал в своих зонах» [12, с. 111, с. 189] (вместе с крестьянской сохой, в ней неоднократно упомянутой – при том, что слово «трактор» в книге Л.С. Берга не упоминается ни разу).

Идеи Берга о включенности человека в ландшафт, о слиянии его с остальной природой в единое гармоничное целое, неизбежно означали акцент на старые устоявшиеся черты народной жизни... перекося в патриархальщину... [12, с. 190]. У Л.С. Берга налицо романтизация архаики в виде крестьянской сохи, исчезающих девственных ландшафтов. Ю.Г. Саушкин повторил эту ностальгию в своих «Географических очерках...».

Но послевоенное индустриальное переустройство страны требовало абсолютно других концепций, объясняющих и оправдывающих масштабные хозяйственные преобразования Советского Союза. Чтобы стать их певцом, нужно было поменять интеграционную платформу с ландшафтной на районную. Ради оправдания Ю.Г. Саушкина, можно вспомнить, как сам Л.С. Берг, чтобы

иметь право на учебу в Московском университете, для преодоления ценза оседлости, отказался от родительской веры и принял лютеранство (как самую легкую по обрядам христианскую религию).

Другая причина отказа от ландшафтной парадигмы и традиций русских натуралистов состояла в идеологическом давлении – запретности любых аналогий природного и социального, к которому тяготели русские натуралисты и сам Л.С. Берг, – как антимарксистских. Экономическая и физическая география к тому времени уже были в большей степени обособлены, чем интегрированы, междисциплинарные взаимные проникновения внутри географической науки вызывали настороженность и идеологические обвинения. Сохранять верность традициям русских натуралистов (как и философов «русского космизма») становилось карьерно опасно.

**3. Недостаточные звенья в системе отношений «Саушкин–Берг–Баранский».** Понять взаимодействие двух учителей Ю.Г. Саушкина – Л.С. Берга и Н.Н. Баранского, и отношение самого Ю.Г. Саушкина к творчеству Л.С. Берга на втором этапе его научной биографии, когда он поменял свое научное кредо с ландшафтного на районное, невозможно изнутри треугольника «Саушкин–Берг–Баранский». Для этого необходимо ввести в систему еще двух ученых.

**3.1. Фактор С.В. Бернштейна-Когана (1886–1951).** Истинным первопроходцем в создании советской экономической географии в ее современном виде был Сергей Владимирович Бернштейн-Коган, который в 1920-е гг. осуществил мощный прорыв в создании базовых теоретических заделов нашей науки, которыми потом десятилетия пользовались его многочисленные коллеги. Он опубликовал тогда фундаментальные работы по общей экономической географии, теории размещения промышленности и транспорта, экономическому районированию, исторической географии и промышленной социологии, о которых мы знаем очень мало [7; 9; 16]. Однако именно они повлияли на формирование мировоззрения первых советских экономико-географов, в том числе и учителя Ю.Г. Саушкина – Н.Н. Баранского. В первой половине 1920-х гг. профессор экономической географии Петроградского политехнического университета, во второй

половине 1920-х гг. С.В. Бернштейн-Коган переезжает в Москву, создает кафедру экономической географии во Втором Московском государственном университете, на которой работает Н.Н. Баранский, ведет курсы географии промышленности, географии путей сообщения, вводит новое понятие местного экономического ландшафта, на основе которого формируется конкретный экономический район, издает учебник «Очерки экономической географии» [8], который выдержал несколько переизданий.

Становление Ю.Г. Саушкина проходит в период, когда, с одной стороны, в экономической географии еще очень сильно интеллектуальное влияние С.В. Бернштейна-Когана (репрессированного в начале 1930-х гг., то есть в годы учебы Ю.Г. Саушкина в Московском университете); с другой стороны, в научной среде создан «легендарный образ» Л.С. Берга как крупного физико-географа и биолога.

Л.С. Берг и С.В. Бернштейн-Коган были троюродные братья. В этот короткий период получалось так, что оба крыла географии – естественное и обществоведческое – развивались людьми с одним жизненным опытом, образованием и научной эрудицией. Это очень способствовало интенсивным перетокам знания между дисциплинами и плодотворному наведению мостов между этими науками. Ю.Г. Саушкин профессионально рос в этой атмосфере перекрестного опыления физической и экономической географии, что и подтвердили его «Географические очерки...», представленные в виде докторской диссертации уже в послевоенное время.

Однако в последующие годы во всех опубликованных работах он всегда называл Н.Н. Баранского и своим учителем, и создателем советской экономической географии и районной школы<sup>1</sup>, забывая про С.В. Бернштейна-Когана; при этом навсегда сохраняя уважение и пиетет к Л.С. Бергу.

Ни в одной из своих работ Л.С. Берг никогда не ссылался на Н.Н. Баранского (что вполне объяснимо), но Н.Н. Баранский многократно ссылался на Л.С. Берга, часто в совместных публикациях с Ю.Г. Саушкиным, и писал позитивные рецензии на выходящие работы Берга. В 1946 г. Н.Н. Баранский отказался баллотироваться в академики от

отделения географии, чтобы обеспечить гарантированную победу Л.С. Бергу.

Возникает ощущение негласно существующего джентльменского договора между Л.С. Бергом и Н.Н. Баранским, важную роль в поддержании которого играл Ю.Г. Саушкин: Берг никогда не боролся за приоритет своего опального троюродного брата в деле создания новой советской экономической географии, и лавры здесь достались Н.Н. Баранскому, который был канонизирован как официальный патриарх нашей науки; Баранский ценил благородство Берга и непосредственно или вместе с Саушкиным неоднократно оказывал поддержку Бергу в драматичных обстоятельствах его жизни.

Но в итоге оказывается, что сегодня мы не вполне знаем отцов-основателей нашей науки и их теоретические воззрения, которые могли бы обогатить нас важными новыми представлениями на современном переломном этапе ее развития. Абсолютно очевидно, что эта ситуация не делает нас интеллектуально сильнее. Из «Шинели» С.В. Бернштейна-Когана вышел и Н.Н. Баранский, да и сам Ю.Г. Саушкин. Среди них только Н.Н. Колосовский обладал собственным практическим опытом, который позволил ему осуществить самостоятельный интеллектуальный прорыв в теории экономического районирования. Пришло время переоткрыть работы С.В. Бернштейна-Когана и сделать их достоянием широкой экономико-географической общественности, прежде всего студентов и аспирантов, чтобы они могли полноценно увидеть первый и самый венчурный период становления нашей науки.

*3.2. Фактор дочери Берга Раисы Львовны (1913–2006).* На втором этапе научной биографии Ю.Г. Саушкина постепенно память о Л.С. Берге становится все более дозированной: лишь к столетию своего первого учителя, в 1976 г., Ю.Г. Саушкин публикует письма Л.С. Берга. Этому есть объективные причины: напряженные задачи индустриального переустройства страны, в самую гущу которых включался Ю.Г. Саушкин как лидер советской экономической географии, активная миссионерская деятельность в Восточной Европе по пропаганде основ новой советской экономической географии (районирование – комплексы – энергопроизвод-

<sup>1</sup> Школа Баранского–Колосовского выделена в главе 12 «Формирование научных школ» книги Ю.Г. Саушкина «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» [27, с. 155–174].

ственные циклы) уводили Ю.Г. Саушкина все дальше от научного «отрочества».

Но была и субъективная причина. Дочь Берга Раиса – доктор биологических наук, автор многочисленных работ в области популяционной и эволюционной генетики, профессор, со второй половины 1960-х гг. стала активной участницей диссидентского движения, в связи с чем в 1968 г. лишилась работы, а в 1974 г. эмигрировала в США. В этих условиях вспоминать Л.С. Берга как своего учителя было политически рискованно.

Но в результате мы сегодня платим цену за политически мотивированный отход Саушкина от Берга в последний период жизни (1960-е и особенно 1970-е гг.) тем, что не в полной мере используем потенциал берговской «ландшафтной», очень географичной теории эволюции именно в тот момент развития нашей науки, когда эта эволюционно-ландшафтная прививка ей была бы очень актуальна и полезна! Не пришло ли время и нам, российским экономико-географам, взять на вооружение номогенез Л.С. Берга в деле развития основ эволюционной экономической географии, как ранее его взяли на вооружение палеонтолог С.В. Мейен, биолог А.А. Любищев и другие российские ученые? Почему давно прошедшие политические фобии лидеров нашей науки мешают нам сегодня полноценно задействовать важное для нас теоретическое наследие географической науки?

*4. По заветам Ю.Г. Саушкина: номогенез и эволюционная экономическая география.* Абсолютно очевидно, что сегодня устанавливаются новые закономерности во взаимоотношениях общества и природной среды. Пока нельзя однозначно сказать, становится ли зависимость человека от природы сильнее или слабее. Но совершенно определено, что она становится иной, о чем свидетельствуют новые императивы малоуглеродной экономики, природосовместимых технологий, зеленой энергетики и т.д. Можно выдвинуть гипотезу, что сегодня мы намного ближе к идеям русских натуралистов начала XX в., чем к идеям советских «индустриалистов» послевоенного времени.

Если это так, то идеи раннего Ю.Г. Саушкина, наиболее полно воплощенные в его «Географических очерках...», вновь обретают свежесть и актуальность, как и идеи его главного учителя комплексной географии –

Л.С. Берга. Значительный интерес для нас может представлять переоткрытие роли географического ландшафта, в том числе преобразованного, культурного, городского ландшафта в эволюции человеческих популяций.

К этой теме впервые подступался Л.С. Берг, который говорил о ландшафте как «специальном орудии для того, чтобы расшатать набор генов или генетическую базу» биологического вида и проявить в нем скрытые потенции [цит. по 12, с. 193]. Затем роль ландшафта как источника мутации пассионарности сразу на обширной географической территории стала основой теории этногенеза Л.Н. Гумилева.

Реалии последних десятилетий неожиданного экономического прорыва стран и народов вне тех центров и широтных зон, которые были экономическими лидерами на протяжении столетий, вызывают новый интерес к ландшафтной интерпретации этих феноменов. В любом случае очевидно, что будет абсолютно преждевременно списывать со счета гигантскую роль географического ландшафта, в том числе и радикально преобразованного, в жизни современных человеческих сообществ и в их эволюции.

Раскрепощение роли географических факторов в эволюции, которые недооценивал Ч. Дарвин, но придавал большое значение Ж.-Б. Ламарк и Л.С. Берг, возможно, потребует ревизии некоторых положений теории естественного отбора, к чему уже подступался Л.С. Берг в его номогенезе, но эта попытка была выполнена преимущественно на материалах природного мира. Но сейчас мы накопили уже больше фактов и сведений, чтобы на основе институциональной теории лучше увидеть связи между ландшафтом и вариациями поведения людей, которые в том числе задаются через ландшафтнообусловленные формальные и неформальные институты, которые могут изучаться географами плечом к плечу с социологами, к чему призывал еще в 1970-е гг. Ю.Г. Саушкин (участие социологов и географов в совместных экспедиционных исследованиях, теперь мы бы сказали, для тестирования роли старых и новых институтов в местном развитии и экономическом поведении местных сообществ).

В эпоху современной увлеченности «атомизацией», акторными моделями и микрогеографией, нельзя забывать про географические факторы, способные влиять

сразу на обширные ареалы и популяции проживающих в них людей, например, под воздействием изменений климата. И в этой связи опять исключительно актуальны уроки Л.С. Берга, который характеризовал климат как ведущий фактор в смещении широтных (ландшафтных) зон [4], за которым могут первоначально не поспевать в своих изменениях почвенный и растительный покровы. Таким образом, возникает интересная исследовательская задача определения влияния на местные сообщества и популяции людей феномена рассогласованных быстрых изменений климата и более медленных изменений почвенно-растительных природных систем.

В своей книге «Номогенез» Л.С. Берг говорит и о зональности в эволюции. Чтобы сделать эту концепцию вновь актуальной на этапе «антропогенеза», мы должны переинтерпретировать саму идею географической зональности, сделав ее более дружественной к социальным феноменам. Первый шаг на этом пути уже сделан – предложена концепция, в которой зональность является не только производной от солнечной тепловой активности, но и от роли городских центров, генераторов экономической активности на окрестные территории, от циклов освоения пионерных территорий [13]. Такие широкие генерализации в нашей науке, чтобы конструктивно отвечать на новые вызовы, жизненно необходимы. Их можно в полном смысле рассматривать как реализацию завета Ю.Г. Саушкина: «Надо не бояться выходить за границы академически очерченных дисциплин, привлекать материалы, методы, выводы других дисциплин. В этих случаях исследования приобретают свежесть, становятся более яркими, интересными, практически значимыми» [27, с. 205].

Парадоксально, что в эпоху больших данных, тотального интернета и цифровизации, в экономической географии не нашлось объясняющей парадигмы той же степени общности, какой была парадигма культурных ландшафтов в предвоенное, и экономических районов, ТПК и энергопроизводственных циклов – в послевоенное время. Отсутствие такой интеграционной платформы сильно тормозит современное развитие нашей науки. Очевидно, что ее нужно искать не на путях уже преодоленной конвейерной индустриализации, технологических цепочек и стационарных промыш-

ленных районов, а уже в новых координатах биологических метафор и в целом теории эволюции и биосоциальных ландшафтов. И здесь огромную помощь нам могут оказать идеи русских натуралистов, номогенез Л.С. Берга и ранние работы собирателя нашей науки Ю.Г. Саушкина.

**Выводы и обсуждение результатов исследования.** Ю.Г. Саушкин был безусловным собирателем советской экономической географии, унаследовав эту миссию от своего учителя Н.Н. Баранского. Эта роль легко доказывается арифметически. Из 602 опубликованных им работ более 60 статей (то есть 10%!) посвящены юбилеям или некрологам коллег в различных центрах экономико-географической мысли по всему СССР. Ю.Г. Саушкин откликнулся на важнейшие события научной биографии своих товарищей по цеху по всему Советскому Союзу. Других таких людей в семье советских экономико-географов 1960–1970-х гг. больше не было.

Поэтому изучение его научной биографии, тех людей, которые на него влияли, – это не просто вопрос любопытства к отдельной судьбе ученого, это вопрос развития самой нашей науки. Подобно тому, как «ранний» Саушкин нашел свой главный объект экономико-географического исследований в ландшафтной парадигме Л.С. Берга и традициях русских натуралистов, а «поздний» Саушкин – в теории экономического районирования (ТПК и ЭПЦ) Н.Н. Колосовского, аналогичная задача стоит сегодня и перед нами – найти современный «материальный» объект экономико-географических исследований эпохи больших данных и искусственного интеллекта, способный стать новой платформой интеграции нашей науки.

Сегодня очевидно, что в этих усилиях:

1) нам очень нужна ландшафтная, географическая теория эволюции Л.С. Берга, элементы которой – зональность, культурный ландшафт, поведенческие признаки и др. – могут войти в новую интеграционную платформу нашей науки;

2) эволюционные идеи географического прогнозирования, о которых писал Ю.Г. Саушкин [27, с. 243–254], по-прежнему актуальны и плодотворны – гибкость, анализ зародышевых форм для предвосхищения последующих признаков, принцип аналогий,

вдохновленный гомологическими рядами Н.И. Вавилова, системной связности прогнозируемого явления в его взаимодействии с другими;

3) системный подход, комплексность и междисциплинарность остаются непреходящими ценностями экономико-географического исследования, каковыми они были и во времена Ю.Г. Саушкина: «системный подход как бы снова возвращается в географию, но на более высоком уровне познания...» [27, с. 219].

Многие идеологические табу советского прошлого, мешавшие тогда развитию нашей науки, ныне сняты. Этим нужно разумно воспользоваться. Предвоенные идеи смелого синтеза природного и общественного, проявившие себя наиболее отчетливо в концеп-

ции антропогеографии, снова востребованы для эффективного ответа экономической географии на вызовы изменений климата, вирусных пандемий и обеспечения жизнестойкости человеческих сообществ в условиях глобальной нестабильности.

Л.С. Берг вывел советскую географию из положения захолустной науки на авангардные позиции. Но аналогично и Ю.Г. Саушкин, вместе со своими старшими коллегами Н.Н. Баранским и Н.Н. Колосовским, вывел экономическую географию из захолустья географии. Не менее важные задачи стоят сегодня в развитии нашей науки и перед нами. Для их решения нам жизненно необходимо творческое наследие и Л.С. Берга, и Н.Н. Баранского, и Ю.Г. Саушкина.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агирречу А.А.* Ю.Г. Саушкин как научный редактор и рецензент географической литературы // Теория социально-экономической географии: синтез современных знаний. Сб. научн. трудов. Смоленск: Универсум, 2006. С. 10–11.
2. *Агирречу А.А.* «Географическое мышление» – последнее незавершенное произведение Ю.Г. Саушкина // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Смоленск: Универсум, 2011. С. 13–21.
3. *Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А.* Ю.Г. Саушкин и изучение населения в географии // Теоретические проблемы социально-экономической географии и совершенствование подготовки современного учителя. Тезисы Всесоюз. научн.-практ. конф. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск, 1991. С. 3–5.
4. *Берг Л.С.* Климат и жизнь. М.: Госиздат, 1922. 196 с.
5. *Берг Л.С.* Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. Петроград: Гос. изд-во, 1922. 306 с.
6. *Берг Л.С.* Географические зоны Советского Союза. Т. 2. Отв. ред. Ю.Г. Саушкин. М.: Географгиз, 1952. 510 с.
7. *Бернштейн-Коган С.В.* К вопросу о программе и методах составления порайонных обзоров и хозяйственных планов // Экономическое районирование России. М., 1921. С. 23–29.
8. *Бернштейн-Коган С.В.* Очерки экономической географии. Вып. 1. 1-е изд. Госиздат: М.–Петроград, 1922. 196 с. (2-е изд. – 1924; 3-е изд. – 1925).
9. *Бернштейн-Коган С.В.* К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности. М.–Л.: ЦУП ВСНХ СССР, 1925. 38 с.
10. *Глушкова В.Г.* Жизненный путь и научно-педагогический талант Ю.Г. Саушкина (к 85-летию со дня рождения) // География в школе. 1996. № 5.
11. *Даньшин А.И., Шкирина А.И.* Взгляды Ю.Г. Саушкина на социально-экономическую картографию и её современное развитие // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. С. 30–35.
12. *Забелин И.М.* Очерки истории географической мысли в СССР. 1917–1945. М. Наука. 1989. 256 с.
13. *Замятина Н.Ю.* Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации человеческой деятельности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 174–185. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-14.
14. *Катровский А.П.* Ю.Г. Саушкин: к вопросу о географическом изучении интеллектуального потенциала // Теоретические проблемы социально-экономической географии и совершенствование подготовки современного учителя. Тезисы Всесоюз. научн.-практ. конф. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск, 1991. С. 29–31.
15. *Лейзерович Е.Е.* «Золотая книга» Юлиана Глебовича Саушкина // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. С. 42–45.
16. Основные проблемы транспорта СССР и перспективы его развития. Сб. под ред. С.В. Бернштейн-Когана. – М.: Транспечать НКПС, 1929. 122 с.
17. *Перцик Е.Н.* Юлиан Глебович Саушкин: жизнь, творчество, вклад в науку // Экономическая и социальная география на пороге XXI века. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. С. 7–22.
18. *Перцик Е.Н., Шувалов В.Е.* К столетию со дня рождения Юлиана Глебовича Саушкина // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. С. 4–10.
19. *Саушкин Ю.Г., Баранский Н.Н.* Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за 100 лет. М.–Л. Академия наук, 1946. 261 с. [Рецензия] // География в школе. 1946. № 2. С. 75–76.



20. Саушкин Ю.Г. Великие географические открытия ученых нашей страны (Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М., 1946) // Партийная жизнь. 1947. № 8. С. 47–50.
21. Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М.: Географгиз, 1947. 424 с.
22. Саушкин Ю.Г. Памяти академика Льва Семеновича Берга // География в школе. 1951. № 2. С. 1–4.
23. Саушкин Ю.Г. и др. Памяти Льва Семеновича Берга // Физическая география / Вопросы географии: Сб. 24. М.: Географгиз, 1951. С. 7–12.
24. Саушкин Ю.Г. Рецензия на статью: Правдин И.В., Чепурнов В.С. Академик Лев Семенович Берг (1876–1950 гг.) // География в школе. 1957. № 1. С. 73–74.
25. Саушкин Ю.Г. Из последних писем Льва Семеновича Берга // Изв. ВГО. Т. 108. 1976. Вып. 2. С. 113–115.
26. Саушкин Ю.Г. Из писем Льва Семеновича Берга по теоретическим вопросам географии // Вестник Моск. ун-та. Сер.5. География. 1976. № 1. С. 10–16.
27. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение. 1980. 269 с.
28. Саушкин Ю.Г. Географическое мышление. Смоленск. Ойкумена. 2011. 218 с.
29. Снытко В.А., Широкова В.А., Собисевич А.В. Профессор Юлиан Глебович Саушкин как историк науки // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. науч. статей. Под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, Т.И. Яськовой. Смоленск: Универсум, 2016. С. 15–20.
30. Файбусович Э.Л., Мартынов В.Л. Значение идей Ю.Г. Саушкина для географического образования // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. науч. статей. Под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, Т.И. Яськовой. Смоленск: Универсум, 2016. С. 20–25.
31. Шупер В.А. Вклад Ю.Г. Саушкина в становление теоретической географии в СССР // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. науч. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. С. 88–94.

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.  
Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

#### Об авторе

Пиясов Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

#### Для цитирования

Пиясов А.Н. Неравносторонний треугольник: Ю.Г. Саушкин между Л.С. Бергом и Н.Н. Баранским // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 14–27.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-2

### Non-equilateral triangle: Yu.G. Saushkin between L.S. Berg and N.N. Baransky

A.N. Pilyasov

*Lomonosov Moscow State University, Department of Geography, Moscow, Russia  
e-mail: pelyasov@mail.ru*

Four decades after the death of Yu.G. Saushkin as the organizer of Soviet economic geography demand a reassessment of his scientific biography and the role that senior colleagues had played in his creative maturation. First of all, the role of L.S. Berg and the entire school of Russian naturalists, of which he was a representative, in the first period of Saushkin's formation as an encyclopedic geographer should be totally reconsidered. It seems that the ideas and achievements of this stage of the «early» Saushkin, as well as the whole concept of anthropogeography, cultural landscape, «landscape» evolution, etc., may be of significant interest for the modern development of Russian economic geography, in response to the challenges facing our science. The departure of Yu.G. Saushkin from a landscape integration paradigm to a rayon-type one, and a radical change in the creative credo at the second stage of his scientific biography was absolutely inevitable and objective. But this does not mean that we do not need to look for a constructive potential for the development of our science, which is contained in his early works and the works of L.S. Berg as his main teacher of the first period of his scientific life.

*Key words:* Yu.G. Saushkin, L.S. Berg, N.N. Baransky, intellectual influence, landscape and rayon-type paradigm, nomogenesis, interdisciplinary approach, evolutionary economic geography.

## REFERENCES

1. Agirrechu A.A. Yu.G. Saushkin as scientific editor and reviewer of geographical literature. In: *Teorija socialno-jekonomicheskoj geografii: sintez sovremennyh znaniy* [Theory of Socio-Economic Geography: Synthesis of Modern Knowledge]. Smolensk: Universum Publ., 2006, pp. 10–11. (In Russ.)
2. Agirrechu A.A. «Geographical Thinking» – the last unfinished work of Yu.G. Saushkin. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 13–21. (In Russ.)
3. Alekseev A.I., Kovalev S.A., Tkachenko A.A. Yu.G. Saushkin and the study of the population in geography. In: *Teoreticheskie problemy socialno-jekonomicheskoj geografii i sovershenstvovanie podgotovki sovremennogo uchitelja. Tezisy Vsesojuz. nauchn.-prakt. konf.* [Theoretical Problems of Socio-Economic Geography and Improving the Training of a Modern Teacher. Abstracts All-Union Scientific-practical Conference]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk, 1991, pp. 3–5. (In Russ.)
4. Berg L.S. *Klimat i zhizn* [Climate and life]. Moscow: Gosizdat, 1922. 196 p. (In Russ.)
5. Berg L.S. *Nomogenez, ili Jevojlucija na osnove zakonomernostej* [Nomogenesis, or Evolution Based on Regularities]. Petrograd: State Publishing House, 1922. 306 p. (In Russ.)
6. Berg L.S. *Geograficheskie zony Sovetskogo Sojuza. T. 2.* [Geographic Zones of the Soviet Union. Vol. 2.]. Saushkin Ju.G., ed. Moscow: Geografiz Publ., 1952. 510 p. (In Russ.)
7. Bernshtejn-Kogan S.V. On the question of the program and methods of drawing up district surveys and economic plans. In: *Jekonomicheskoe rajonirovanie Rossii* [Economic Regionalization of Russia]. Moscow, 1921, pp. 23–29. (In Russ.)
8. Bernshtejn-Kogan S.V. *Ocherki jekonomicheskoj geografii* [Essays on Economic Geography]. 1st ed., part I. Moscow–Petrograd: State Publishing House, 1922. 196 p. (2nd ed., 1924; 3rd ed., 1925). (In Russ.)
9. Bernshtejn-Kogan S.V. *K voprosu o postanovke rabot po rajonirovaniju i racionalizacii geograficheskogo razmeshhenija promyshlennosti* [On the Question of Organizing Work on Zoning and Rationalizing the Geographical Location of Industry]. Moscow–Leningrad, 1925. 38 p. (In Russ.)
10. Glushkova V.G. Life path and scientific and pedagogical talent of Yu.G. Saushkina. *Geografija v shkole*, 1996, no. 5. (In Russ.)
11. Danshin A.I., Shkirina A.I. The views of Yu.G. Saushkin on socio-economic cartography and its modern development. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 30–35. (In Russ.)
12. Zabelin I.M. *Ocherki istorii geograficheskoy mysli v SSSR. 1917–1945* [Essays on the History of Geographical Thought in the USSR. 1917–1945.]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 256 p. (In Russ.)
13. Zamjatina N.Ju. Anthropology of zoning: nature and culture in the spatial differentiation of human activity. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*, 2019, no. 4 (47), pp. 174–185. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-14. (In Russ.)
14. Katrovskiy A.P. Yu.G. Saushkin: on the issue of the geographical study of intellectual potential. In: *Teoreticheskie problemy socialno-jekonomicheskoj geografii i sovershenstvovanie podgotovki sovremennogo uchitelja. Tezisy Vsesojuz. nauchn.-prakt. konf.* [Theoretical Problems of Socio-Economic Geography and Improving the Training of a Modern Teacher. Abstracts All-Union Scientific-practical Conference]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk, 1991, pp. 29–31. (In Russ.)
15. Lejzerovich E.E. «Golden Book» by Julian Glebovich Saushkin. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 42–45. (In Russ.)
16. *Osnovnye problemy transporta SSSR i perspektivy ego razvitiya* [The Main Problems of Transport in the USSR and the Prospects for its Development]. Bernshtejn-Kogan S.V., ed. Moscow: Transprint NKPS Publ., 1929. 122 p. (In Russ.)
17. Percik E.N. Julian Glebovich Saushkin: life, creativity, contribution to science. In: *Jekonomicheskaja i socialnaja geografija na poroge XXI veka* [Economic and Social Geography on the Threshold of the XXI Century]. Smolensk: Smolensk Hum. Univ. Publ., 1997, pp. 7–22. (In Russ.)
18. Percik E.N., Shuvalov V.E. On the centenary of the birth of Yulian Glebovich Saushkin. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 4–10. (In Russ.)
19. Saushkin Ju.G., Baranskij N.N. *Recenzija: Berg L.S. Vsesojuznoe Geograficheskoe obshhestvo za 100 let.* [Review: Berg L.S. All-Union Geographical Society for 100 years]. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences Publ., 1946, 261 p. *Geografija v shkole*, 1946, no. 2, pp. 75–76. (In Russ.)
20. Saushkin Ju.G. Great geographical discoveries of scientists of our country (Berg L.S. *Ocherki po istorii russkih geograficheskikh otkrytij.* [Berg L.S. Essays on the History of Russian Geographical Discoveries]. Moscow, 1946). *Partijnaja zhizn*, 1947, no. 8, pp. 47–50. (In Russ.)
21. Saushkin Ju.G. *Geograficheskie ocherki prirody i sel'skohozjajstvennoj dejatel'nosti naselenija v razlichnyh rajonah Sovetskogo Sojuza* [Geographical Sketches of the Nature and Agricultural Activities of the Population in Various Regions of the Soviet Union]. Moscow: Geografiz Publ., 1947. 424 p. (In Russ.)
22. Saushkin Ju.G. In memory of academician Lev Semenovich Berg. *Geografija v shkole*, 1951, no. 2, pp. 1–4. (In Russ.)
23. Saushkin Ju.G. In memory of Lev Semenovich Berg. In: *Fizicheskaja geografija. Voprosy geografii: Sb. 24.* [Physical geography. Problems of Geography. Vol. 24]. Moscow: Geografiz Publ., 1951, pp. 7–12. (In Russ.)

24. Saushkin Ju.G. Review of the article: Pravdin I.V., Chepurinov V.S. Academician Lev Semenovich Berg (1876–1950). *Geografiya v shkole*, 1957, no. 1, pp. 73–74. (In Russ.)
25. Saushkin Ju.G. From the last letters of Lev Semenovich Berg. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 108, iss. 2, pp. 113–115. (In Russ.)
26. Saushkin Ju.G. From the letters of Lev Semenovich Berg on theoretical issues of geography. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5. Geografija*, 1976, no. 1, pp. 10–16. (In Russ.)
27. Saushkin Ju.G. *Geograficheskaja nauka v proshlom, nastojashhem, budushhem* [Geographical Science in the Past, Present, Future]. Moscow: Education Publ., 1980. 269 p. (In Russ.)
28. Saushkin Ju.G. *Geograficheskoe myshlenie* [Geographic Thinking]. Smolensk: Ecumene Publ, 2011. 218 p. (In Russ.)
29. Snytko V.A., Shirokova V.A., Sobisevich A.V. Professor Julian Glebovich Saushkin as a historian of science. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., Shuvalov V.E., Jaskova T.I., eds. Smolensk: Universum Publ., 2016, pp. 15–20. (In Russ.)
30. Fajbusovich Je.L., Martynov V.L. The value of the ideas of Yu.G. Saushkina for geographical education. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., Shuvalov V.E., Jaskova T.I., eds. Smolensk: Universum Publ., 2016, pp. 20–25. (In Russ.)
31. Shuper V.A. The contribution of Yu.G. Saushkin in the formation of theoretical geography in the USSR. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskiy A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 88–94. (In Russ.)

Received 23.07.2021

Accepted 29.09.2021

**Ю.Г. САУШКИН И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ**

© 2021 г. В.Л. Бабурин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
географический факультет, Москва, Россия  
e-mail: vbaburin@yandex.ru*

В статье рассматривается развитие представлений о географическом прогнозе начиная от первых публикаций Ю.Г. Сашкина в конце 1960-х гг. до наших дней. В центре внимания находится процесс диффузии инноваций (идей прогнозирования) запущенный Ю.Г. Саушкиным в географической науке. В статье показано как последовательно, представители различных географических дисциплин развивают заданные Ю.Г. Саушкиным представления применительно к объектам своего исследования. Рассматриваются также отдельные группы методов и подходов наиболее адекватные решаемым географическим задачам. На основе предложенных К.П. Космачевым принципов географической экспертизы показана взаимосвязь между этими важными направлениями географических исследований. Наряду с анализом представлений о задачах прогнозирования ведущих ученых-географов применительно к своим объектам исследования в статье дается представление о методическом аппарате в этой области, разработанном за рубежом, позволяющим существенно расширить возможности географического прогнозирования. В частности, рассматриваются схемы технологического прогноза, предложенные Х. Озбеханом, и совокупность методов прогнозирования научно-технического прогресса по Э. Янчу. Также анализируется совокупность методов прогнозирования, широко используемых не только в географии, но и многих других научных направлений. Отдельно рассматриваются основные положения форсайт-анализа с оценкой их возможностей применительно к решению географических прогностических задач.

*Ключевые слова:* географический прогноз, диффузия идей, форсайт-анализ, экономико-географическая экспертиза.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-3

**Введение и постановка проблемы.** Эпоха конца 1960-х – 1970-х гг. в советской и зарубежной географии характеризовалась формированием ряда прорывных направлений: математическая география, географическая (экономико-географическая) экспертиза и прогнозирование. Согласно С.Ю. Глазьеву, смена укладов происходит за счет внедрения инноваций, присущих каждому технологическому укладу и замещающих старые способы производства, что сопровождается сдвигами в международном и территориальном разделении труда. Идеи, научные открытия, прорывные изобретения, опытные производства, возникшие в конце одного кондратьевского цикла, оказываются востребованными в начале другого [9]. Но преждевременные технологические уклады зарождаются в условиях доминирования предыдущего могут достаточно длительное время оставаться невостребованными.

В экономической и социальной географии экспертные методы и методы прогнозирования получили распространение в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда завершился 3-й кондратьевский цикл и зарождался 4-й

цикл, получивший название НТР, и с середины 1970-х стал формироваться новый технологический уклад. Наиболее известны в этой области классические работы Ю.Г. Сашкина 1967–1976 гг. [39; 42; 43; 45; 46; 47] и К.П. Космачева 1974–1985 гг. [22–24]. Вслед за этими двумя исследователями в географии в рамках модели диффузии научных идей (инноваций) возник целый шлейф исследований и публикаций практически во всех разделах географической науки.

Экономико-географическая экспертиза – это плод четвертого кондратьевского цикла. Однако в ее теории и методическом аппарате наряду с новыми подходами широко используются и традиционные методы: сравнительно-описательный в рамках качественной исторической аналогии, построение динамических рядов пространственных процессов и явлений и т.п. Во многом это уже методы прогнозирования, что обеспечивает своеобразную преемственность в исследованиях от традиционных методов пространственно-анализа к экспертным процедурам.

Особенностью географической (в том числе, и экономико-географической) экспер-

тизы, по мнению К.П. Космачева, является то, что в отличие от обычных экспертных процедур, где в качестве объектов экспертизы обычно рассматриваются готовые проекты без должного внимания к экспертизе исходной информации и теоретическим основам принятия решений, в центре исследовательского интереса оказывается сама пространственная информация [23]. Кроме того, в основе экономико-географической экспертизы лежит учет не только прямых, но и многочисленных косвенных, зачастую не очевидных следствий создания или трансформации объектов социально-экономического назначения как для природных и хозяйственных комплексов, так и для территориальных общностей населения. Поэтому реальные последствия принятия управленческих решений можно выявить и оценить лишь при высокой региональной компетентности экспертов и наличия у них навыков географического мышления, способности воспринимать территорию как единый природно-хозяйственный комплекс.

#### ***Ю.Г. Саушкин и географический прогноз***

Неотъемлемой частью экспертизы сегодня является прогнозирование, в частности географическое прогнозирование. И здесь безусловная пальма первенства в этой области принадлежит Ю.Г. Саушкину. Еще в 1962 г в совместной с Т.М. Калашниковой статье он подчеркнул важность прогностической составляющей для развития районных ТПК [49]. Но тогда такой подход не встретил понимания в силу преждевременности подобных представлений. Ю.Г. Саушкин возвращается к этим идеям уже более осмысленно и конкретно в конце 1960-х гг. в серии статей [39; 41]. Обозначив общие и специфические особенности, присущие экономико-географическому прогнозу, он переходит к собственно географическому прогнозу, ориентированному на понимание общих закономерностей эволюции в природе и обществе. Необходимо отметить, что Ю.Г. Саушкин выступал сторонником единства географии, рассматривал естественно-историческую и социокультурную составляющие в территориальных системах как единое целое. Такой подход неизбежно вывел его на понимание необходимости долгосрочного прогноза в силу иного темпа динамики природных и социально-экономических процессов и яв-

лений. В этом контексте вполне естественно появление его совместной статьи с Т.В. Звонковой [48], где акцент делался на сложность и вероятность долгосрочного прогноза природно-хозяйственных территориальных комплексов.

Заданный Ю.Г. Саушкиным импульс привел к взрывному росту интереса к географическому прогнозу у широкого круга ученых разных направлений географии – в ландшафтоведении, гидрологии, рациональном природопользовании, геоморфологии, палеогеографии и др. Проблемами географического прогнозирования занималась значительная группа отечественных и зарубежных исследователей – Т.В. Звонкова, Е.Г. Попов, Ю.Г. Симонов, И.Р. Спектор, экономисты Ю.В. Яковец, Э. Янч, Х. Озбехан и др. Эволюция представлений о географическом прогнозе представлена в табл. 1.

Для начального периода разработки проблем прогнозирования характерен процесс формирования понятийно-концептуального аппарата. Общую тональность вновь задал Ю.Г. Саушкин определяя прогноз как «... научное предвидение будущего, учитывающее совокупность условий и факторов развития, новейшие тенденции науки и техники, общую картину изменения материального мира» [39]. Другое определение прогноза дала Т.В. Звонкова, трактуя его как «... одну из форм познания объективного мира» [16]. При этом она подчеркивала, что будущее состояние не является конечной целью прогноза, важнее достижение понимания необходимости, обратной связи (из будущего в настоящее), для предупреждения возможных неблагоприятных явлений. Ее представления очень близки к воззрениям Х. Озбехана [62].

Ю.Г. Саушкин обобщая свои исследования выделил ряд принципов географического прогноза, которые сохраняют свою актуальность и в наше время. К ним можно отнести исторический (генетический) подход к прогнозируемому объекту (явлению); учет динамических его свойств; принцип сравнений, аналогий, сопоставлений; принцип инерционности, который сегодня получил широкое распространение в рамках теории «эффекта колее». Важными для пространственного планирования являются многовариантность прогноза и непрерывность процедуры прогнозирования [46].

Таблица 1. Эволюция представлений о географическом прогнозе

| Год  | Публикации  |
|------|---|
| 1962 | Саушкин Ю.Г., Калашникова Т.М. [49]   |
| 1967 | Саушкин Ю.Г. [39]   |
| 1968 | Попов Е. Г. [31], Саушкин Ю.Г. [40; 41], Саушкин Ю.Г., Звонкова Т.В. [48], Ozbekhan H. [62]   |
| 1970 | Звонкова Т.В., Саушкин Ю.Г. [18], Янч Э. [60]   |
| 1972 | Звонкова Т.В. [16], Лисичкин В.А. [25], Саушкин Ю.Г. [42]   |
| 1973 | Саушкин Ю.Г. [43], Теория и методы прогноза изменений географической среды [55]   |
| 1974 | Капица А.П., Симонов Ю.Г. [21], Лукашов А.А., Невяжский Н.И. [26], Марков К.К., Каплин П.А., Свиточ А.А. [27], Саушкин Ю.Г. [44], Святков Н.М. [50] |
| 1975 | Саркисян С.А. [38]  |
| 1976 | Географические исследования в Московском университете [7], Нежиховский Р.А. [30], Саушкин Ю.Г. [45], Симонов Ю.Г. [52], Спектор И.Р. [53]           |
| 1977 | Вишнев С.М. [6], Четыркин Е.М. [58]   |
| 1979 | Дьяконов К.Н. [13], Исаченко, А.Г., Попов, Б.А. [19], Степанов И.Н. [54]  |
| 1980 | Будыко М.И. [5], Розанов Л.Л. [36], Саушкин Ю.Г. [46]   |
| 1981 | Зайдис И.М., Симонов Ю.Г., Трофимов А.М. [15]   |
| 1982 | Емельянов А.Г. [14], Исаченко А.Г., Попов Б.А. [20]   |
| 1983 | Методы и методология географического прогнозирования [28]   |
| 1984 | Миханков Ю.М., Фёдоров Б.Г. [29]  |
| 1985 | Трофимов А.М. [57]  |
| 1986 | Бакланов П.Я. [2], Добров Г.Н. [11]   |
| 1987 | Дружинин И.П., Хамьянова Н.В., Лобановская Ю.А. [12], Звонкова Т.В. [17], Преображенский В.С., Коронкевич Н.И. [34]                                 |
| 1988 | Розанов Л.Л. [37], Сигов И.И. [51]  |
| 1989 | Преображенский В.С. [33]  |
| 1990 | Бестужев-Лада И.В. [3], Географическое прогнозирование и охрана природы [8]   |
| 1992 | Браун Л.Р. [4]  |
| 1996 | Прохоров Б.Б. [35]  |
| 1997 | Пределы предсказуемости [32]  |
| 1999 | Яковец Ю.В. [59]  |
| 2001 | Саушкин Ю.Г. [47]   |
| 2002 | Глобальные изменения климата и их последствия для России [10]   |
| 2013 | Твердохлебова Е.А. [56]   |

Составлено автором.

В методолого-методическом отношении важную роль в последующем развитии прогностического направления в географии сыграла переведенная на русский язык работа Э. Янча, в которой он сублимировал все разнообразие методов прогнозирования научно-технического прогресса. Его определение прогноза является сходным с географическими воззрениями, но выдержанно в более «математическом» стиле, где прогноз – это «вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой степенью достоверности» [60]. Методы собственно географического прогнозирования традиционно делят на общенаучные (индукция, дедукция, экспертные оценки, экстраполяции, моделирование и т.д.) и географические (прежде всего

палеогеографические, историко-географический, сравнительно-географический, метод оценок и индикаций и др.). Все географические прогнозы можно поделить по территориальному признаку на локальные, региональные и глобальные. По длительности горизонта прогнозирования обычно выделяют краткосрочные (оперативные), среднесрочные (тактические), долгосрочные (стратегические) сверхдолгосрочные (например, циклы Броделя, Кондратьева – Шумпетера). В результате речь идет о пространственно-временном прогнозировании, существенно более сложным, вероятностным и слабо обеспеченным аппаратными возможностями. Отсюда сложности прогнозов глобальных изменений в природе и обществе.

Методы экономического прогноза, также широко используемые в экономической географии, представлены группами качественных методов общего политэкономического плана, методов экспертных оценок, различных экстраполяций и математического моделирования. В свою очередь, Э. Янч описал порядка 100 методов научно-технического прогнозирования, многие из которых актуальны и для географического прогнозирования. Данный автор разделил все методы прогнозирования на четыре больших группы: интуитивные, изыскательские, нормативные и методы с обратной связью [60].

С самого начала разработки темы географического прогноза Ю.Г. Саушкин подчеркивал, что взаимодействие экономической и физической географии происходит в процессе изучения территориальных природно-хозяйственных систем (ТПХС). Как отмечал ранее автор данной статьи, «формирующие их подсистемы разные, но, во-первых, общество выступает в качестве сильнейшего фактора изменения природы, а, во-вторых, природа – это непрерывно меняющаяся экономически опосредованная материальная база общественного производства и многих сторон жизни общества» [1]. Иными словами, при прогнозировании необходим комплексный подход. При этом при географическом прогнозировании важно выдерживать диалектическую взаимосвязь явлений и процессов: вначале прогнозирование в физической географии и уже на этой основе – выработка экономического прогноза. В тоже время в цепочках обратных связей, необходимо учитывать прогноз изменения экономической ситуации и ее «антропогенного» следа.

В более поздних работах начала 1990-х гг. географическое прогнозирование получает более расширительную трактовку, «... где теория, методы, и практика прогнозирования тесно связаны с охраной природной среды и ее ресурсов, планированием и проектированием, экспертизой проектов» [8]. В качестве главных целей географического прогнозирования начинают выступать установление границ измененной природы, оценка степени и характера ее изменений, дальное действие этих изменений и их направленность.

Со своей стороны, Ю.Г. Симонов рассматривал географический прогноз в контексте идей конструктивной географии,

как «прогноз последствий хозяйственной деятельности человека, прогноз состояния той природной среды, в которой протекает общественная сфера производства и личная жизнь каждого из людей... Конечной целью всей системы географических наук является определение в будущем состояния географической среды нашей планеты» [52]. Это одна из первых попыток осуществить «привязку» к конкретному человеку, для комфортного существования которого и осуществляется весь прогноз. В то же время Ю.Г. Симонов выделяет другой тип географических прогнозов, который никак не связан с суждениями о будущем – пространственный прогноз. Но в обоих случаях «... прогноз опирается на установленные наукой закономерности» [52].

Оригинальную концепцию в области географического прогноза выдвинул ученик Ю.Г. Саушкина – И.Р. Спектор, который, как и Ю.Г. Симонов, занимался пространственно-временными аспектами географического прогнозирования. Он определил географический прогноз как «высказывание, фиксирующее с априорной оценкой вероятности и заданным временем упреждения состояния социально-экономических и природных систем, формирующихся на земной поверхности, в характерных пространственно-временных интервалах» [53]. При этом, подчеркивая его специфику в сравнении с прогнозами в других областях науки, данный автор отмечал, что она вытекает «... во-первых, из субстанциональных особенностей прогнозируемых объектов, ... во-вторых, из соотношений пространственно-временных аспектов развития прогнозируемых систем» [53]. Особый акцент он придавал важности правильного выбора масштабной единицы и времени географического прогнозирования.

В конце 1970-х – 1980-х гг. появляются работы в области почвенного и ландшафтного прогнозирования [5; 13; 54], по проблематике барьеров на пути прогнозов [34], прогностической оценке эволюции среды обитания (сигов). И.В. Бестужев-Лада разрабатывает вопросы прогнозирования социокультурной среды [3], а в 1996 г. Б.Б. Прохоров публикует региональный прогноз здоровья населения [35].

Отдельно взятый географический прогноз часто не является удобным для его использования непосредственно в сфере

управления. Для физико-географического прогноза часто необходимо его адаптация непосредственно к жизнедеятельности человека, прежде всего, через экономическую оценку. В то же время, между экономическим и экономико-географическим прогнозами нет тождества, хотя и есть известная связь. Экономико-географический прогноз, в отличие от экономического, относится к пространственно обусловленным явлениям. Он говорит о том, какие изменения произойдут в будущем в тех или иных пространственных системах, в пространственных связях и взаимодействиях.

При экономико-географическом прогнозе необходимо знать и учитывать многие факторы развития систем производительных сил. Последние связаны с совокупностью условий географической среды, изменяются и исторически, и пространственно, в той или иной степени зависят как от предвиденных, так непредвиденных результатов человеческой деятельности. Любое исследование по географическому прогнозированию необходимо осуществлять с привязкой к определенной территории, как отмечал ранее автор данной статьи, «в границах определенных территориальных регионов – должны прогнозироваться, во-первых, предвидимые на расчетные сроки изменения природной среды под влиянием хозяйственной деятельности человека и, во-вторых, будущие условия работы производственных комплексов и жизни человека в измененной среде» [1]. В этой связи представляет интерес вышедшая в 2013 г. работа Е.А. Твердохлебовой, где она обосновывает важную роль социально-экономического прогнозирования в управлении региональным развитием [56].

Одновременно с отечественными работами в советском научном литературном пространстве появляется перевод книги Э. Янча, вышедшей в свет в 1970 г. [60], в которой он проанализировал более 400 литературных источников и обобщил методы прогнозирования научно-технического прогресса, применяемые в различных отраслях науки и техники. В книге представлено 100 методов прогнозирования и дается оценка возможности и перспективы их использования. Подчеркивая, что общественные инновации в современных условиях, как правило, создаются в сферах науки, искусства и производства, он показал, что в узко научной

трактовке инновационный процесс проходит в так называемом «пространстве перемещения технологий», которое охватывает «широкую область целенаправленного применения физических наук, наук о жизни и наук о поведении» [60]. Подобные представления, излагаемые Э. Янчем и рядом других ученых применительно к технологическим изобретениям, могут быть без существенных изъятий распространены и на область социальных изобретений. Особый интерес представляет модифицированная Э. Янчем поточная диаграмма Х. Брукса. В наиболее общем виде она имеет восьмиуровневую стратификацию при двухмерной схеме технологического прогресса (рис. 1).

Достоинство данной схемы в интеграции вертикального и горизонтального перемещения технологий, которые отражают взаимосвязь между:

- собственно инновационными процессами (в узком смысле, как цикл «наука – техника – производство», и в широком, как последовательность «фундаментальная наука – технология – воздействие»);
- процессами слияния различных технологий, диффузии, взаимного «вторжения» различных отраслей, помощи третьим странам, этических ограничений и т.д. в зависимости от уровня (с 1 по 8).

Другое преимущество подобного подхода заключается в том, что эта схема одинаково применима как для материальных продуктов, так и для процессов, понятий (программный продукт), методов (методы лечения), идей (в том числе и социальных изобретений). «Поток перемещения технологии в этой двумерной схеме ... может быть представлен любой комбинацией вертикального потока, направленного вверх, и горизонтального потока в обоих направлениях» [60].

Более сложные построения, касающиеся трехмерных пространств перемещения технологий, соотносятся с такими категориями как «открытое» и «закрытое» общество, что само по себе дискуссионно. Наиболее ценным в его исследованиях является предвидение, еще в середине 1970-х гг. (до него на это указывал Х. Брукс), нарастания в интегральном перемещении технологий удельного веса горизонтальной составляющей, что отражает общий процесс «демате-



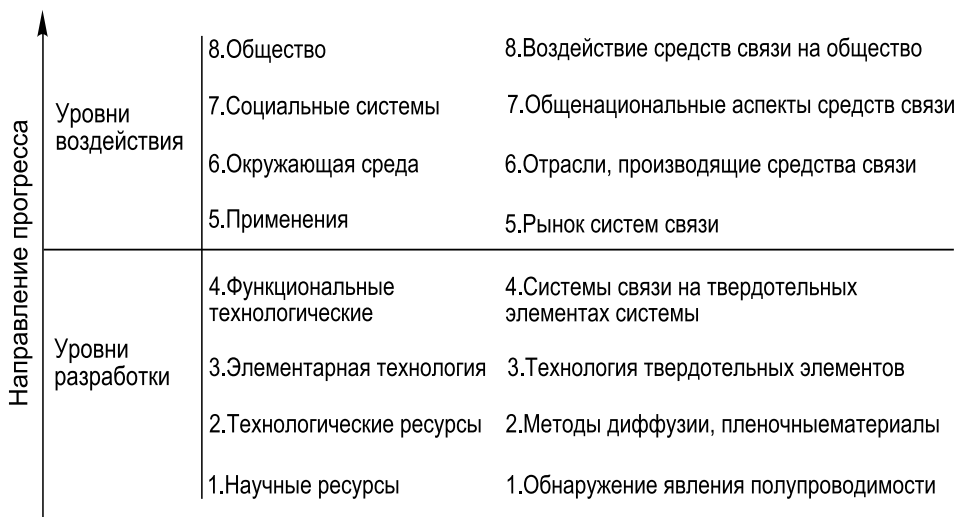


Рис. 1. Пространство перемещения технологий (по Янчу – Бруксу)

риализации» современного общества, в котором «... акцент все больше переносится на обслуживание и на создание теоретического обеспечения...», что означает «...переход от преимущественно вертикальной, к вертикально-горизонтальной комбинации» [60].

Примером комплексных схем описания является модифицированная автором [1] схема Озбехана (рис. 2), в рамках которой ин-

тегрируются оба базисных начала научного анализа.

На схеме отражены три основных исследовательских потока. Первый вертикальный поток – это изыскательское прогнозирование эволюции системы на основе информации о реальной траектории ее развития, что, по сути, является экстраполяцией существующей в прошлом тенденции на будущее

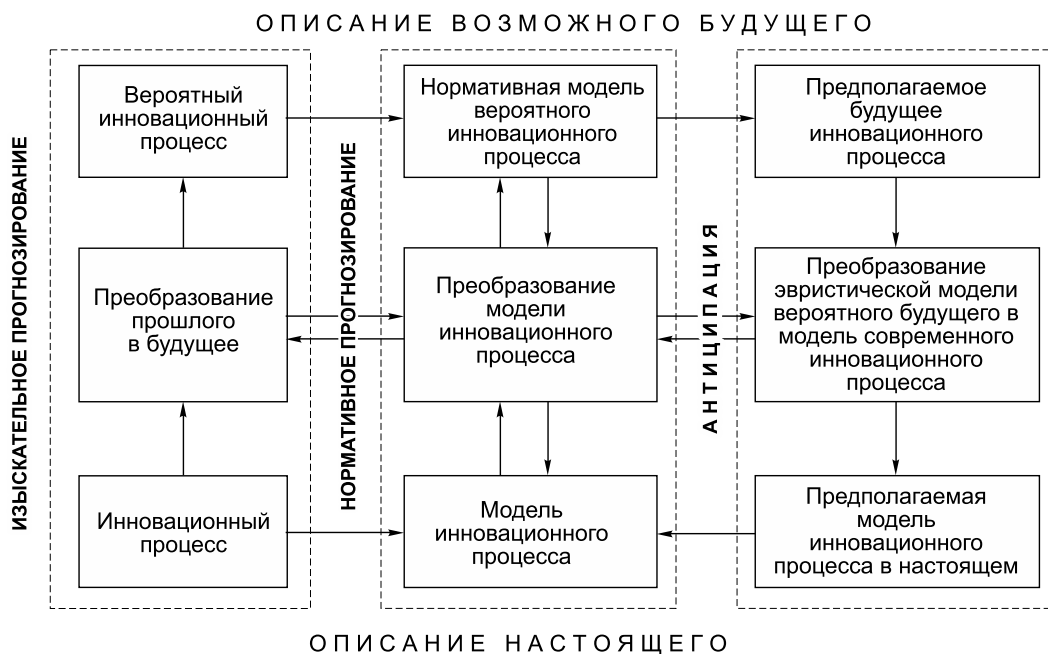


Рис. 2. Принципиальная схема прогнозирования инновационного процесса

(в предположении отсутствия точек бифуркации). Второй поток связан с моделированием на нижней страте системы, с последующей экстраполяцией и сравнением получаемых результатов на верхней страте с динамикой реального прототипа. Третий поток, в отличие от двух предыдущих, начинается на верхней страте антиципацией (умозрительным представлением о возможном будущем состоянии системы). В нем предполагается наличие точек бифуркации и последующее преобразование, на основе нормативных подходов, в исходное состояние настоящего на нижней страте с проверкой ее согласованности с моделью системы. В рамках итеративной процедуры согласования результатов удается достигнуть высокого уровня понимания как внутреннего устройства системы, так и ее динамики. При этом второй и третий поток допускают учет флуктуаций и прохождение точек бифуркации, что резко увеличивает прогностическую ценность предложенного подхода. Подобные подходы особенно важны при анализе инновационных процессов в ТПХС, где сама возможность рационального выбора делает их развитие на несколько порядков более быстрым, чем в природных.

Существенно улучшают качество выбора так называемые функциональные иерархии принятия решений. Подобные иерархии возникают, когда решения приходится принимать в условиях полной неопределенности. Очевидно, что в ТПХС со слабо выраженным детерминистическим началом возможны лишь такие, удерживающие в рамках основного потока, системы управления.

Явления, которые принято называть «глобальными проблемами», возникли в середине XX в., и были осознаны научной общественностью спустя 20 лет. Глобальные проблемы – это проблемы, касающиеся (в той или иной степени) всех стран и народов, всех секторов экономики и жизни территориальных общностей населения, решение которых возможно лишь объединенными усилиями всего мирового сообщества. С решением этих проблем связано само существование земной цивилизации или, по крайней мере, ее дальнейшее развитие. Глобальные проблемы имеют комплексный характер, взаимно переплетаясь друг с другом. С известной долей условности можно выделить два основных блока:

- проблемы, связанные с противоречием между обществом и окружающей средой (система «Общество – Природа»);
- социальные проблемы, связанные с противоречиями внутри общества (система «Человек – Общество»).

Именно в этот период развертываются два процесса, которые представляются основными первопричинами современных глобальных проблем. Первый процесс – глобализация социально-экономической и политической жизни, основанная на формировании относительно единого мирового хозяйства. Второй – развертывание научно-технической революции (НТР), которая многократно умножила все возможности человека, в том числе и по самоуничтожению. По мере действия этих процессов проблемы, ранее оставшиеся локальными, превращаются в глобальные. Например, опасность перенаселения затронула все страны тогда, когда в развитые государства хлынули волны мигрантов из развивающихся стран, а правительства этих стран стали требовать «нового международного порядка» – безвозмездной помощи как платы за «грехи» колониального прошлого.

Для решения глобальных проблем стал широко применяться системный анализ, который ограничивает задачу без существенных отклонений от строгой ее формулировки. Он осуществляется с помощью таких средств, как: математические методы, позволяющие сократить последовательный анализ всех возможных комбинаций; оценка чувствительности задачи к различным факторам и отбрасывание несущественных переменных; агрегирование переменных в комплексные факторы; рациональная формулировка критериев оптимизации.

Системы с обратной связью представляют ту общую концепцию, которая лежит в основе всех более сложных методов прогнозирования. Следует различать два основных типа моделей с обратной связью:

1. Модели с контурами обратной связи между различными уровнями или направлениями перемещения технологии, например, между разными стадиями технологического развития и их последствиями (для технологического планирования).

2. Модели с контурами обратной связи между различными «временными сечениями», то есть между ситуациями (комплексными сценариями), ожидаемыми через раз-

личные интервалы времени. Простейшей обратной связью будет связь между будущим сценарием и текущим моментом (для «социальной технологии»).

К методам с обратной связью относится большинство моделей созданных в рамках работ Римского клуба, который посвящает свою деятельность изучению глобальных проблем, прогнозированию развития человечества и предложению возможных вариантов выхода из неблагоприятных и нежелательных потенциальных и существующих ситуаций (табл. 2).

В настоящее время всесторонне законченное прогнозирование должно исходить из сопоставления нормативного прогнозирования (этот метод основывается на том, какие цели преследуются и исходя из будущих желаний, из потребностей осуществляется прогноз) и изыскательского прогнозирования (основывается на том, какие существуют возможности, какие предпосылки, какая исходная база данных, какова история объекта прогнозирования)... Интуитивные методы делают в принципе возможным «случайный доступ» ко всем уровням исследований (имеются в виду уровни перемещения технологии: от уровней разработки до уровней воздействия). Изыскательские методы могут быть подразделены на два класса, указывающие на их потенциальное применение:

- Методы, с помощью которых порождается новая технологическая информация, охватывают следующие группы: экстраполяция тенденций изменения технологических параметров и функциональных возможностей, «кривые обучения», экстраполяция контекстуального картографирования, морфологическое исследование, а возможно так же написание сценариев.
- Методы, с помощью которых упорядочивается и перерабатывается налич-

ная информация, охватывают следующие группы: историческая аналогия, написание сценариев, и синоптическая итерация, вероятностные методы преобразований, экономический анализ, операциональные модели, методы, имеющие дело с агрегированным уровнем и др.

Применение нормативных методов предполагает наличие больших возможностей выбора, и, прежде всего в области технологии, чем это может быть обеспечено при данных бюджетных или иных ограничениях.

Методы с обратной связью могут быть, в конечном счете, созданы из сочетания элементов изыскательского и нормативного прогнозирования.

Чаще всего используются одновременно методы изыскательского и нормативного прогнозирования. Ключевая проблема в этом интегрированном прогнозировании – это увязка между собой этих разных подходов. Ее осуществляет чаще всего экономический анализ.

Из дельфийской процедуры и метода критического пути в начале 5 кондратьевского цикла появился Форсайт, который постепенно превратился в важный инструмент развития инновационной экономики. Сначала его применяли для формирования образов будущего в сфере технологий, там он отработан особенно хорошо. Затем технология Форсайта стала использоваться в бизнесе – дорожные карты и результаты. В настоящее время он достаточно широко применяется и в научных исследованиях. Особенно продуктивна методика Форсайта, когда объект исследования не определен и требует специальной проработки. Другим достоинством метода является большое количество экспертов из различных социальных слоев. Последние годы активно реализуются Форсайт-проекты городов, а сам Форсайт становится инструментом для формирования социальной реальности.

**Таблица 2.** Аналитические материалы, разработанные под эгидой Римского клуба, наиболее близкие к географическому прогнозированию

| Год  | Названия  | Разработчики    |
|------|---|-----------------|
| 1972 | Пределы роста                                   | Д. Медоуз и др. |
| 1980 | Маршруты, ведущие в будущее                     | Б. Гаврилишин   |
| 1986 | Будущее океанов                                 | Э. Манн-Боргезе |
| 1988 | За пределами роста                              | Э. Пестель      |
| 2004 | Пределы роста – 30 лет спустя                   | Д. Медоуз и др. |
| 2012 | 2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет | Й. Рандерс      |

Таблица 3. Обобщенные методы научно-технологического прогнозирования (по Э. Янчу.)

|                                |   |
|--------------------------------|---|
| Интуитивное мышление           | Мозговая атака                                    |
|                                | Метод «Дельфы»                                    |
|                                | Утопия и научная фантастика                       |
| Изыскательское прогнозирование | Экстраполяция временных рядов, аналоговые модели  |
|                                | Экстраполяция временных рядов, феноменологическая |
|                                | Кривые обучения                                   |
|                                | Контекстуальное картографирование                 |
|                                | Морфологическое исследование                      |
|                                | Написание сценариев и синоптическая итерация      |
|                                | Историческая аналогия                             |
|                                | Элементы вероятностного прогнозирования           |
|                                | Экономический анализ                              |
|                                | Операционные модели                               |
| Нормативное прогнозирование    | Агрегированный уровень                            |
|                                | Горизонтальные матрицы решений                    |
|                                | Вертикальные матрицы решений                      |
|                                | Простые методы, исследование операций             |
|                                | Простые методы теории принятия решений            |
|                                | Интегрированные схемы дерева целей                |
|                                | Сетевые методы                                    |
|                                | Операционные модели                               |
| Методы с обратной связью       | Системный анализ                                  |
|                                | Поисковые идеи                                    |
|                                | Интегрированные системы информационной технологии |

Источник: таблица составлена по [60].

Стратегический Форсайт предполагает несколько этапов (по П. Бишопу [61]):

1. Определение отрасли или сфера деятельности (в нашем случае география).
2. Определение целевых показателей, которые должны быть достигнуты в будущем.
3. Формирование «карты сферы» (стейкхолдеры, эксперты, компании), выбор методов исследования и проведение экспертных опросов.
4. Выявление альтернатив – тенденций, которые можно спрогнозировать, зон неопределенности и возможных сценариев будущего.
5. Разработка и создание дорожных карт.

При этом Форсайт ориентирован не только на определение возможных альтернатив, но и на выбор наиболее предпочтительных из них. Большинство Форсайт-проектов в качестве центрального компонента включают перспективы развития науки и технологий, что сегодня является обязательным условием географического прогноза. Важ-

ным результатом и одним из главных эффектов является формирование горизонтальных сетей, площадок, в рамках которых учёные и бизнесмены, преподаватели вузов и чиновники, специалисты смежных областей могут систематически обсуждать общие проблемы.

**Заключение.** Ю.Г. Саушкин как один из ведущих «инноваторов» в отечественной географии постоянно генерировал новые идеи, которые затем захватывали географическое исследовательское пространство. Классическим примером такой диффузии являются его идеи о географическом прогнозировании. Возникнув в лоне экономической географии, они затем охватили не только другие ветви географической науки, но и соседние дисциплины (экономику, социологию, статистику и т.д.).

Важно подчеркнуть, что идеи географического прогнозирования – одни из немногих, которые возникли практически одновременно с зарубежными разработками. Исследование подходов Янча, Озбехана и других, показало, что зарубежные подходы были технологически более «математизиро-

ваны», но по глубине охвата проблем работы Ю.Г. Саушкина и его последователей существенно глубже. Это относится и к пониманию проблем прогнозирования динамики геосферы, в том числе в сравнении с докладами Римского клуба.

Определенным интегратором технологического и географического прогнозирования стала система форсайт-анализа, которая представляет собой значительно более комплексный подход, чем традиционное прогнозирование, в том числе и географическое. Прежде всего, она предполагает участие больших групп экспертов, ориентированных не на разработку конкретных траекторий (в отличие от экстраполяционных подходов), а на оценку возможных перспектив инновационного развития, связанных с прогрессом

науки и технологий. В рамках данного метода очерчиваются возможные технологические горизонты, которые могут быть достигнуты при вложении определенных средств и организации систематической работы, а также вероятные эффекты для экономики и общества в целом. Кроме того, система форсайт-анализа нацелена на разработку практических мер по приближению выбранных стратегических ориентиров.

Исследование почти 60-летней истории географических подходов к прогнозированию демонстрирует, что при всех модификациях и общей технологизации процесса прогнозирования, идеи, заложенные Ю.Г. Саушкиным в самом начале этого пути, сохраняют свою актуальность и значимость и в современную эпоху.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин В.Л. Экономико-географическая экспертиза. М.: КДУ; Университетская книга, 2016. 154 с.
2. Бакланов П.Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). М.: Наука, 1986. 149 с.
3. Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М.: Мысль, 1970. 268 с.
4. Браун Л.Р. Иллюзия прогресса / XX век: последние 10 лет. М., 1992. 176 с.
5. Будыко М.И. Климат в прошлом и будущем. Л.: Гидрометиздат, 1980. 351 с.
6. Вишнев С.М. Основы комплексного прогнозирования. М., 1977. 286 с.
7. Географические исследования в Московском университете. Традиции – перспективы. Отв. ред. Ю.Г. Симонов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 296 с.
8. Географическое прогнозирование и охрана природы. Под ред. Т.В. Звонковой, Н.С. Касимова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 174 с.
9. Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 27–42.
10. Глобальные изменения климата и их последствия для России. Под ред. Г.С. Голицына, Ю.А. Израэля. М., 2002. 446 с.
11. Добров Г.Н. Прогнозирование науки и техники. 2-е изд. М.: Наука, 1977. 209 с.
12. Дружинин И.П., Хамьянова Н.В., Лобановская Ю.А. Прогноз гидрометеорологических элементов. Новосибирск, 1987. 168 с.
13. Дьяконов К.Н. Прогнозирование по аналогии (о влиянии проектируемых гидротехнических сооружений на природную среду) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1979. № 1. С. 39–47.
14. Емельянов А.Г. Теоретические основы комплексного физико-географического прогнозирования. Калинин: КГУ, 1982. 84 с.
15. Зайдис И.М., Симонов Ю.Г., Трофимов А.М. Теория и методы прогнозирования экзогенных процессов // Климат, рельеф, деятельность человека. М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 226–231.
16. Звонкова Т.В. Принципы и методы регионального географического прогнозирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1972. № 4. С. 14–21.
17. Звонкова Т.В. Географическое прогнозирование. М.: Высшая школа, 1987. 190 с.
18. Звонкова Т.В., Саушкин Ю.Г. Значение работ В.И. Ленина для научного прогнозирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1970. № 2. С. 3–7.
19. Исаченко А.Г., Попов Б.А. Проблемы ландшафтно-географического прогнозирования // Изв. ВГО. 1979. Т. 111. Вып. 6. С. 469–475.
20. Исаченко А.Г., Попов Б.А. Сущность и содержание ландшафтно-географического прогноза // Динамика ландшафтов равнинных и горных стран. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 3–21.
21. Капица А.П., Симонов Ю.Г. Основные проблемы регионального географического прогноза // Докл. Ин-та географии. Сибири и Дальнего Востока. 1974. Вып. 43. С. 15–23.
22. Космачев К.П. Проблемы экономико-географической экспертизы информационной базы территориальной организации производства // Докл. Ин-та географии. Сибири и Дальнего Востока. 1974. Вып. 45. С. 3–11.
23. Космачев К.П. Географическая экспертиза // Экономическая и социальная география: Вопросы географии. Сб. 115. М.: Мысль, 1980. С. 93–100.
24. Космачев К.П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). Новосибирск: Наука, 1981. 110 с.

25. Лисичкин В.А. Теория и практика прогностики. М., 1972. 367 с.
26. Лукашов А.А., Невяжский Н.И. Принципы прогнозирования геоморфологических последствий отработки месторождений полезных ископаемых // Геоморфология. 1979. № 4. С. 21–27.
27. Марков К.К., Каплин П.А., Свиточ А.А. Задачи палеогеографических исследований в целях долгосрочного географического прогнозирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1974. № 6. С. 3–9.
28. Методы и методология географического прогнозирования. М., 1983. 214 с.
29. Миханков Ю.М., Фёдоров Б.Г. Прогнозирование изменений геоморфологических систем при техногенном воздействии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 144 с.
30. Нежиховский Р.А. Гидрологические расчёты и прогнозы при эксплуатации водохранилищ. Л., 1976. 212 с.
31. Попов Е.Г. Основы гидрологических прогнозов. Л.: Гидрометеиздат, 1968. 294 с.
32. Пределы предсказуемости. Под ред. Ю.А. Кравцова. М.: ЦентрКом, 1997. 247 с.
33. Преображенский В.С. Географическое прогнозирование и прогноз факторов, порождающие природоохранные проблемы // Региональный географический прогноз – управление природопользованием. М., 1989. С. 7–12.
34. Преображенский В.С., Коронкевич Н.И. Барьеры на пути географического прогнозирования // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1987. № 1. С. 5–13.
35. Прохоров Б.Б. Методико-экологическое районирование и региональный прогноз здоровья населения России. М.: Изд. МНЭПУ, 1996. 316 с.
36. Розанов Л.Л. Методические аспекты прогноза изменений рельефа и геоморфологических процессов в связи с межзональным перераспределением водных ресурсов в Европейской части СССР // Геоморфология. 1980. № 4. С. 101–107.
37. Розанов Л.Л. Геотехноморфогенез и прогнозирование природоохранных проблем // Географическое прогнозирование природоохранных проблем. М., 1988. С. 31–48.
38. Саркисян С.А. Прогнозирование развития больших систем. М., 1975. 216 с.
39. Саушкин Ю.Г. Прогноз в экономической географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1967. № 5. С. 39–45.
40. Саушкин Ю.Г. Географический прогноз антропогенных процессов в природе // Геогр. в школе. 1968. № 3. С. 6–10.
41. Саушкин Ю.Г. Географические прогнозы // Природа. 1968. № 7. С. 35–42.
42. Саушкин Ю.Г. Этапы и методы экономико-географического прогнозирования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1972. № 3. С. 3–13.
43. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
44. Саушкин Ю.Г. Сочетание природных и социально-экономических аспектов прогнозирования окружающей среды // Проблемы взаимодействия общества и природы. Тезисы докл. к теоретич. конф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 79–80.
45. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 423 с.
46. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение, 1980. 269 с.
47. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
48. Саушкин Ю.Г., Звонкова Т.В. Проблемы долгосрочного географического прогноза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1968. № 4. С. 3–11.
49. Саушкин Ю.Г., Калашникова Т.М. Гипотеза перспективного развития системы районных территориально-производственных комплексов СССР // Экономическая география СССР в перспективе / Вопросы географии. Сб. 57. М.: Географгиз, 1962. С. 121–146.
50. Сватков Н.М. Основы планетарного географического прогноза. М., 1974. 216 с.
51. Сигов И.И. Прогностические оценки эволюции среды обитания под воздействием социальных и технико-экономических факторов // Экология человека в больших городах. Л., 1988. С. 116–123.
52. Симонов Ю.Г. Проблемы географического прогноза // Географические исследования в Московском университете. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 169–191.
53. Спектор И.Р. Пространственно-временные аспекты географического прогнозирования // Географические исследования в Московском университете. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 192–207.
54. Степанов И.Н. Почвенные прогнозы. М.: Наука, 1979. 83 с.
55. Теория и методы прогноза изменений географической среды. Отв. ред. В.Б. Сочава, А.П. Капица. Вып. 1. Ч. 1. Иркутск, 1973. 183 с.
56. Твердохлебова Е.А. Социально-экономическое прогнозирование как основа управления развитием территории // Молодой ученый. 2013. № 7 (54). С. 249–255.
57. Трофимов А.М. К проблеме прогнозирования в геоморфологии // Геоморфология. 1985. № 3. С. 24–28.
58. Четыркин Е.М. Статистические методы прогнозирования. М.: Статистика, 1977. 200 с.
59. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.
60. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. Д. М. Гвишиани. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1974. 585 с.
61. Bishop P., Hines A. Thinking about the Future: Guidelines for Strategic Foresight. 2nd edition. Houston, 2015. 449 p. ISBN 978-0996773409 (2nd).
62. Ozbekhan H. Toward a general theory of planning // Perspectives of planning: proceedings of the OECD Working Symposium on Long-Range Forecasting and Planningю Bellagio, Italy 27th October – 2nd November 1968. Paris: OECD, 1969. P. 45–155.

Поступила в редакцию 6 августа 2021 г.  
Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

**Об авторе**

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

**Для цитирования**

Бабурин В.Л. Ю.Г. Саушкин и географический прогноз // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 28–41.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-3

**Yu.G. Saushkin and geographical forecasting**

**V.L. Baburin**

*Lomonosov Moscow State University, Department of Geography, Moscow, Russia*

*e-mail: vbaburin@yandex.ru*

The article considers the development of ideas about the geographical forecast from the first publications of Yu.G. Saushkin in the late 60s of the last century to the present day. The focus is on the process of diffusion of innovations launched by Yu.G. Saushkina in geographical science. The article shows how consistently representatives of various geographical disciplines develop the ideas set by Yu. G. Saushkin in relation to the objects of their research. Separate groups of methods and approaches that are most adequate to the geographical tasks being solved are also considered. Based on the proposed KP Kosmachev's principles of geographical expertise show the relationship between these important areas of geographical research. Along with the analysis of ideas about forecasting tasks of leading geographers in relation to their research objects, the article gives an idea of the methodological apparatus in this field developed abroad, which allows significantly expanding the possibilities of geographical forecasting. In particular, the technological forecast schemes proposed by X. are considered. Ozbehanom and a set of methods for predicting scientific and technological progress according to E. Yanch. Separately, the article considers a set of forecasting methods that are widely used not only in geography, but also in many other scientific fields. The main provisions of foresight analysis with an assessment of their capabilities in relation to solving geographical predictive tasks are considered separately.

*Keywords:* geographical forecast, foresight analysis, economic and geographical expertise.

**REFERENCES**

1. Baburin V.L. *Jekonomiko-geograficheskaja jekspertiza* [Economic and geographical expertise]. Moscow: KDU; University book Publ., 2016. 154 p. (In Russ.)
2. Baklanov P.Ja. *Prostranstvennyye sistemy proizvodstva (mikrostrukturnyj uroven' analiza i upravlenija)* [Spatial production systems (microstructural level of analysis and control)]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 149 p. (In Russ.)
3. Bestuzhev-Lada I.V. *Okno v budushhee. Sovremennye problemy socialnogo prognozirovanija* [Window to the future. Modern problems of social forecasting]. Moscow: Mysl Publ., 1970. 268 p. (In Russ.)
4. Braun L.R. *Illuzija progressa / XX vek: poslednie 10 let* [The Illusion of Progress XX Century: The Last 10 Years]. Moscow, 1992. 176 p. (In Russ.)
5. Budyko M.I. *Klimat v proshlom i budushhem* [Climate in the Past and in the Future]. Leningrad: Gidrometizdat Publ., 1980. 351 p. (In Russ.)
6. Vishnev S.M. *Osnovy kompleksnogo prognozirovanija* [Fundamentals of Integrated Forecasting]. Moscow, 1977. 286 p. (In Russ.)
7. *Geograficheskie issledovanija v Moskovskom universitete. Tradicii – perspektivy* [Geographic Research at Moscow University. Traditions – Perspectives.]. Simonov Ju.G., ed. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1976. 296 p. (In Russ.)
8. *Geograficheskoe prognozirovanie i ohrana prirody* [Geographic Forecasting and Nature Protection]. Zvonkova T.V., Kasimov N.S., eds. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1990. 174 p. (In Russ.)
9. Glazev S.Ju. Modern theory of long waves in economic development. *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, 2012, no. 2 (57), pp. 27–42. (In Russ.)
10. *Globalnye izmenenija klimata i ih posledstvija dlja Rossii* [Global Climate Changes and Their Consequences for Russia]. Golicyn G.S., Izrajel Ju.A., eds. Moscow, 2002. 446 p. (In Russ.)
11. Dobrov G.N. *Prognozirovanie nauki i tehniki* [Forecasting Science and Technology]. Second edition. Moscow: Nauka Publ., 1977. 209 p. (In Russ.)
12. Druzhinin I.P., Ham'janova N.V., Lobanovskaja Ju.A. *Prognoz gidrometeorologicheskikh jelementov* [Forecast of Hydrometeorological Elements]. Novosibirsk, 1987. 168 p. (In Russ.)

13. Djakonov K.N. Forecasting by analogy (on the impact of projected hydraulic structures on the natural environment. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1979, no. 1, pp. 39–47. (In Russ.)
14. Emeljanov A.G. *Teoreticheskie osnovy kompleksnogo fiziko-geograficheskogo prognozirovaniya* [Theoretical Foundations of Complex Physical and Geographical Forecasting]. Kalinin: KGU Publ., 1982. 84 p. (In Russ.)
15. Zajdis I.M., Simonov Ju.G., Trofimov A.M. Theory and methods of forecasting exogenous processes. In: *Klimat, relief, dejatel'nost' cheloveka* [Climate, Relief, Human Activity]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1981, pp. 226–231. (In Russ.)
16. Zvonkova T.V. Principles and methods of regional geographic forecasting. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1972, no. 4, pp. 14–21. (In Russ.)
17. Zvonkova T.V. *Geograficheskoe prognozirovanie* [Geographic Forecasting]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1987/ 190 p. (In Russ.)
18. Zvonkova T.V., Saushkin Ju.G. The significance of V.I. Lenin for scientific forecasting. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1970, no. 2, pp. 3–7. (In Russ.)
19. Isachenko A.G., Popov B.A. Problems of landscape-geographical forecasting. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, 1979, vol. 111, no. 6, pp. 469–475. (In Russ.)
20. Isachenko A.G., Popov B.A. The essence and content of landscape-geographical forecast. In: *Dinamika landshaftov ravninyh i gornyh stran* [Dynamics of Landscapes of Plain and Mountainous Countries]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1982, pp. 3–21. (In Russ.)
21. Kapica A.P., Simonov Ju.G. The main problems of regional geographic forecasting. In: *Doklady instituta geografii Sibiri i Dalnego Vostoka*, 1974, iss. 43, pp. 15–23. (In Russ.)
22. Kosmachev K.P. Problems of economic and geographical examination of the information base of the territorial organization of production. In: *Doklady instituta geografii Sibiri i Dalnego Vostoka*, 1974, iss. 45, pp. 3–11. (In Russ.)
23. Kosmachev K.P. Geographic expertise. In: *Jekonomicheskaja i socialnaja geografija: Voprosy geografii. Sb. 115* [Problems of Geography. Economic and Social Geography. Vol. 115]. Moscow: Mysl Publ., 1980, pp. 93–100. (In Russ.)
24. Kosmachev K.P. *Geograficheskaja jekspertiza (metodologicheskie aspekty)* [Geographic Expertise (Methodological Aspects)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981. 110 p. (In Russ.)
25. Lisichkin V.A. *Teorija i praktika prognostiki* [Theory and Practice of Prognostics]. Moscow, 1972. 367 p. (In Russ.)
26. Lukashov A.A., Nevjazhskij N.I. Principles of predicting the geomorphological consequences of the development of mineral deposits. *Geomorfologija*, 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)
27. Markov K.K., Kaplin P.A., Svitoch A.A. Tasks of paleogeographic research for the purpose of long-term geographical forecasting. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1974, no. 6, pp. 3–9. (In Russ.)
28. *Metody i metodologija geograficheskogo prognozirovaniya* [Methods and Methodology of Geographical Forecasting]. Moscow, 1983. 214 p. (In Russ.)
29. Mihankov Ju.M., Fjodorov B.G. *Prognozirovanie izmenenij geomorfologicheskikh sistem pri tehnogennom vozdejstvii* [Prediction of Changes in Geomorphological Systems under Anthropogenic Impact]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1984. 144 p. (In Russ.)
30. Nezhihovskij R.A. *Gidrologicheskie raschjoty i prognozy pri jekspluatacii vodohranilishh* [Hydrological Calculations and Forecasts During the Operation of Reservoirs]. Leningrad, 1976. 212 p. (In Russ.)
31. Popov E.G. *Osnovy gidrologicheskikh prognozov* [Basics of Hydrological Forecasts]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1968. 294 p. (In Russ.)
32. *Predely predskazuemosti* [Limits of Predictability]. Kravcov Ju.A., ed. Moscow: CentrKom Publ., 1997. 247 p. (In Russ.)
33. Preobrazhenskij V.S. Geographic forecasting and forecast of factors giving rise to environmental problems. In: *Regional'nyj geograficheskij prognoz – upravlenie prirodopol'zovaniem* [Regional Geographical Forecast – Environmental Management]. Moscow, 1989, pp. 7–12. (In Russ.)
34. Preobrazhenskij V.S., Koronkevich N.I. Barriers to geographic forecasting. *Izvestiya AN SSSR. Ser. geogr.*, 1987, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.)
35. Prohorov B.B. *Metodiko-jekologicheskoe rajonirovanie i regionalnyj prognoz zdorovja naselenija Rossii* [Methodological and Ecological Zoning and Regional Forecast of the Health of the Population of Russia]. Moscow, MNJePU Publ., 1996. 316 p. (In Russ.)
36. Rozanov L.L. Methodological aspects of forecasting changes in relief and geomorphological processes in connection with the interzonal redistribution of water resources in the European part of the USSR. *Geomorfologija*, 1980, no. 4, pp. 101–107. (In Russ.)
37. Rozanov L.L. Geotechnomorphogenesis and Prediction of Environmental Problems. In: *Geograficheskoe prognozirovanie prirodohrannyh problem* [Geographic Prediction of Environmental Problems]. Moscow, 1988, pp. 31–48. (In Russ.)
38. Sarkisjan S.A. *Prognozirovanie razvitija bol'shikh system* [Forecasting the Development of Large Systems]. Moscow, 1975. 216 p. (In Russ.)
39. Saushkin Ju.G. Forecast in economic geography. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1967, no. 5, pp. 39–45. (In Russ.)
40. Saushkin Ju.G. Geographic forecast of anthropogenic processes in nature. *Geografiya v shkole*, 1968, no. 3, pp. 6–10. (In Russ.)
41. Saushkin Ju.G. Geographic forecasts. *Priroda*, 1968, no. 7, pp. 35–42. (In Russ.)
42. Saushkin Ju.G. Stages and methods of economic and geographical forecasting. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1972, no. 3, pp. 3–13. (In Russ.)
43. Saushkin Ju.G. *Jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Moscow: Mysl Publ., 1973. 559 p. (In Russ.)



44. Saushkin Ju.G. Combination of natural and socio-economic aspects of environmental forecasting. In: *Problemy vzaimodejstviya obshchestva i prirody. Tezisy dokl. k teoretich. konf.* [Problems of Interaction between Society and Nature. Abstracts to Theoretical Conf.]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1974, pp. 79–80. (In Russ.)
45. Saushkin Ju.G. *Istorija i metodologija geograficheskoj nauki* [History and Methodology of Geographical Science]. Moscow St. Univ. Publ., 1976. 423 p. (In Russ.)
46. Saushkin Ju.G. *Geograficheskaja nauka v proshlom, nastojashhem, budushhem* [Geographical Science in the Past, Present, Future]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1976. 269 p. (In Russ.)
47. Saushkin Ju.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Smolensk: Universum Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
48. Saushkin Ju.G., Zvonkova T.V. Long-term geographic forecasting problems. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1968, no. 4, pp. 3–11. (In Russ.)
49. Saushkin Ju.G., Kalashnikova T.M. The hypothesis of the prospective development of the system of regional territorial-production complexes of the USSR. In: *Voprosy geografii. Jekonomicheskaja geografija SSSR v perspektive. Sb. 57* [Problems of Geography. Economic Geography of the USSR in the Future. Vol. 57]. Moscow: Geografiz Publ., 1962, pp. 121–146. (In Russ.)
50. Svatkov N.M. *Osnovy planetarnogo geograficheskogo prognoza* [Fundamentals of Planetary Geographical Forecast]. Moscow, 1974. 216 p. (In Russ.)
51. Sigov I.I. Predictive assessments of the evolution of the habitat under the influence of social and technical and economic factors. In: *Jekologija cheloveka v bol'shij gorodah* [Human Ecology in Big Cities]. Leningrad, 1988, pp. 116–123. (In Russ.)
52. Simonov Ju.G. Geographical forecasting problems. In: *Geograficheskie issledovanija v Moskovskom universitete* [Geographic Research at Moscow University]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1976, pp. 169–191. (In Russ.)
53. Spektor I.R. Spatio-temporal aspects of geographic forecasting. In: *Geograficheskie issledovanija v Moskovskom universitete* [Geographic Research at Moscow University]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1976, pp. 192–207. (In Russ.)
54. Stepanov I.N. *Pochvennye prognozy* [Soil Forecasts]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 83 p. (In Russ.)
55. *Teorija i metody prognoza izmenenij geograficheskoj sredy* [Theory and Methods of Forecasting Changes in the Geographic Environment]. Sochava V.B., Kapica A.P., eds. Iss. 1. Part 1. Irkutsk, 1973. 183 p. (In Russ.)
56. Tverdohlebova E.A. Socio-economic forecasting as the basis for managing the development of the territory. *Molodoy uchenyj*, 2013, no. 7 (54), pp. 249–255. (In Russ.)
57. Trofimov A.M. On the problem of forecasting in geomorphology. *Geomorfologija*, 1985, no. 3, pp. 24–28. (In Russ.)
58. Chetyrkin E.M. *Statisticheskie metody prognozirovanija* [Statistical Forecasting Methods]. Moscow: Statistika Publ., 1977. 200 p. (In Russ.)
59. Jakovec Ju.V. *Cikly. Krizisy. Prognozy* [Cycles. Crises. Forecasts]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)
60. Janch Je. *Prognozirovanie nauchno-tehnicheskogo progressa* [Forecasting Scientific and Technological Progress]. Second edition. Transl. from Engl. Moscow, Progress Publ., 1974. 585 p. (In Russ.)
61. Bishop P., Hines A. *Thinking about the Future: Guidelines for Strategic Foresight*. Second edition. Houston, 2015. 449 p. ISBN 978-0996773409
62. Ozbekhan H. Toward a general theory of planning. In: *Perspectives of Planning: Proceedings of the OECD Working Symposium on Long-Range Forecasting and Planning Bellagio, Italy 27th October – 2nd November 1968*. Paris: OECD, 1969, pp. 45–155.

Received 06.08.2021

Accepted 29.09.2021

## ИДЕИ Ю.Г. САУШКИНА О РАЗВИТИИ МОРСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

© 2021 г. А.Г. Дружинин<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем  
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

<sup>2</sup> Институт географии РАН, Москва, Россия  
e-mail: alexdru9@mail.ru

В современной российской общественной географии всё более весомое место занимает «морская» и «приморская» проблематика. Её развитие в существенной мере пролонгирует многоаспектные наработки, имевшие место в СССР в 70–80-х годы прошлого столетия, опирается на созданные в тот период теоретико-концептуальные и аналитические заделы. В статье рассмотрен вклад в становление (и конституирование) общетеоретических подходов в экономико-географических исследованиях Мирового океана одного из ведущих теоретиков и методологов науки – профессора Ю.Г. Саушкина (1911–1982 гг.), обладавшего широчайшим исследовательским кругозором, а также даром профессионального предвидения. Показано, что Ю.Г. Саушкин не только последовательно поддерживал (и популяризировал) морскую ветвь географической науки, но и генерировал значимые для её поступательной динамики (в том числе и в современном нам контексте) идеи: «земноводности» социально-экономической географии, необходимости отказа от во-многом искусственного противопоставления «суши» и «океана»; целесообразности дальнейшей дифференциации науки по предметно-объектному принципу, включая обособление и её морской составляющей; неизбежности роста притягательности морских побережий для населения и хозяйства, особой роли в этом процессе крупнейших морских портов; приоритета комплексного использования ресурсов Мирового океана (требующего экологизации исследовательских подходов, а также становления их культуроведческого аспекта).

*Ключевые слова:* Ю.Г. Саушкин, научное наследие, социально-экономическая география Мирового океана, морское хозяйство, развитие науки.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-4

**Введение и постановка проблемы.** Всё плотнее и активнее вовлекаясь в транснациональные хозяйственные взаимозависимости и пытаясь, одновременно, обрести многовекторность в своей внешней политике, постсоветская Россия в последние два десятилетия устойчиво «поворачивается» к Мировому океану [2]. Это проявляется, прежде всего, в возрастающей морехозяйственной активности (развитие морских портов и портово-индустриальных комплексов, приморские и шельфовые энергетические проекты, возрождение отечественных судостроительных производств, сооружение подводных газотранспортных систем и др. [15]), а также в усилении геостратегического (в том числе и военно-силового) присутствия Российской Федерации в прилегающих и в более отдалённых акваториях Мирового океана. Данные процессы высвечивают и делимитируют морские (океанические) пространства (в первую очередь порубежные) как сферу приоритетных геоэкономических и геополитических интересов нашей страны [3; 13; 31

и др.], инициируют исследовательскую активность, в том числе и в рамках предметно-объектной сферы общественной географии.

Наблюдаемый в настоящее время всплеск интереса к разработке «морской» тематики [13] пролонгирует продуктивные усилия наших предшественников и учителей 1960–1980-х годов и во-многом базируется на созданных в этот период, когда морские интересы страны были не только многоаспектными, но и глобальными по своему масштабу [9], теоретико-методологических и аналитических заделах. В их ряду особо значимое место занимает интеллектуальное наследие Юлиана Глебовича Саушкина (1911–1982), одного из крупнейших советских экономико-географов [22], блестящего теоретика, методолога и лидера науки, органично сочетавшего широчайший исследовательский кругозор и безукоризненную культуру географического мышления с мощнейшей интуицией, дополненной ярким даром научного предвидения.

Цель настоящей статьи – высветить, акцентировать вклад профессора Ю.Г. Сауш-

кина в становление (и конституирование) общетеоретических основ экономико-географических исследований Мирового океана, а также выявить и оценить степень созвучности генерируемых и тиражируемых им установок и идей концептуальным подходам, развиваемым в работах современных российских географов-обществоведов.

**Обзор ранее выполненных работ. Материалы и методика исследования.** Инвентаризации и осмыслению научных взглядов и мировоззренческих позиций Ю.Г. Саушкина, изложенных в более чем 600 принадлежавших ему «перу» работ [1], посвящено значительное число публикаций, в том числе и объединённых форматом специальных тематических монографий [19], а также сборников научных трудов [36; 37; 38]. Их авторы, составители и редакторы неизменно фокусировали внимание на широчайшей палитре исследовательских интересов Юлиана Глебовича, подчёркивали его фундаментальный и многоплановый вклад в развитие отечественной социально-экономической географии.

«Морская составляющая» творчества профессора Ю.Г. Саушкина, равно как и его роль в становлении соответствующего направления в нашей науке, тем не менее, ранее никогда системно и сфокусировано не рассматривались. Стремясь решить эту задачу, автор опирался на содержательный анализ текстов не только наиболее крупных, обобщающих публикаций Ю.Г. Саушкина [27–33], но и на его отдельные статьи, напрямую ориентированные на тематику Мирового океана [11].

Данное исследование базировалось, кроме того, на обобщающих работах российских (советских) географов-обществоведов, посвящённых морехозяйственной активности, аква-территориальному комплексообразованию, а также факторам и особенностям локализации и развития производства, инфраструктуры и селитебных систем в приморских зонах [2; 7; 17; 23; 25; 35].

**Полученные результаты.** Осмысливая развитие экономической (социально-экономической) географии, выявляя и высвечивая факторы и логику её динамики, профессор Ю.Г. Саушкин одновременно последовательно развивал и формировал теоретико-

методологические основания нашей науки, предвосхищая и «конструируя» тем самым её приоритетные задачи и грядущие тренды. Характерно, что уже с 1960-х гг. во всех его наиболее значимых и обобщающих публикациях присутствует и пионерная для отечественных географических исследований того периода морская проблематика.

Ещё с петровских времён Россия по праву имеет статус ведущей морской державы [9], но именно с середины 1950-х гг. (т.е. в эпоху, совпавшую с периодом активнейшего научного творчества Юлиана Глебовича) морское хозяйство нашей страны обрело «взрывную», невиданную ранее динамику. Так, например, всего лишь за десятилетие (1955–1965) грузоподъёмность транспортного флота Советского Союза увеличилась с 1 721 до 7 246 тыс. т (в 1913 г. аналогичный показатель по российскому флоту составлял 1 334 тыс. т) [40]; параллельно развивалась и модернизировалась сеть морских портов, наращивающих свои, в том числе и внешне-торговые функции [16]; многократно повысилось рыбохозяйственное значение Океана (с конца 1940-х до середины 1970-х гг. уловы рыбы в морских акваториях выросли в СССР в 20 раз [34]). Наша географическая наука всё чаще и полномасштабнее фиксировала и концептуализировала эти новые реалии [12], уже с 1970-х гг. чётко акцентируя внимание на фактически состоявшемся «сдвиге к морю» производительных сил [18], на процессах аква-территориального комплексообразования [5], на возрастающей роли Мирового океана в общественном производстве и жизни человека [26].

В итоге морская тематика всё явственнее выходила на научную авансцену, и Ю.Г. Саушкин (обладая статусом бесспорного научного лидера) не только фиксировал, но и конституировал, легитимизировал данный процесс, выдвигая и обосновывая целый ряд значимых для развития соответствующих исследований концептуальных подходов и идей.

Ключевое место в их ряду, вне сомнения, принадлежит чётко постулированной Ю.Г. Саушкиным уже в 1973 г. в его фундаментальной, получившей широчайший резонанс и до сих пор сохраняющей свою актуальность «чёрной книге» [28], изначальной «земноводности» социально-экономической географии. Полагая, что «искусственное противопоставление «суши» и «океана»

*себя уже изжило*», Юлиан Глебович полагал необходимыми «постановку задачи и решение проблемы освоения человечеством всей поверхности земного шара» [30, с. 265].

Оперируя в своих работах словосочетаниями «континентально-морской», «аква-территориальный» и акцентируя тем самым имманентную предметно-объектной сфере морских исследований «двухзвенность» (когда, согласно П.Я. Бакланову, «одно звено формируется на суше, охватывая определённую территорию, а другое, взаимодействующее с ним, формируется в акватории» [4, с. 122]), профессор Ю.Г. Саушкин соответствующим образом подчёркивал «земноводность» и собственно самой экономической географии Мирового океана (эта методологически весьма значимая его идея в дальнейшем многократно циркулировала, получала поддержку, развитие в трудах отечественных географов [26]).

Констатируя, что «исторический процесс заселения, хозяйственного освоения и изменения человеком природной среды, зародившийся первоначально на суше, теперь охватил и Мировой океан...» [31, с. 265], а само «освоение Мирового океана идёт со стороны его побережий» [31, с. 214], Юлиан Глебович уже с начала 1970-х гг. однозначно полагал, что морская экономическая география есть по существу география «земноводная» [28, с. 500]. Корректность, обоснованность данной позиции, заметим, в особой мере проявилась в постсоветской России в условиях очередного (не менее масштабного чем в период 1960–1980-х гг.) «поворота» страны, её экономики, систем инфраструктуры и расселения к глобальным рынкам, резервным сырьевым пространствам и, соответственно, к Мировому океану. Именно в этот период (с конца 1990-х – начала 2000-х гг.) рельефно обозначилась хозяйственная и селитебная притягательность ведущих приморских городов, а динамично наращивающие свой функционал морские порты (Усть-Луга, Санкт-Петербург, Владивосток и др.) стали значимыми «площадками» реиндустриализации, что в существенной мере предопределило акцент в морских общественно-географических исследованиях на приморских регионах, прибрежных зонах, приуроченных к ним селитебных системах и хозяйственных кластерах [39].

В реалиях XXI столетия новые содержательные стороны, грани обретает, впрочем, и сам базовый тезис о «земноводности» нашей науки. Последнее связано с тем, что в своих сущностных основаниях «земноводность» общественно-географических структур и процессов не исчерпывается ни специфическими характеристиками стыка «суша–море», ни предельно широким, универсальным по своему охвату феноменом «континентально-океанической дихотомии» (акцентированном ещё столетие назад П.Н. Савицким, а ныне детально охарактеризованном в публикациях Л.А. Безрукова), ни фокусировкой внимания на активно формирующихся благодаря трансграничной морехозяйственной активности аква-территориальных регионах, получивших наиболее выраженные и завершённые контуры прежде всего на Дальнем Востоке страны [35], а также на Балтике [41]. Идея «земноводности», вне сомнения, существенно многомернее, глубже и, одновременно, шире по своему географическому охвату. Она позволяет высветить в том числе и многочисленные феномены, когда внешне «морское» одновременно предстаёт и как «внутриконтинентальное». Например, крупные приморские города, наподобие Санкт-Петербурга или Ростова-на-Дону, своей хозяйственной структурой и многими факторами развития выступают метрополиями по отношению к достаточно крупным массивам тяготеющей к ним суши. Воплощается «земноводность» и в иной, «зеркальной» ситуации, например, во внутренних, дистанцированных от моря на 2–3 тыс. км и характеризующихся как «ультраконтинентальные» [6], территориях Сибири, чьи ведущие территориально-производственные комплексы по факту оказываются в том числе и «мореориентированными», инкорпорированными в «океанические» хозяйственные обмены, зависимыми и от морской логистики, и от сопряжённой с ней транспортной инфраструктуры.

Развивая свою морскую составляющую, общественная география, призвана, в этой связи, во всё возрастающей мере изучать «морские» и «сухопутные» пространственные структуры и отношения в их реальной многоаспектной сущностной взаимозависимости, сопряжённости, а также (в целом ряде ситуаций) и системном единстве. Будучи теоретиком, методологом, и призывая

«к целостному познанию огромной страны» [33, с. 6], именно Ю.Г. Саушкин впервые концептуально очертил контур подобного аква-территориального единства, совершенно справедливо полагая, что «экономико-географический подход требует рассмотрения ресурсов Мирового океана вместе с окружающими его побережьями с их портовыми городами, электростанциями, курортами, с добычей полезных ископаемых на побережьях и шельфах» [31, с. 265].

Культивируемое понимание «аква-территориальности» как одной из сущностных характеристик нашей страны (и, одновременно, императива в географических исследованиях) воплотилось в попытку Юлиана Глебовича ввести на научный оборот понятие «океанический ЭПЦ» (сюда им отнесены прежде всего «цепочки» по освоению биологических ресурсов Мирового океана, использованию его минерально-сырьевого потенциала [28, с. 331]). Указывал он и на «необходимость морехозяйственного районирования, выделения и обоснования морехозяйственных комплексов...» [28, с. 500]. Будучи сформированными в позднесоветский период [34], эти комплексы, кстати, в дальнейшем испытали частичную деградацию, дезинтеграцию, рыночную трансформацию, параллельно интернационализируясь (в том числе наращивая трансграничность), обретая внутри- и межкорпоративные формы, демонстрируя всё возрастающие сетевые и межбассейновые характеристики, самоорганизуясь в качестве прежде всего узловых («нодальных» по Б.Б. Родману [25]) районов. Юлиану Глебовичу Саушкину, кстати, отчасти удалось предвидеть, предвосхитить подобного рода процессы. Полагая (применительно к России постсоветского периода – абсолютно справедливо), что «притягательность морских побережий усилится» [28, с. 509], выдающийся учёный уже в 1960 г. типологически выделял города, «сосредоточивающие сырьё водного (морского) происхождения [31, с. 151], а также «города – транспортные (морские) узлы» [31, с. 152]. По прошествии более чем десятилетия (1973 г.) Юлиан Глебович ещё чётче акцентировал роль крупнейших морских портов, рассматривал их создание в качестве «тенденции нашего времени» [28, с. 335], полагая при этом, что идентифицируемые им океанические ЭПЦ «связаны друг с другом единством портовых центров» [28, с. 332].

Устойчивую приверженность элементам морской тематики Ю.Г. Саушкин сохранял и демонстрировал в течение всего последнего двадцатилетия своей жизни; его взгляды, позиции, при этом, не только выкристаллизовывались, но и отчасти видоизменялись, корректировались, углублялись. Так, к примеру, в 1972 г. он предполагал, что на Дальнем Востоке сформируется «Дальневосточный морской комплекс» в составе Камчатки, Курил и Сахалина [31, с. 126]. Уже в 1980 г., учитывая не только весомый социально-экономический потенциал Владивостока, но и исследования ведущих дальневосточных географов-обществоведов [5], он констатировал наличие «Тихоокеанского природно-хозяйственного района» [31, с. 206], ментально объединяя, тем самым, с ранее выделенным «Дальневосточным морским комплексом» регион Приморья (что, заметим, весьма созвучно ныне доминирующему концепту «Тихоокеанской России», детально прописанному уже в 2010-е гг. [3]).

Следует, при этом, подчеркнуть, что Ю.Г. Саушкин неизменно и тщательно отслеживал и осмысливал практически весь спектр генерируемых в экономико-географической науке (особенно – в отечественной) интеллектуальных новаций. В сфере его внимания были, разумеется, и становящиеся всё более многочисленными и разнообразными по тематике работы в рамках формирующейся «Экономической географии Мирового океана» С.Б. Лаврова, С.С. Сальникова, С.Б. Слевича, В.А. Дергачёва, А.П. Алхименко, П.Я. Бакланова и др. Опираясь на генерируемые ими идеи, Юлиан Глебович в своих текстах существенно выходил за рамки не только рефлексии, но и теоретического обобщения, многое предвосхищая, указывая ориентиры, прочерчивая грядущий исследовательский тренд, «нащупывая» необходимый инструментарий. Напрямую (и предельно активно) соучаствуя в становлении российских (советских) «морских» экономико-географических исследований, он рассматривал последние как *неотъемлемую составляющую развития географии «вширь»*, как важный компонент её дифференциации (ведущей «к углублению знаний» [28, с. 187]), видевшейся Юлиану Глебовичу, в этой связи, «бесспорным и глубоко прогрессивным фактом» [33, с. 39].

Культивировал Ю.Г. Саушкин и столь необходимые (особенно – в актуальном нам контексте) интеграционные, природоведческо-обществоведческие подходы, подчёркивая как возрастающую значимость, так и принципиальную практическую нерешённость задачи «*комплексного использования всей совокупности ресурсов моря, включая и ресурсы шельфов*» [28, с. 499].

Перманентно нарастающая в последние два десятилетия неустойчивость глобальных, макрорегиональных и страновых экономических и политических структур и процессов всё в большей мере смещает акценты к использованию (эксплуатации) «фактора Мирового океана», что одновременно продуцирует целый веер всё новых и новых технико-технологических, финансово-инвестиционных, геополитических и, в особой мере – геоэкологических проблем. Юлиан Глебович предвидел данный тренд, полагая, в частности, что «чем сильнее будет развиваться ЭПЦ минеральных ресурсов Мирового океана..., тем реальнее может быть опасность нарушения биологического равновесия» [28, с. 338].

Углубляющееся противоречие между заявленными (государством, корпорациями) приоритетами освоения морских ресурсов и реальными практиками, технологиями природопользования – в полной мере присуще и современной России, а понимание необходимости культивирования и имплементации системных подходов как к хозяйственной деятельности в пределах тех или иных морей, так и в целом к управлению экономическими, селитебными и экологическими процессами в рамках аква-территориальных структур – всё активнее озвучивается ведущими экспертами [8; 20; 44]. На этом фоне для Российской Федерации актуализируется ещё одна фундаментальная и всеохватная задача – обеспечение баланса (соразмерности динамики, взаимоподдерживающего развития) различных компонент морской активности: её коммерческой и военной составляющих, ресурсодобывающих и обеспечивающих их инвестиционный спрос структур, отдельных обособленных «морских» макрорегионов (Балтика, Причерноморье, Каспий и др.), собственно морских отраслей и экономики «локализирующих» их приморских регионов и др.

В современном глобальном контексте, характеризуемом экспертами как период до-

минанты очередного дезинтеграционного цикла [43], крайне необходимым становится также достижение максимально возможной самодостаточности морского хозяйства страны в рамках экономической системы России и её взаимодействий в рамках не только постсоветского пространства, но и всего гипотетического, пока лишь «тестируемого», Большого Евразийского партнёрства. Эта самодостаточность реализуется как на основе адресных протекционистских мер (в первую очередь – в интересах российского судостроения и машиностроения в целом), так и в форматах успешно зарекомендовавшей себя в советский период теории и практики аква-территориального комплексообразования. Следует осмысливать и тиражировать пока редкий (но, уже тем не менее нарабатываемый, в том числе и в Арктике [23]) опыт совместного сооружения и использования корпорациями (в первую очередь – с госучастием) инфраструктуры в приморских зонах, а также целенаправленно повышать бюджетно-налоговую и в целом социально-экономическую отдачу от морехозяйственной активности, обеспечиваемую как её диверсификацией, так и смещением приоритетов в субконтрактной политике крупнейших «мореориентированных» российских компаний в пользу российских же машиностроительных предприятий.

Постановка и, тем более, решение подобного рода стратегических целей и задач, полагаем, связана в том числе и со своего рода «*культурным переформатированием*» российского социума, трансформацией его миропонимания. «Культурная составляющая» в отечественной географии имеет широкие основания и пролонгированную историю [14]. Свою весьма существенную лепту внёс в неё и Юлиан Глебович, который ещё в 1950 г. при формулировании программы экономико-географического изучения района акцентировал необходимость изучения «культурного уровня населения» [31, с. 47), а в 1970-е гг. напрямую призывавший развивать географию культуры, которая в тот период была лишь «только намечена» [29, с. 413].

Природно-экологическая, ресурсно-хозяйственная, равно как и геополитическая специфика Мирового океана требует первостепенного внимания к *культуре морской деятельности*, равно как и развитию, воспроизводству особого рода *морской культуры*,

генерируемой, прежде всего, на побережьях, в приморских городах, на предприятиях морехозяйственного комплекса, в «морских» вузах, конструкторских бюро и НИИ. Её фундаментом, краеугольным камнем в российском контексте, вне сомнения, способно (и должно!) стать расширяющееся видение имманентности нашей стране морских структур, характеристик и приоритетов, понимание сопредельных территории России и опоясывающих её морей в качестве неотъемлемой составляющей нашего месторазвития, самоценности для Российской Федерации задачи, выражаясь языком Ю.Г. Саушкина, «освоения и сохранения Мирового океана» [32, с. 98], причём как компоненты не только национальной, но и международной, глобальной повестки (которую Россия, по справедливому мнению политолога С.А. Караганова, должна опережающим образом формировать и продвигать [17]). Показательно, симптоматично, что обеспечение интересов РФ, связанных с освоением Мирового океана, (включая защиту и охрану территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации) особым образом акцентировано в только что утверждённой «Стратегии национальной безопасности России» [21].

**Выводы.** Обусловленные общепланетарными социально-экономическими и природно-экологическими трансформациями (в том числе и в связи со всё более масштабным, активным освоением Человечеством Мирового океана) приоритеты развития общественной географии, равно как и коррекции на этой основе всей географической картины мира – могут быть реализованы лишь при условии бережного, сверхчуткого отношения к трудам, взглядам наших учителей и предшественников. Работы профессора Ю.Г. Саушкина, генерированный им исследовательский инструментарий, выступают заметным, значимым и неотъемлемым элементом обширного российского интеллекту-

ального наследия в области экономической (социально-экономической) географии. Юлиан Глебович не только корректнейшим образом предсказал грядущий «всплеск» морехозяйственной активности, рост притягательности морских побережий для населения и хозяйства, но и последовательно поддерживал (а по целому ряду аспектов и развивал) «морскую ветвь» географической науки, формулировал значимые для её поступательной динамики (в том числе и в современном нам контексте) идеи, требующие своего дальнейшего изучения, осмысления, творческой адаптации. В их числе:

- единство аквального (морского) и территориального (внутриконтинентального) как императив географического анализа и, наряду с этим, – сущностная характеристика пространственной организации, в том числе в условиях нашей страны;
- хозяйственная и селитебная специфичность (и притягательность) океанических побережий, особая роль в их развитии крупных портов, возможность (и целесообразность) применения инструментария ЭПЦ к изучению морской экономики;
- необходимость комплексности в освоении ресурсного потенциала Мирового океана, предполагающей в том числе и культивирование интеграционных (природоведческо-обществоведческих) подходов в познании и конструировании аква-территориальной реальности;
- значимость, приоритетность активизации морских (приморских, океанических) экономико-географических исследований как неотъемлемой составляющей развития науки.

**Благодарности.** Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (РНФ) 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции».

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агирречу А.А.* «Географическое мышление» – последнее незавершённое произведение Ю.Г. Саушкина // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. С. 13–21.
2. *Алхименко А.П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб, 2005. С. 5–23.

3. *Бакланов П.Я.* Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. № 5. С. 8–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-5-8-19.
4. *Бакланов П.Я.* Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.
5. *Бакланов П.Я., Мошков А.В.* Экономико-географические исследования в Тихоокеанском институте географии // Тихоокеанская география. 2021. № 1 (5). С. 6–20. DOI: 10.35735/tig.2021.5.1.001.
6. *Безруков Л.А.* Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе // География и природные ресурсы. 2020. № 4. С. 25–36. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2020-4(25-36).
7. *Бондаренко В.С.* Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1981. № 1. С. 36–41.
8. *Войтоловский Г.К.* Динамика развития / Сер. «Теория и практика морской деятельности». Вып. 5. М.: СОПС, 2005. 248 с.
9. *Горшков С.Г.* Морская мощь государства. М. Воениздат. 1976. 416 с.
10. *Дергачёв В.А.* Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980. 110 с.
11. *Дергачёв В.А., Саушкин Ю.Г.* Целостность процесса освоения всей поверхности земного шара // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1979. № 1. С. 5–12.
12. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 6. С. 7–16. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-6-7-16.
13. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник. 2020. № 2 (53). С. 24–37. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-2-24-37.
14. *Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н.* Культурная составляющая общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления исследований // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. № 1 С. 5–20. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-1-5-20.
15. *Дружинин А.Г., Лачининский С.С.* Россия в Мировом океане: геополитические и геоэкономические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия РГО. 2019. Т. 151. Вып. 6. С. 1–19. DOI: 10.31857/S0869-607115161-19.
16. *Дружинина С.С.* Роль портов Северного Кавказа и Закавказья во внешней торговле Советского Союза: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1970. 25 с.
17. *Караганов С.А.* Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.
18. *Лавров С.Б.* Экономическая география Мирового океана. Л.: Наука. 1979. 48 с.
19. *Лавров С. Б., Перцик Е. Н., Глушкова В.Г.* Ю.Г. Саушкин / Сер. «Люди науки». Смоленск: Ойкумена, 2001. 104 с.
20. *Матишов Г.Г., Денисов В.В., Дженюк С.Л.* Интегрированное управление природопользованием в северных морях // Известия РАН. Сер. геогр. 2007. № 3. С. 27–40.
21. О «Стратегии национальной безопасности России». Указ Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 года. [Электронное издание]. <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html> (дата обращения – 06.07.2021).
22. *Перцик Е.Н., Шувалов В.Е.* К столетию со дня рождения Юлиана Глебовича Саушкина // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. С. 4–9.
23. *Пулясов А.Н., Путилова Е.С.* Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.21.
24. *Покшишевский В.В.* География расселения на берегах Мирового океана // Экономическая география мирового океана. Отв. ред. С.С. Сальников. Л.: Наука, 1979. С. 48–83.
25. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. 256 с.
26. *Сальников С.С.* Экономическая география океана – новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 231–243.
27. *Саушкин Ю.Г.* Введение в экономическую географию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 340 с.
28. *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
29. *Саушкин Ю.Г.* История и методология географической науки. Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 423 с.
30. *Саушкин Ю.Г.* Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение. 1980. 269 с.
31. *Саушкин Ю.Г.* Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
32. *Саушкин Ю.Г.* Географическое мышление. М.–Смоленск: Ойкумена. 2011. 218 с.
33. *Саушкин Ю.Г., Перцик Е.Н.* Экономическая и социальная география: зарождение, становление, проблемы, перспективы // Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение. 1988. С. 5–44.
34. *Слевич С.Б.* Океан: ресурсы и хозяйство. Л.: Гидрометеиздат, 1988. 192 с.
35. Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Дальний Восток. Отв. ред. В.М. Котляков и П.Я. Бакланов. М.: Паулсен, 2020. 464 с.
36. Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2011. 608 с.
37. Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. Под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, Т.И. Яськовой. Смоленск: Универсум, 2016. 794 с.
38. Теория социально-экономической географии: синтез современных знаний. Сб. научн. тр. Отв. ред. А.П. Катровский. Смоленск: Универсум, 2006. 332 с.



39. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. Ростов н/Д: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. 421 с.
40. Транспорт СССР. М.: Транспорт. 1967. 324 с.
41. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32–41.
42. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Разумовский В.М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия РГО. 2017. Т. 149, № 3. С. 15–31.
43. Шупер В.А. Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 7–17. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-4-1.
44. Baklanov P.Y., Ermoshin V.V., Karakin V.P., Zharikov V.V., Van Cu N., Cham D.D. Coastal-marine nature management in Pacific Russia and Northern Vietnam: notions, structural features, and types // Geography and Natural Resources. 2017. Vol. 38. № 4. С. 333–340. DOI: 10.1134/S1875372817040047.

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

### Об авторе

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва.

### Для цитирования

Дружинин А.Г. Идеи Ю.Г. Саушкина о развитии морской составляющей российской общественной географии // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 42–51.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-4

## The ideas of Yu.G. Saushkin on the development of the maritime component of Russian socio-economic geography

A.G. Druzhinin<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

<sup>2</sup>Institute of geography RAS, Moscow, Russia  
e-mail: alexdru9@mail.ru

In the modern Russian socio-economic geography, the «maritime» and «seaside» problems occupy an increasingly important place. Its development significantly prolongs the multidimensional developments that took place in the USSR in the 70–80s of the last century, and is based on the theoretical, conceptual and analytical «reserves» created at that time. The article considers the contribution to the formation (and constitution) of general theoretical approaches in the economic and geographical research of the World Ocean by one of the leading theorists, methodologists of science – Professor Yu.G. Saushkin (1911–1982), who had the broadest research horizons, as well as the gift of professional foresight. It is shown that Yu.G. Saushkin not only consistently supported (and popularized) the «marine branch» of geographical science, but also generated important ideas for its progressive dynamics (including in the modern context): the «amphibian» of socio-economic geography, the need to abandon the largely artificial opposition of «land» and «ocean»; the expediency of further differentiation of science according to the subject-object principle, including the isolation of its «marine component»; the inevitability of further growth of the attractiveness of sea coasts for the population and economy, the special role of the largest seaports in this process; the priority of integrated use of the resources of the World Ocean (requiring the «greening» of research approaches, as well as the formation of their cultural aspect).

*Keywords:* Yu.G. Saushkin, scientific heritage, socio-economic geography of the World Ocean, marine economy, development of science.

### REFERENCES

1. Agirrechu A.A. «Geographical Thinking» – the last unfinished work of Yu.G. Saushkin. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskij A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 13–21. (In Russ.)
2. Alhimenko A.P. The Marine Economic complex of Russia: development trends and problems. In: *Morehozajstvennyj kompleks Rossii* [Sea Economic Complex of Russia]. St. Petersburg, 2005, pp. 5–23. (In Russ.)

3. Baklanov P.YA. Pacific Russia: geographical and geopolitical factors of development. *Izvestija RAN. Ser. geogr.*, 2015, no. 5. pp. 8–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-5-8-19. (In Russ.)
4. Baklanov P.YA. *Territorial'nye struktury hozyajstva v regional'nom upravlenii* [Territorial Structures of the Economy in Regional Management]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 239 p. (In Russ.)
5. Baklanov P.YA., Moshkov A.V. Economic and geographical research at the Pacific Institute of Geography. *Tihookeanskaja geografija*, 2021, no. 1 (5), pp. 6–20. DOI: 10.35735/tig.2021,5.1.001. (In Russ.)
6. Bezrukov L.A. Transformation of the structures of the economy and the population of Siberia at the post-Soviet stage. *Geografija i prirodnye resursy*, 2020, no. 4, pp. 25–36. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2020-4(25-36). (In Russ.)
7. Bondarenko V.S. Economic and geographical study of coastal zones. *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5: Geografija*, 1981, no. 1, pp. 36–41. (In Russ.)
8. Vojtolovskij G.K. Dynamics of development. In: *Teorija i praktika morskoy dejatel'nosti* [Theory and Practice of Maritime Activity]. Vol. 5. Moscow: SOPS Publ., 2005. 248 p. (In Russ.)
9. Gorshkov S.G. *Morskaya moshch' gosudarstva* [The Sea Power of the State]. Moscow: Voenizdat Publ., 1976. 416 p. (In Russ.)
10. Dergachyov V.A. *Osnovy ekonomicheskogo rajonirovaniya Mirovogo okeana* [Fundamentals of Economic Zoning of the World Ocean]. Kiev, 1980. 110 p. (In Russ.)
11. Dergachyov V.A., Saushkin YU.G. Integrity of the development of the entire surface of the globe. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5: Geografija*, 1979, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.)
12. Druzhinin, A.G. The «Marine component» of Russian public geography: traditions and innovations. *Izvestija RAN. Ser. geogr.*, 2016, no. 6. pp. 7–16. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-6-7-16. (In Russ.)
13. Druzhinin A.G. The «Marine component» of the social geography of modern Russia: basic approaches and concepts. *Geograficheskij vestnik*, 2020, no. 2 (53), pp. 24–37. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-2-24-37. (In Russ.)
14. Druzhinin A.G., Streleckij V.N. The cultural component of social geography in modern Russia: genesis, features and priority areas of research. *Izvestija RAN. Ser. geogr.*, 2015, no. 1, pp. 5–20. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-1-5-20. (In Russ.)
15. Druzhinin A.G., Lachinskij S.S. Russia in the World Ocean: geopolitical and geo-economic interests, the scale and formats of «presence». *Izvestija RGO*, 2019, vol. 151, iss. 6, pp. 1–19. DOI: 10.31857/S0869-607115161-19. (In Russ.)
16. Druzhinina S.S. *Rol' portov Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya vo vneshnej torgovle Sovetskogo Soyuz*a [The Role of the Ports of the North Caucasus and Transcaucasia in the Foreign Trade of the Soviet Union]. Abstract of PhD thesis in Geography. Rostov-on-Don, 1970. 25 p. (In Russ.)
17. Karaganov S.A. New ideas for yourself and the world. *Rossija v globalnoj politike*, 2020, no. 2, pp. 21–32. (In Russ.)
18. Lavrov S.B. *Ekonomicheskaya geografija Mirovogo okeana* [Economic Geography of the World Ocean]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 48 p. (In Russ.)
19. Lavrov S.B., Percik E.N., Glushkova V.G. *Y.G. Saushkinu Ser. «Ljudi nauki»* [Yu.G. Saushkin. Series «People of Science»]. Smolensk: Ojkumena Publ., 2001. 104 p. (In Russ.)
20. Matishov G.G., Denisov V.V., Dzhenyuk S.L. Integrated environmental management in the Northern Seas. *Izvestija RAN. Ser. geogr.*, 2007, no. 3, pp. 27–40. (In Russ.)
21. *O «Strategii nacionalnoj bezopasnosti Rossii». Ukaz Prezidenta RF no 400 ot 2 ijulja 2021 goda* [About the «Strategy of the national security of Russia». Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021]. URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-ijulja-2021-goda-03-07-2021.html> (Accessed 06.07.2021). (In Russ.)
22. Percik E.N., Shuvalov V.E. To the centenary of the birth of Julian Glebovich Saushkin. In: *Socialno-ekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskij A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011, pp. 4–9. (In Russ.)
23. Pilyasov A.N., Putilova E.S. New projects for the development of the Russian Arctic: space is significant. *Arktika i Sever*, 2020, no. 38, pp. 21–43. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020,38.21. (In Russ.)
24. Pokshishevskij V.V. Geography of settlement on the shores of the World Ocean. In: *Jekonomicheskaja geografija mirovogo okeana* [Economic Geography of the World Ocean]. Salnikov S.S., ed. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 48–83. (In Russ.)
25. Rodoman B.B. *Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii* [Territorial Areas and Networks. Essays on Theoretical Geography]. Smolensk: Ojkumena Publ., 1999. 256 p. (In Russ.)
26. Sal'nikov S.S. Economic geography of the ocean – a new promising direction of economic and social geography. In: *Sovetskaja geografija* [Soviet Geography]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 231–243. (In Russ.)
27. Saushkin YU.G. *Vvedenie v ekonomicheskuyu geografiyu* [Introduction to Economic Geography]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1970. 340 p. (In Russ.)
28. Saushkin YU.G. *Ekonomicheskaya geografija: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Moscow: Mysl Publ., 1973. 559 p. (In Russ.)
29. Saushkin YU.G. *Istoriya i metodologiya geograficheskoy nauki* [History and Methodology of Geographical Science]. Moscow: Mysl Publ., 1976. 423 p. (In Russ.)
30. Saushkin YU.G. *Geograficheskaya nauka v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Geographical Science in the Past, Present, and Future]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1980. 269 p. (In Russ.)
31. Saushkin YU.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Smolensk: Universum Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
32. Saushkin YU.G. *Geograficheskoe myshlenie* [Geographical Thinking]. Moscow–Smolensk: Ojkumena Publ., 2011. 218 p. (In Russ.)

33. Saushkin YU.G., Percik E.N. Economic and social geography: origin, formation, problems, prospects. In: *Jekonomicheskaja i socialnaja geografija v SSSR* [Economic and Social Geography in the USSR]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1988, pp. 5–44. (In Russ.)
34. Slevich S.B. *Okean: resursy i hozyajstvo* [Ocean: Resources and Economy]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)
35. *Sovremennaja Rossija: geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Dalnij Vostok* [Modern Russia: a geographical description of our Fatherland. Far East]. Kotljakov V.M., Baklanov P.Ja., eds. Moscow: Pauslsen Publ., 2020. 464 p. (In Russ.)
36. *Social'no-ekonomicheskaja geografija: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskij A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2011. 608 p. (In Russ.)
37. *Social'no-ekonomicheskaja geografija: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socio-Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskij A.P., Shuvalov V.E., Jaskova T.I., eds. Smolensk: Universum Publ., 2016. 794 p. (In Russ.)
38. *Teoriya social'no-ekonomicheskoy geografii: sintez sovremennykh znanij* [Theory of Socio-Economic Geography: Synthesis of Modern Knowledge]. Katrovskij A.P., ed. Smolensk: Universum Publ., 2006. 332 p. (In Russ.)
39. *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskih zonah Evropejskoj chasti Rossii: faktory, modeli, ekonomicheskie i ekisticheskie efekty* [Transboundary Clustering in the Coastal Zones of the European Part of Russia: Factors, Models, Economic and Ekistic Effects]. Rostov-on-Don: South Fed. Univ. Publ., 2017. 421 p. (In Russ.)
40. *Transport SSSR* [Transport of the USSR.]. Moscow: Transport Publ., 1967. 324 p. (In Russ.)
41. Fyodorov G.M., Korneev V.S. Cross-border regions in the hierarchical system of regions: a systematic approach. *Baltijskij region*, 2009, no. 2, pp. 32–41. (In Russ.)
42. Fedorov G.M., Kuznecova T.YU., Razumovskij V.M. The influence of the proximity of the sea on the development of the economy and settlement of the Kaliningrad region. *Izvestiya Russkogo geogr. ob-va*, 2017, vol. 149, no. 3, pp. 15–31. (In Russ.)
43. Shuper V.A. The Eurasian future of Russia in the light of the alternation of integration and disintegration cycle. *Baltijskij region*, 2016, vol. 8, no. 4, pp. 7–17. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-4-1. (In Russ.)
44. Baklanov P.Y., Ermoshin V.V., Karakin V.P., Zharikov V.V., Van Cu N., Cham D.D. Coastal-marine nature management in Pacific Russia and Northern Vietnam: notions, structural features, and types *Geography and Natural Resources*, 2017, vol. 38, no. 4, pp. 333–340. DOI: 10.1134/S1875372817040047. (In Russ.)

Received 23.07.2021

Accepted 29.09.2021

---

---

# ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

---

---

УДК 332

## НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ОТДАЧИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2021 г. П.Я. Бакланов<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия

<sup>2</sup> Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия  
e-mail: pbaklanov@tigdvo.ru

В условиях рыночной экономики и частных инвестиций существенно изменяются формы регионального развития и управления. Однако сохраняются процессы территориального разделения труда и территориально-производственного комплексообразования, экономического районирования. Необходимо изучение их новых форм и механизмов. Выделяются направления социо-экономико-географических исследований, ориентированных на практическое использование: изучение структуры и динамики территориальных социально-экономических систем – как части интегральных геосистем; разработка методов многоуровневой оценки включения (исключения) отдельных социальных и экономических компонентов (групп населения, предприятий, объектов инфраструктуры) в структуры таких систем; разработка региональных программ устойчивого развития и необходимых для этого геоинформационных систем; разработка теории и методов территориальной организации, охватывающей население, хозяйство и природно-техногенные территориальные структуры; оценка потенциала различных поселений, территории; мониторинг регионального развития. В качестве важного направления экономико-географических исследований, нацеленного на получение прикладных результатов, рассматривается пространственное развитие разноразмерных территорий. При этом должны охватываться и оцениваться географические факторы: географическое, в том числе экономико-географическое положение, территориальные сочетания природных условий и ресурсов, сложившиеся территориальные структуры хозяйства и населения. В пределах определенных территорий всегда существует сочетание географических факторов, которое определяет многие черты и свойства пространственных структур и пространственного развития. Их количественное измерение и соизмерение позволяет получать оценки потенциала территории, имеющие большое практическое значение.

*Ключевые слова:* пространственное развитие, территориальная социально-экономическая система, географические факторы, методы включения, районирование, устойчивое развитие, геоинформационная система, потенциал территории, мониторинг.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-5

**Введение и постановка проблемы.** Известно, что Ю.Г. Саушкин высоко ценил теоретические исследования в географии в целом, и в социально-экономической географии в частности. Однако, не менее высоко он оценивал и прикладные результаты экономико-географических исследований [14; 15]. Так, в 1920-е гг. большое практическое значение имели работы по экономическому районированию страны, а в 1930-е гг. – работы по межрайонному комбинированию и комплексированию производительных сил, в том числе Урала и Западной Сибири [12; 14].

В 1960-е – 1970-е гг. стали широко использоваться теоретические разработки по территориально-производственным комплексам (ТПК) в предплановых исследованиях и региональном планировании (Н.Н. Колосовский, Н.Т. Агафонов, Ю.Г. Саушкин, Т.М. Калашникова, А.Т. Хрущев, А.Г. Гранберг, М.К. Бандман и др.). Экономико-географические разработки использовались в важнейших документах народнохозяйственного планирования в СССР – Генеральной схеме размещения производительных сил, Генеральной схеме

расселения, в проектах районных планировок [12; 14; 17; 23].

Следует отметить, что методологически экономико-географические исследования в СССР во многом ориентировались на плановое централизованное управление, государственную собственность на средства производства. В рамках долгосрочного и среднесрочного планирования, в том числе пятилетних и годовых планах, охватывались большие территории – от страны в целом и ее крупных экономических районов до республик, краев и областей. Выполнение этих планов обеспечивалось централизованным бюджетным финансированием. Поэтому многие комплексные экономико-географические, в том числе картографические оценки таких территорий на стадии предплановых исследований имели большую практическую направленность.

Радикальные политико-экономические реформы 1990-х гг. ликвидировали и плановое централизованное управление, и государственность. Рыночная экономика и частные инвестиции стали основным фактором регионального развития. В этих условиях многие экономико-географические разработки, ориентированные на крупные территории, экономические районы, на народно-хозяйственное планирование, потеряли свое практическое значение. К ним можно, например, отнести разработки, ориентированные на проблемы размещения производства в пределах больших территории, поиск народнохозяйственного оптимума, экономическое районирование и формирование ТПК как важнейший метод размещения производительных сил, и другие. Наступил период переосмысливания и теоретического багажа социально-экономической географии [16; 17; 25]. При этом следует отметить, что ценность прикладных результатов возрастает, если они базируются на определенном теоретическом обосновании, на новых методических подходах. В этой связи важно выделить те направления современных научных исследований в области социально-экономической географии, которые могут быть нацелены на практические результаты. Это и ставится задачей данной статьи.

**Обзор ранее выполненных исследований.** Наибольшую практическую направленность, видимо, имели по существу экономико-

географические работы по экономическому районированию страны в 1920-е гг. [12; 14; 17]. В конечном итоге они закладывались в основу первых народнохозяйственных планов, в том числе первый, широко известный план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО, 1920–1921 гг.), который был разработан для 8 крупных экономических районов страны. В основу этого плана было заложено строительство 30 крупных районных электростанций на различных энергоресурсах, в том числе на торфе, угле, гидро-ресурсах, а также коренная реконструкция существующих и создание многих новых промышленных предприятий. Тем самым закладывались основы районных промышленно-энергетических комплексов. В последующем это, видимо, послужило своего рода базисом рождения широко известной экономико-географической концепции Н.Н. Колосовского – энерго-производственных циклов (ЭПЦ) [12]. По существу ЭПЦ – есть исходная, производственно-технологическая форма задания структуры районных, или территориальных производственных комплексов. Такие структуры ЭПЦ развертываются в реальном географическом пространстве, на территории с учетом конкретных экономико-географических факторов. Поэтому закономерно, что в связи с представлениями об ЭПЦ Н.Н. Колосовским были сформулированы и основные теоретические положения о территориально-производственных комплексах (ТПК) [12]. В последующем представления о экономическом районировании, ЭПЦ и ТПК дополнялись и углублялись (Ю.Г. Саушкин, А.Т. Хрущев, Т.М. Калашникова, Н.Т. Агафонов, О.А. Кибальчич, И.И. Белоусов, М.К. Бандман, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарьгин и др.) и в той или иной форме использовались в народнохозяйственном планировании и управлении [14; 15; 17; 23]. Например, Ю.Г. Саушкин плодотворно развивал теоретические идеи об экономическом районировании, в том числе о целесообразности выделения природно-хозяйственных районов, об ЭПЦ и ТПК и их важном практическом значении. Он активно поддерживал картографические работы и экспедиционные обследования различных территорий для целей их долгосрочного развития [14; 15; 25]. А.Т. Хрущев разрабатывал фундаментальные представления о территориальной организации промышленности,

территориально-промышленных комплексах и промышленных узлах, промышленном районировании, также имеющих важную практическую направленность [23]. В 1970-е и начале 1980-х гг. высокий практический уровень использования получили теоретические идеи ТПК (Н.Н. Колосовский, Ю.Г. Саушкин, А.Т. Хрущев, М.К. Бандман, Т.М. Калашникова, Н.Т. Агафонов и др.) [12; 14; 17; 25].

Ряд новых сибирских ТПК, формирующиеся новые ТПК в зоне БАМ и некоторые другие были включены в народнохозяйственное планирование, а в Госплане СССР были созданы соответствующие подразделения, в том числе по ряду крупных экономических районов, например, Дальневосточному. Следует отметить, что специальных работ, посвященных росту практической отдачи социо-экономико-географических научных исследований, в последнее время практически не было. Однако в целом ряде работ рассматриваются и возможные прикладные аспекты экономико-географических исследований. Это работы по пространственному развитию России и ее отдельных районов и территорий с анализом возможностей географического подхода [2; 6; 7; 8; 13; 21; 24]; развитие представлений о территориальной организации общества, в том числе промышленности [11; 20; 22]. На важные прикладные результаты нацелены исследования в области градостроительства и районной планировки [7; 8; 9].

**Материалы и методика исследований.** Основным исходным материалом для данной статьи послужили опубликованные в российских изданиях научные работы, особенно на рубеже веков. В этой связи большой интерес представили публикации, обобщающие те или иные направления экономико-географических исследований [7; 16; 17; 25], а также основанные на обобщении представлений многих известных экономгеографов России [13; 19]. Следует подчеркнуть, что крупные работы Ю.Г. Саушкина [14; 15] до сих пор сохраняют свое большое значение и ценность как для теоретических исследований, так и прикладных. Еще раз убеждаешься, насколько дальновидно и обоснованно Ю.Г. Саушкин отстаивал единство географии, необходимость тесных взаимосвязей социально-экономической географии с физической, что очень важно и для прак-

тической направленности географических исследований. В работе использовались также последние разработки программ – Стратегии пространственного развития России, Долгосрочные программы развития Сибири, Дальнего Востока [4; 6; 8; 9; 21; 24]. В качестве методологического использовался геосистемный подход.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В процессе реформирования в 1990-е гг. и в послереформенный период в России продолжались социо-экономико-географические исследования. Отдельные разработки были использованы в программах регионального развития, в генеральных планах некоторых поселений и агломераций, в обоснованиях, в том числе эколого-географических, отдельных крупных инвестиционных проектов – транспортного строительства, нефтепроводов и газопроводов и др. [8; 9; 13; 17]. Однако, представляется, что потенциал современной социально-экономической географии, в том числе теоретической, позволяет ей реализовывать более широкий вклад в практику пространственного и регионального развития [16; 17; 19; 21].

Следует подчеркнуть, что рыночная экономика «не отменяет» процессы разделения труда, в том числе территориального. Следовательно, сохраняются методологические основы экономического районирования. При любых собственниках сохраняется объективная основа производственно-технологических связей в сочетаниях производств от добычи природных ресурсов и их переработки до получения различных готовых продуктов. Следовательно, сохраняется и объективная основа комбинирования и комплексирования отдельных производств в экономической сфере. Кроме того, остается высокая эффективность использования одних и тех же инфраструктурных объектов, сооружений для обслуживания нескольких различных производств, предприятий в пределах относительно небольших территорий. Все это отражает сохранение объективных основ территориально-производственного комплексобразования. Различия лишь в том, что в централизованной плановой экономике решения принимались единовременно (например, на пятилетку), для больших территорий – страны и ее районов, а их выполнение обеспечивалось общими государственными

капитальными вложениями. В рыночной экономике решения по формированию отдельных производств, объектов принимаются разными собственниками, реализуются на основе их частных инвестиций, но в целом они не могут осуществляться вопреки складывающемуся разделению труда или разрывать производственно-технологические цепочки. Поэтому основные теоретические положения экономического районирования и территориально-производственного комплексообразования сохраняют свое методологическое значение, но они должны дополняться новыми разработками с учетом новых форм их реализации [16; 17; 24; 25].

С этой целью необходимо развивать теоретические исследования, базируясь на методологических представлениях о том, что наиболее полным объектом исследований в социально-экономической географии является территориальная социально-экономическая система (ТСЭС) как составляющая интегральной географической системы (геосистемы). ТСЭС – разноуровневые образования, от локальных (поселение с его территориально-акваториальным окружением) до районных [2; 4].

Важным предметом изучения является количественная оценка структуры, взаимосвязей и взаимозависимостей элементов, и на этой основе – динамики таких систем. Размещение (или ликвидация) любого социального (группа населения) или экономического (предприятие, транспортное звено, какое-либо сооружение) объекта на определенной территории есть, во-первых, включение (или исключение) этого объекта в структуру определенной территориальной социально-экономической системы, а, во-вторых, – есть включение (или исключение) этого объекта в интегральную геосистему. Следовательно, необходимы оценки, в том числе и на основе моделирования, всех реальных или прогнозных, расчетных изменений в структурах как соответствующих ТСЭС, так и геосистемы в целом. При этом включение нового объекта в ТСЭС, как правило, означает реализацию определенного инвестиционного проекта тем или иным собственником, в том числе и частным.

На основе подобных методологических позиций предлагаются следующие направления научных исследований в рамках социально-экономической географии, ориентирован-

ные на их более эффективное практическое использование.

1. *Разработка методов многоуровневых количественных оценок вариантов включения (исключения) различных компонентов в территориальные социально-экономические системы.* Такими компонентами, например, могут быть различные инвестиционные проекты (лесоразработки, производственные предприятия, сельскохозяйственные объекты, транспортные сооружения и т.п.). При этом расчеты и оценки возможных изменений и последствий от включения или исключения отдельных компонентов в определенные территориальные социально-экономические системы по соответствующим структурным цепочкам взаимозависимостей необходимо доводить от поселений до ТСЭС в целом и вмещающих эти ТСЭС интегральных геосистем. Подобные расчеты и оценки необходимо проводить одновременно на ряде пространственных уровней – от отдельного поселения с их аква-территориальным окружением до дробных и крупных экономических районов. Промежуточным между локальным уровнем (поселений) и районным представляется целесообразным выделять и оценивать структурные изменения в территориальных социально-экономических системах с центром – отдельным поселением, в которое включается тот или иной социальный или экономический объект, и всеми структурными звеньями I-го порядка [4].

Структурные перестроения в ТСЭС возникают и при исключении из них некоторых объектов, например, при ликвидации отдельных предприятий. Высвобождающиеся при этом группы занятых, инфраструктурные мощности могут образовывать резервные, потенциальные элементы в структуре этих ТСЭС. За счет звеньев ресурсно-экологической структуры включаемые (исключаемые) новые объекты связываются с природно-ресурсными элементами интегральных геосистем. В этой связи оценки вариантов перестроения в их структурах выходят на решение практических проблем природопользования.

2. *Разработка методов количественных оценок природно-ресурсного, инфраструктурного, социально-экономического потенциалов разноуровневых территорий – от поселения с его окружением до района, а также методов оценок потенциала*

поселения и района в целом. Важное практическое значение при этом имеет выявление резервов такого потенциала, как разницы между предельно возможным, расчетным потенциалом и фактически используемым. На основе этого необходимы выделение и оценка приоритетных видов деятельности в отдельных поселениях и районах, которые могут обеспечивать эффективное, устойчивое долговременное развитие.

На потенциал поселений, территорий, районов, на возможные приоритетные виды деятельности в них большое влияние оказывают географические факторы. Основные из них: географическое, в том числе экономико-географическое положение поселения, района, пространственная дифференциация природных условий, природно-ресурсный потенциал и его размещение в районе, а также сформировавшиеся территориальные структуры хозяйства и расселения населения. Как показывает исторический опыт хозяйственного освоения новых территорий, их потенциал, основные направления освоения во многом определяют не отдельные географические факторы, а одновременно все их сочетания. Поэтому практическое значение приобретают количественные измерения и соизмерения географических факторов и их последующие специфические балансовые оценки. Для различных территорий и районов роль отдельных географических факторов в их потенциале и развитии будет различной. Однако в любом случае необходимы и важны оценки сочетаний всех географических факторов, реально проявляющихся в районах.

3. *Разработка новых направлений экономического (полнее – социально-экономического) районирования, в том числе оценки вариантов включения (исключения) определенных территорий в те или иные районы, возможных долгосрочных социально-экономических последствий от укрупнения отдельных, в том числе муниципальных районов [3].*

Существует ряд явлений, которые, по нашему мнению, объективно отражают отдельные аспекты районообразования. Это, например, – вычленение поселениями, как социально-экономическими центрами, определенных территорий как зон влияния, их связанность, взаимодействия и пересечения, объективное существование территориаль-

ных и аква-территориальных природно-ресурсных систем, рыночных зон, наличие территориального сходства, общности в специализации, проблем долгосрочного развития в пределах определенных территорий и т.п. В последнее время начинают решаться практические проблемы объединения некоторых субъектов РФ и отдельных муниципальных образований. Однако научных обоснований, как правило, не проводится. В то же время с точки зрения методологии в основе административно-территориального устройства должно лежать экономическое, а полнее – социально-экономическое районирование. Административно-территориальная единица любого уровня – это, прежде всего, объект управления. А эффективнее управлять можно лишь социально-экономически относительно более целостным и однородным объектом с достаточным общим собственным потенциалом. Разумеется, границы административных районов могут в отдельных случаях изменяться по сравнению с экономическими районами, но в основу следует закладывать именно экономическое районирование. При этом следует отметить, что процессы многоуровневого районообразования сегодня, видимо, становятся намного сложнее, динамичнее и требуют углубленного изучения. Сложнее становится и административно-территориальное устройство стран, и их пространственная структура [1; 18; 24; 25].

4. *Разработка программ и механизмов устойчивого развития территорий, поселений, районов, сбалансированного в экономической, социальной и экологической сферах.* Следует подчеркнуть, что для этих целей, во-первых, необходим охват интегральных геосистем, а, во-вторых, – использование в качестве важнейшего инструмента многоуровневого стратегического регионального планирования, в том числе территориального и морского пространственного. Однако, следует отметить, что крупные предприятия и компании с частной собственностью не могут включаться в стратегическое планирование, так как они развиваются по индивидуальным стратегиям, нацеленным на получение максимальной прибыли. Более того, зачастую прибыль, полученная в одном районе на основе использования его природно-ресурсного, инфраструктурного, человеческого и научно-технического потенциала,



может вкладываться в инвестиционные проекты в других районах и даже странах. Кроме того, достижение и поддержание сбалансированного устойчивого развития входит в противоречия с частной собственностью на отдельные природные ресурсы. Как было показано [2; 5], наиболее целостным объектом оценок, расчетов, охвата изменений, динамики являются территориальные природно-ресурсные системы. В этих условиях добыча одного природного ресурса, находящегося в частной собственности, может вызывать качественно-количественные изменения других природных ресурсов, связанных с этим. Поэтому достижение и поддержание устойчивого развития в регионах требует трансформации политико-экономических систем стран в целом, в том числе установления коллективных (народных, региональных) форм собственности на природные ресурсы и их аква-территориальные сочетания.

5. *Исследования, направленные на пространственное развитие территорий разного уровня – от локальных, дробных до крупных.* Такие исследования по существу являются географическими, если они охватывают разные уровни, масштабы территории и одновременно все компоненты соответствующих интегральных геосистем.

На пространственное развитие в целом большое влияние оказывают различные факторы: социальные, экономические, научно-технические, инновационные, экологические. Однако многие черты и свойства пространственных социально-экономических структур определяют географические факторы: географическое положение, природные условия и ресурсы, сложившиеся территориальные структуры хозяйства и населения. На разных территориальных уровнях действуют различные сочетания географических факторов. Их детальная количественная оценка для отдельных территорий имеет большое практическое значение для последующего учета в региональных программах устойчивого развития. Представляется, что последние должны охватывать и пространственное развитие, однако они будут не полными, а, следовательно, и недостаточно эффективными, если не будут включать оценки территориальных сочетаний природных условий, территориальных сочетаний (систем) природных ресурсов, а также сложившихся террито-

риальных структур хозяйства и населения. Для приморских районов важен охват и прибрежных акваторий с аква-территориальными сочетаниями природных ресурсов и имеющимся потенциалом морехозяйственных видов деятельности [5; 8; 10].

6. *Углубление теории и методов территориальной организации, их ориентация не только на территориальную организацию хозяйства и населения, но и на природные и антропогенно-природные территориальные структуры.* Следует подчеркнуть, что проблемы территориальной организации поселения, промышленности, сельского хозяйства, общества в целом всегда были в центре экономико-географических исследований [2; 11; 13; 14; 17; 20; 22; 23]. Однако большая часть последних проводилась в пределах крупных территорий – от страны до районов макро и мезоуровня. При этом территория рассматривается довольно обобщенно, в виде сочетания тех или иных районов. А территориальная организация во многом сводится к распределению компонентов общества (населения, промышленности и т.п.) по этим районам. Географические факторы, определяющие специфику каждой территории, либо рассматриваются крайне обобщенно, либо не учитываются вообще. Разумеется, в этой сфере остается еще много не изученного, однако, представляется, что в содержание территориальной организации должны входить реально существующие сочетания географических факторов в пределах определенной территории.

Территориальная организация в целом проявляется в территориальных структурах, которые в наиболее полном виде включают в себя не только компоненты населения и хозяйства, но и компоненты природы и природных ресурсов. Чем больше территория, тем, как правило, выше степень обобщения, генерализации подобных территориальных структур и соответствующих сочетаний географических факторов. Минимальные обобщения возможны лишь на локальных уровнях и в пределах небольших территорий, дробных районов, где оценки географических факторов приобретают, видимо, наибольшую практическую значимость. Так, в качестве составной части предпланового анализа целесообразно проводить оценки вариантов территориальной организации в пределах отдельных поселений с пригоро-

дами и небольших территорий в сельскохозяйственных и природоохранных районах, в местах добычи природных ресурсов. При этом важно формировать во всех этих ареалах интегральные природно-хозяйственные территориальные структуры не только сбалансированные по экономическим, социальным и экологическим показателям качества, но и по эстетическим качествам. В целом такие программы, направленные на устойчивое развитие, могут быть наиболее полными и эффективными для относительно небольших территорий с охватом интегральных геосистем в целом.

7. *Создание взаимодополняющих геоинформационных систем для территорий и районов различных уровней – от поселений с их территориально-акваториальным окружением до мелких и крупных районов, для целей мониторинга регионального природопользования и устойчивого развития в целом.* Особенно это важно для поселений и мезорайонов уровня субъектов РФ. При этом возможно эффективное использование современных информационных цифровых технологий, как при разработке региональных программ, так и в текущем планировании и управлении.

Мониторинг регионального природопользования, например, может охватывать разные стороны природопользования, в том числе динамику природно-ресурсного потенциала, виды хозяйственной деятельности и техногенные воздействия, экологическое состояние окружающей среды в районе в целом. Все это составляет важную информационную основу для регионального планирования и управления [5].

**Выводы.** С целью повышения практической отдачи социально-экономико-географических исследований важно развивать теоретические направления многоуровневого анализа структуры и динамики территориальных социально-экономических систем как частей интегральных геосистем,

включая их природно-ресурсную структуру.

Важнейшим направлением является углубление теории регионального устойчивого развития. С точки зрения фундаментальных основ парадигмы устойчивого развития как стабильного развития, сбалансированного в экономической, социальной и экологической сферах, в региональных программах необходим охват региональных интегральных геосистем или их сочетаний. Базисную основу в таких программах составляет пространственное развитие и формирование пространственных структур природопользования. Последние необходимо оценивать и анализировать одновременно на ряде пространственных уровней: локальном (поселения с его аква-территориальным окружением), территориальном (ТСЭС, мелкие районы) и региональном (районы мезо- макроуровней). Особую роль в этом должен играть географический геосистемный подход, с охватом и оценкой всего сочетания географических факторов, а также стратегическое планирование, включая территориальное и морское пространственное, базирующиеся на современных геоинформационных системах и базах данных. Предплановый анализ должен включать разноуровневые оценки вариантов включения (исключения) тех или иных объектов (экономических, социальных и природно-техногенных) в территориальные социально-экономические системы, а затем и в интегральные геосистемы. Важным инструментом пространственного развития должна стать территориальная организация, включая и определенное упорядочение природно-антропогенных составляющих территории с оценкой эстетических качеств.

Разработка теории и методов подобных оценок есть, во-многом, предмет социально-экономической географии, в то же время такие оценки могут стать важным инструментом эффективного регионального развития от отдельных поселений до районов мелкого, мезо- и макро-структурного уровней.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамеску А.* Концепция совершенствования административно-территориального устройства России // *Экономист*. 2017. № 9. С. 23–31.
2. *Бакланов П.Я.* Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.
3. *Бакланов П.Я.* К теории экономического районирования («теорема» об экономическом районировании) // *Региональные исследования*. 2016. № 4. С. 4–9.

4. Бакланов П.Я. Территориальные социально-экономические системы в региональном развитии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 4. С. 7–16. DOI: 10.7868/S0373244417040016.
5. Бакланов П.Я. Пространственные структуры природопользования в региональном развитии // География и природные ресурсы. 2019. № 1. С. 5–13. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2019-1(5-13).
6. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980. 256 с.
7. Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. 552 с.
8. Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. 640 с.
9. Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. Сб. статей. Отв. ред. А.Г. Махрова. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2021. 347 с.
10. Дружинин А.Г. Локализация морехозяйственной активности в современной России: особенности, структура, эффекты // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 34–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-3.
11. Клюев Н.Н. Тенденции территориальной организации промышленности в постсоветской России и их потенциальные экологические последствия // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 86–96. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-8.
12. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
13. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
14. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
15. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 423 с.
16. Социально-экономическая география в России / под ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. 326 с.
17. Социально-экономическая география: традиции и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. 347 с.
18. Тархов С.А., Королев А.А. Пространственная структура систем административно-территориального деления страны // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 63–74. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-5.
19. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / ред. и сост. А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. 166 с.
20. Ткаченко А.А. Некоторые элементы общей теории территориальной организации общества // Социально-экономическая география: традиции и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 215–224.
21. Тулохонов А.К. Географическое пространство новой России: о прошлом, настоящем и будущем. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2020. 352 с.
22. Хорев Б.С. Территориальная организация общества (Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.
23. Хрущев А.Т. География промышленности СССР. М.: Высшая школа, 1990. 223 с.
24. Шувалов В.Е. Районный подход к изучению социально-экономического пространства России // География социально-экономического развития. М.: ИД «Городец», 2004. С. 481–495.
25. Экономическая и социальная география на пороге XXI века. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997, 300 с.

Поступила в редакцию 24 августа 2021 г.  
Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

#### Об авторе:

Бакланов Пётр Яковлевич – доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН; профессор Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

#### Для цитирования

Бакланов П.Я. Направления повышения практической отдачи экономико-географических исследований // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 52–61.  
DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-5

## Directions for increasing the practical impact of economic and geographical researches

P.Ya. Baklanov<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Pacific Geographical Institute of FEB RAS, Vladivostok, Russia

<sup>2</sup> Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

e-mail: pbaklanov@tigdvo.ru

In the conditions of a market economy and private investments, the forms of regional development and governance are changing significantly. However, the processes of territorial division of labor and territorial-production complex formation, economic regional formation remain there. It is necessary to study their new forms and mechanisms. The author highlights the following directions of the socio-economic-geographical researches focused on practical use, namely: the study of the structure and dynamics of territorial socio-economic systems as a portion of integral geosystems; development of methods for multilevel assessment of the inclusion (exclusion) of certain social and economic components in the structures of such systems; development of regional programs and relevant geographic information systems for sustainable development; development of the theory and methods of territorial organization, covering the population, economy and natural-technogenic territorial structures, assessment of a territory's potential, monitoring of regional development. The spatial development of different-level territories is considered as an important area of economic and geographical research aimed at obtaining of applied results. At the same time, the following geographical factors should be covered and assessed namely: geographical location, including economic and geographical one, territorial combinations of natural conditions and resources, existing territorial patterns of the economy and population. There is always a combination of geographic factors within certain territories which determines many of the features and properties of spatial patterns and spatial development. Their quantitative measurement and comparison makes it possible to obtain estimates of the potential of a territory, which are of great practical importance.

*Keywords:* spatial development, territorial socio-economic system, methods of inclusion, zoning, sustainable development, geographic information system, territory's potential, monitoring.

## REFERENCES

- Adamesku A. Concept of improving the administrative-territorial structure of Russia. *Jekonomist*, 2017, no. 9, pp. 23–31. (In Russ.)
- Baklanov P.Ja. *Territorialnye struktury hozjajstva v regionalnom upravlenii* [Territorial Structures of the Economy in Regional Management]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 239 p. (In Russ.)
- Baklanov P.Ja. On the theory of economic zoning («The theorem» about economic zoning). *Regionalnye issledovanija*, 2016, no. 4, pp. 4–9. (In Russ.)
- Baklanov P.Ja. Territorial socioeconomic systems in regional development. *Izv. RAN. Ser. geogr.*, 2017, no. 4, pp. 7–16. DOI: 10.7868/S0373244417040016. (In Russ.)
- Baklanov P.Ja. Spatial structures of nature management in regional development. *Geografija i prirodnye resursy*, 2019, no. 1, pp. 5–13. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2019-1(5-13). (In Russ.)
- Bandman M.K. *Territorialno-proizvodstvennye komplekсы: teorija i praktika predplanovyh issledovanij* [Territorial Production Complexes: Theory and Practice of Pre-planning Research]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. 256 p. (In Russ.)
- Voprosy geografii. Sb. 135: Geografija naselenija i socialnaja geografija* [Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A., eds. Moscow: «Kodeks» Publ., 2013. 552 p. (In Russ.)
- Voprosy geografii. Sb. 141: Problemy regionalnogo razvitiya Rossii* [Problems of geography. Vol. 141: Problems of Regional Development of Russia]. Kotljakov V.M., Streleckij V.N., Glezer O.B., Safronov S.G., eds. Moscow: «Kodeks» Publ., 2016. 640 p. (In Russ.)
- Geourbanistika i gradostroitelstvo: teoreticheskie i prikladnye issledovanija* [Geourban Studies and Urban Planning: Theoretical and Applied Research]. Mahrova A.G., ed. Moscow: Geogr. dep. Moscow St. Univ. Publ., 2021. 347 p. (In Russ.)
- Druzhinin A.G. Localization of maritime economic activity in modern Russia: features, structures, effects. *Regionalnye issledovanija*, 2019, no. 4, pp. 34–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-3. (In Russ.)
- Kljuev N.N. Trends of the territorial organization of industrial production in post-soviet Russia and their potential environmental consequences. *Regionalnye issledovanija*, 2019, no. 3, pp. 86–96. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-8. (In Russ.)
- Kolosojskij N.N. *Teorija jekonomicheskogo rajonirovanija* [The Theory of Economic Regionalization]. Moscow: Mysl Publ., 1969. 336 p. (In Russ.)
- Prostranstvo sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i barery razvitiya (razmyshlenija geografov-obshhestvovedov)* [The Space of Modern Russia: Opportunities and Barriers to Development (Reflections of Geographers and Social Scientists)]. Druzhinin A.G., Kolosov V.A., Shuvalov V.E., eds. Moscow: Univ. Book Publ., 2012. 336 p. (In Russ.)

14. Saushkin Ju.G. *Jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Moscow: Mysl Publ., 1973. 559 p. (In Russ.)
15. Saushkin Ju.G. *Istorija i metodologija geograficheskoj nauki (kurs lekcij)* [History and Methodology of Geographical Science (Course of Lectures)]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ, 1976. 423 p. (In Russ.)
16. *Socialno-jekonomicheskaja geografija v Rossii* [Socio-Economic Geography in Russia]. Baklanov P.Ja, Shuvalov V.E, eds. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2016. 326 p. (In Russ.)
17. *Socialno-jekonomicheskaja geografija: tradicii i sovremennost* [Socio-Economic Geography: Traditions and Modernity]. Shkirina A.I., Shuvalov V.E., eds. Moscow–Smolensk: Ojkumena Publ., 2009. 347 p. (In Russ.)
18. Tarhov S.A., Korolev A.A. Spatial structure of national administrative division's systems. *Regionalnye issledovanija*, 2020, no. 2, pp. 63–74. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-5. (In Russ.)
19. *Teorija socialno-jekonomicheskoi geografii: spektr sovremennyh vzgljadov* [The Theory of Socio-Economic Geography: a Range of Modern Views]. Druzhinin A.G., Shuvalov V.E., eds. Rostov-na-Donu: Southern Fed. Univ. Publ., 2010. 166 p. (In Russ.)
20. Tkachenko A.A. Some elements of the general theory of the territorial organization of society. In: *Socialno-jekonomicheskaja geografija: tradicii i sovremennost* [Socio-Economic Geography: Traditions and Modernity]. Shkirina A.I., Shuvalov V.E., eds. Moscow–Smolensk: Ojkumena Publ., 2009, pp. 215–224. (In Russ.)
21. Tulohonov A.K. *Geograficheskoe prostranstvo novej Rossii: o proshlom, nastojashhem i budushhem* [Geographic Space of New Russia: about the Past, Present and Future]. Ulan-Ude: ECOS Publ., 2020. 352 p. (In Russ.)
22. Horev B.S. *Territorialnaja organizacija obshhestva (Aktualnye problemy regionalnogo upravlenija i planirovanija v SSSR)* [Territorial Organization of Society (Actual Problems of Regional Management and Planning in the USSR)]. Moscow: Mysl Publ., 1981. 320 p. (In Russ.)
23. Hrushhev A.T. *Geografija promyshlennosti SSSR* [Geography of Industry in the USSR]. Moscow: Graduate School Publ., 1990. 223 p. (In Russ.)
24. Shuvalov V.E. The regional approach to the study of the socio-economic space of Russia. In: *Geografija socialno-jekonomicheskogo razvitija* [Geography of Socio-Economic Development]. Moscow: «Gorodets» Publ., 2004, pp. 481–495. (In Russ.)
25. *Jekonomicheskaja i socialnaja geografija na poroge XXI veka* [Economic and Social Geography on the Threshold of the XXI Century]. Smolensk: Smolensk Hum. Univ. Publ., 1997. 300 p. (In Russ.)

Received 24.08.2021

Accepted 29.09.2021

## ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТЕМА ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОГРАФИИ В КОНЦЕ XX И ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКОВ

© 2021 г. В.Н. Стрелецкий

*Институт географии РАН, Москва*

*e-mail: vstreletski@mail.ru*

В статье рассматриваются основные направления и темы исследований феномена территориальной идентичности в зарубежной географии человека (*human geography*), преимущественно за последние четыре десятилетия. Строгой общепризнанной дефиниции территориальной идентичности не существует, но в трактовке этого понятия есть определенный консенсус: территориальная идентичность рассматривается как система сложившихся представлений людей об их принадлежности к определенной территориальной группе, к территориальному культурному сообществу. Отмечается значительный разброс мнений о соотношении понятий «пространственная идентичность» и «территориальная идентичность»: от фактического отождествления этих терминов как синонимических до признания второго частным случаем первого и даже принципиального их разведения с эпистемологической точки зрения. Если территориальная идентичность в географии человека всегда сопрягается с самими людьми, конкретными региональными и локальными сообществами, то пространственная идентичность – как правило, с местами, где эти люди живут, их осваивают и воспринимают как «свои». Обычно выделяют два иерархических уровня территориальной идентичности – локальный и региональный. Национальная идентичность, в общем случае, не является разновидностью территориальной, ибо она фиксирует не самоидентификацию с территорией как таковой, но принадлежность человека к нации в целом. В работах географов она соотносится с территориями в границах национальных государств и в этом смысле часто трактуется как один из «верхних» уровней территориальной идентичности. Проведено сравнение англо-американской, немецкой и французской географических школ исследований территориальной идентичности, выявлены важнейшие черты их своеобразия. Обсуждается практическое значение исследований территориальной идентичности, в том числе и для России.

*Ключевые слова:* идентичность; территория; пространство и место; региональная и локальная идентичность; вернакулярные районы; местное сообщество; география человека.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-6

**Введение и постановка проблемы.** Понятие *идентичности*, возникшее изначально в психологии [25] и довольно быстро занявшее важное место в концептуальном арсенале социологии, этнологии и социальной антропологии, в настоящее время выступает одним из ключевых в понятийно-терминологическом аппарате многих социальных и гуманитарных наук. В социогуманитарном дискурсе это понятие получило широкое распространение с конца XX века; существует огромное множество его дефиниций и разновидностей (см., например, [1; 21; 29; 47] и др.). При всем их многообразии, в самом общем виде понятие идентичности трактуется как категория социального и гуманитарного знания,

применяемая для описания индивидов и социальных групп как сравнительно устойчивых, «тождественных самим себе». В фокусе этого понятия – смысловые характеристики индивидуальных и коллективных представлений и действий людей в контексте их самоопределения принадлежности к соответствующим группам и сообществам.

К числу важнейших культурных идентичностей относится территориальная, являющаяся объектом рассмотрения в данной статье. Ее главные задачи – обзор и анализ исследований территориальной идентичности в зарубежной географии человека<sup>1</sup> (*human geography*) за последние десятилетия прошлого столетия и первые десятилетия

<sup>1</sup> В нашей стране нет общепринятого термина для обозначения всей «нефизической» («неприродной», относимой к человеку и социуму) географии – в отличие от закрепившегося в мировой науке англоязычного понятия «*human geography*». В отечественной, российской традиции чаще используются, как известно, термины «социально-экономическая география», «общественная география», либо (в максимально широкой трактовке данного термина) «социальная география» (хотя терминологическая разногласия не исчерпывается в данном случае только этими тремя наиболее распространенными названиями). Семантически перевод словосочетания *human geography* как «географии человека» более адекватен и больше соответствует устоявшимся традициям и самому контенту развития западной (особенно англоязычной) географии, поэтому в тех случаях, когда речь идет именно о ней, автор придерживается данного термина. Тем не менее, проблемно-тематическое поле российской социально-экономической (социальной в широком смысле, общественной) географии в основном соответствует мировой *human geography*.

XXI века, выявление их важнейших направлений, тем и проблемных аспектов, сравнение национальных исследовательских традиций в этой области. Рамки аналитического обзора ограничены преимущественно тремя зарубежными национальными школами географии человека – англо-американской (резко доминирующей по числу публикаций), франкофонской и немецкоязычной (представленной учеными в основном из Германии, а также Швейцарии и Австрии). Опыт российских исследований территориальной идентичности, к настоящему времени уже весьма обширный и успешный, не является в данном случае объектом специального анализа. Этот блок вопросов заслуживает отдельного детального рассмотрения и не вписывается в формат данной статьи с ее лимитированным объемом.

### *Территориальная идентичность в научно-аналитическом дискурсе*

*Территориальная идентичность* – одна из разновидностей культурных идентичностей: она являет собой систему сложившихся представлений людей об их принадлежности к определенной территориальной группе, к территориальному культурному сообществу [30]. Каждая ее «ячейка» формируется на уровне индивида (чувство особой связи конкретного человека с тем или иным местом, с той или иной территорией), но как социокультурный факт территориальная идентичность утверждается, проявляется и манифестируется как идентичность *коллективная*, собственно и формирующая местное или региональное сообщество. Последнее цементируется не только общими представлениями и ценностями, разделяемыми их акторами, но и общими интересами таковых, возникающими в связи с территорией проживания. Территориальная идентичность – нередкий предмет рассмотрения в разных социальных науках, в частности, в работах социологов и антропологов [2; 10], политологов и геополитиков [27; 46; 55 и др.], историков [43 и др.]. Особое место в исследованиях взаимосвязи идентичности и территории занимают работы ученых-географов. География человека (*human geography*), с ее давними традициями междисциплинарного синтеза и комплексного полимасштабного подхода, теоретическими и методическими заделами в районировании, ее пристальным вниманием к феномену пространственных различий на Земле, оставила в этой области иссле-

дований за последние полвека богатейшее научное наследие.

Как правило, территориальная идентичность трактуется очень широко. Элементы общего территориального самосознания могут отличать и совсем небольшие, компактно проживающие группы людей, и крупные региональные сообщества, занимающие обширные географические пространства и во многих случаях способные выступать важными акторами политической активности, формировать влиятельные регионалистские движения и др. [38; 51; 54]. Единая идентичность цементируется общими для представителей данной территориальной социокультурной группы системами ценностей, сходством их реакций на внешние вызовы и угрозы, однотипными алгоритмами социального поведения и т.п. [30].

Наряду с «территориальной идентичностью», в научном сообществе широко используется и термин «*пространственная идентичность*» (*spatial identity*), но его общепринятой трактовки в социогуманитарных науках и географии до сих пор нет. В становлении и развитии западной географии человека весомую роль сыграла хорологическая концепция, пространственная научная традиция прочно в ней закрепились и позиционировалась всегда как приоритетная [3; 33]. Данное обстоятельство предопределило нередкое использование термина «пространственная идентичность»<sup>2</sup> как родового понятия (для всех видов идентичностей, рассматриваемых и концептуализируемых в географии) в англоязычной географической литературе. Большое значение имело и укрепление междисциплинарных связей географии человека с социологией, в частности с таким ее исследовательским направлением, как «*социология пространства*», в котором именно «пространство» трактуется как наиболее общее и философски насыщенное концептуальное понятие, по сравнению, например, с «местом», «регионом», «территорией» и т.д.

В целом, разброс мнений о соотношении понятий «пространственная идентичность» и «территориальная идентичность» значителен: от фактического отождествления этих терминов как синонимических (что автору данной статьи представляется малоубедительным и недостаточно аргументированным) до признания второго частным случаем первого и, наконец, принципиального их разведения с эпистемологической точки зрения (автор придерживается именно этой пози-

<sup>2</sup> В русскоязычной же научной литературе термин «пространственная идентичность» используется меньше, чем «территориальная идентичность» или, как разновидность последней, «региональная идентичность»

ции). При этом, де-факто контент пространственной идентичности и территориальной идентичности в большинстве работ эмпирической направленности у современных географов и регионалистов зачастую мало различается, но при акцентировке теоретических вопросов соответствующие различия чрезвычайно важно принимать во внимание.

Еще Георг Зиммель (1858–1918), основоположник социологии пространства показал уязвимость и однобокость традиционно-объективистских, субстанциалистских, «универсальных» трактовок пространства как некоего абсолюта и настаивал на учете множественности пространственного опыта. Он подчеркивал, что пространство многослойно и полиаспектно; для социальных наук важнее то, что оно может интерпретироваться как пространство социальных групп, их коллективного опыта и сосуществования, взаимосвязей и взаимодействий между ними [49]. Эти идеи Г. Зиммеля были широко востребованы в западной географии человека последней трети XX в., когда в ней почти синхронно происходят «пространственный поворот» (*spatial turn*) и «культурный поворот» (*cultural turn*). Особенно большое значение имели эти изменения для западной культурной географии [8]; она в последней четверти прошлого столетия радикально обновила свою методологию и методический арсенал, в том числе обратившись к исследованию проблем идентичностей.

Важный толчок формированию представлений о пространственной идентичности дали работы основоположников и лидеров «гуманистической географии» (*humanistic geography*) – исследовательского направления, сложившегося в западной географии в 1970-е годы и сфокусированного на изучение восприятия и осмысления человеком (индивидами и группами людей) окружающего географического пространства [36]. Понятие пространства, наряду с понятием места – ключевое для гуманистической географии 1970-х – 1980-х годов. При этом сами ученые этого направления почти не использовали термин «*spatial identity*» (как, впрочем, и термин «*territorial identity*») и не ставили задачу его научной дефиниции. Но выдвинутые ими идеи сыграли важную роль, в том числе, и в последующем разграничении концептов пространственной и территориальной идентичности. Первостепенное внимание в гуманистической географии Запада уделялось разработке концепта «чувства места» (*sense of place*); наибольшую известность получили

труды британско-канадского географа Э. Релфа [44] и американского географа китайского происхождения И-Фу-Туана [56; 57]. Место трактовалось в гуманистической географии не в формально-позиционном ракурсе (т.е. как топос, занимающий определенное положение в географическом пространстве), но в контексте его смысловых значений. Нарратив «места», писал И-Фу-Туан, предполагает не фиксацию локации как таковую, но чувственный опыт – особое отношение людей к своему жизненному пространству, выражающееся в широком спектре эмоций и восприятий, порождаемых специфическими качествами этой местности, событиями, которые там переживают люди, и их исторической памятью [57].

Одним из результатов произошедшего мировоззренческого поворота вскоре стал «бум» публикаций в западной географии, посвященных «образам мест», сквозь призму восприятия пространства жизнедеятельности людей; так стало формироваться исследовательское направление, часто именуемое имагинальной географией<sup>3</sup>. Но не менее важной была и другая линия исследований в гуманистической географии Запада, с фокусировкой внимания на самих носителях этих географических представлений – территориальных сообществах людей. Данная тема стала одной из главных в «новой культурной географии» конца XX – начала XXI вв., много воспринявшей из теоретического арсенала гуманистической географии – от феноменологии как методологической основы до герменевтики ландшафта. Обе эти исследовательские линии были комплементарно продолжены в многочисленных работах по пространственно-территориальной идентичности.

В геополитике, политической регионалистике, региональной социологии, этнорегиональных исследованиях понятия «территориальная идентичность» и «пространственная идентичность» часто рассматриваются как тождественные или взаимозаменяемые; нюансы строгого разграничения категорий «пространство» и «территория» кажутся авторам при этом малосущественными. Но в современной зарубежной географии человека ситуация иная, данные различия представляются принципиальными. Характерна дефиниция в оксфордском «Словаре географии человека»: пространственная идентичность (*spatial identity*) – это «идентичность или воспринимаемый образ места, в противоположность идентичности людей, живущих там» («*identity or perceived image of*

<sup>3</sup> С рубежа XX–XXI вв. это исследовательское направление стало быстро развиваться и в нашей стране, прежде всего, в работах Д.Н. Замятина, его последователей и соратников.



a place, as opposed to identities of individuals who live there») [11, с. 416]. Таким образом, *если территориальная идентичность сопрягается с самими людьми, конкретными территориальными сообществами, то пространственная идентичность – с местами, где эти люди живут* и которые их (соответствующие места) осваивают (не обязательно только материально, но и ментально, духовно, виртуально...). Такая дихотомия территориальной и пространственной идентичности, ставшая существенным элементом нарратива современных западных социо- и культургеографов, мало отражена в национальном российском дискурсе. Отдельные исключения скорее подтверждают этот вывод. Так, например, территориальную и пространственную идентичность различает (правда, по несколько иному основанию) И.Ю. Окунев: территориальная идентичность основывается на свойствах территории, на которой она формируется, а пространственная идентичность, в его понимании, вытекает из положения конкретной территории в географическом пространстве [6].

Разумеется, *дискурс и территориальной, и пространственной идентичности формирует во многом единое проблемное поле*. Да и сам концепт пространства может по-разному маркировать территориальную идентичность. Так, известный норвежский социолог, политолог и политико-географ Стейн Роккан (1921–1979), один из «классиков» геополитики XX века, писал о двух пространственных измерениях идентичности [55, с. 11–14]. Первое он называл «пространством принадлежности» («*membership space*»), второе – «территориальным пространством» («*territorial space*»). В первом случае речь идет о принадлежности людей к определенной социокультурной группе, во втором – об их самоидентификации с определенным географическим регионом («краем», «землей»). Разумеется, и в первом случае территориальность имеет большое значение: ареальной деятельности разных социокультурных групп выступают конкретные территории. Но представителям аллохтонных групп быть принятыми в местное сообщество намного труднее, чем автохтонам, поэтому механизм территориальной самоидентификации в двух этих случаях разный.

Вопрос о *масштабных уровнях территориальной идентичности* в современной науке также остается дискуссионным. Обычно выделяют два иерархических уровня территориальной идентичности – *локальный* и *региональный*. Но встречаются и более подробные классификации, в том числе ин-

терпретирующие национальную идентичность как один из уровней территориальной. Кроме того, разногласия в выделении таксономических уровней территориальной идентичности отражает и плюрализм научных взглядов на сущность понятий «регион» и «регионализм». Ведь регионы существуют не только внутри стран, под ними зачастую понимаются и целые сообщества; соответственно и под региональной идентичностью могут пониматься разные таксономические звенья – как внутривосточные, так и межгосударственные, а также трансграничные.

*Локальная идентичность* как понятие обозначает «низовой» уровень территориальной самоидентификации людей [48]. Но преобладают в работах по локальной идентичности эмпирические исследования, авторы которых зачастую даже не задаются вопросами ее соотнесения с более крупными уровнями пространственной самоидентификации социокультурных групп. И в зарубежной, и в отечественной литературе часто подчеркивается, что локальная идентичность основана на понятии «малая родина» и предполагает совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений, которыми наделяется важное для самоопределения человека место [5, с. 140]. В целом, локальная идентичность – это самоидентификация людей именно с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (небольшого района, города, поселка, городского микрорайона) [34; 35; 48].

Вместе с тем, многие западные ученые трактуют локальную идентичность в полимасштабном пространственном ракурсе, отмечают сосуществование нескольких иерархических уровней «локальности»; в этом случае четкая грань между локальной идентичностью и региональной как бы размывается и открывается возможность оперировать обоими понятиями с высокой степенью их взаимозамещения. Так, например, один из ведущих современных нидерландских географов, профессор факультета географии человека и пространственного планирования Утрехтского университета Кеес Терлоу вообще не считает правильным и операциональным разводить локальную идентичность с региональной «по разным этапам», фактически их отождествляет. При этом в качестве универсального термина он отдает предпочтение именно «локальной идентичности» [52; 53].

Тем не менее, в целом, в сравнении с локальной идентичностью, термин *региональ-*

*ная идентичность* в научной географической литературе адресуется, как правило, существенно более крупным территориальным таксонам – регионам. Региональная идентичность и фиксирует соотношенность определенного сообщества людей с такими, довольно большими, территориями–регионами (в отечественной географической традиции – с «краями», «землями» и т.п.) [4 и др.]. Отчетливо выраженное региональное самосознание, как правило, является следствием *укорененности культуры*, выступающей тем самым в качестве объективной предпосылки развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп людей к «своей» земле, стремления так или иначе ее «обустроить». Очень часто именно культурная самобытность региона (как уникальное сочетание базовых культурных характеристик территориальной общности людей) специфическим образом преломляется в генезисе регионального самосознания. Но известны и случаи, когда ярко выраженная культурная самобытность района региональным самосознанием подкрепляется слабо, либо, напротив, развитая, сложившаяся региональная идентичность имеет менее очевидную объективную социокультурную первооснову [9].

*Национальная идентичность*, в общем случае, не является разновидностью территориальной; она фиксирует не самоидентификацию с территорией как таковой, но принадлежность человека к нации в целом, его самоотождествление со «своей» страной, часто сопряжена с особо эмоциональным переживанием судеб и исторического опыта его родины. Национальную идентичность нельзя трактовать сугубо в примордиалистском смысле; она всегда маркирует принадлежность людей к нации как «воображаемому сообществу» [1]. Но соотносится такая очень часто с территориями в границах национальных государств, т.е. реально существующих политий. И в этом смысле национальную идентичность можно трактовать как квази-территориальную, имеющую первостепенно значимую пространственную проекцию [28; 37]. Для того или иного макрорегиона национальные пространства выступают в качестве ключевых, важнейших территориальных звеньев полимасштабной матрицы идентичностей; именно в них «встроены» более дробные региональные и локальные идентичности.

*Своеобразие англо-американской, немецкой и французской географических школ исследований территориальной идентичности*

Значение территориальных связей в социуме, общности местожительства как фактора формирования особого самосознания достаточно давно (с самого начала XX в.) оказалось в фокусе внимания теоретической социологии (работы Г. Зиммеля, М. Вебера, П.А. Сорокина и др.). Однако антропогеографы долгое время обращали на эти сюжеты недостаточное внимание. Но с начала последней трети XX в. в западной социальной (особенно в поведенческой и перцепционной) и в культурной географии, а вскоре и в политической географии исследования территориальной идентичности заняли приоритетное место в ряду новых быстро развивающихся научно-исследовательских направлений.

За прошедшие примерно полвека (три десятилетия XX в. и два десятилетия XXI в.) весомые научные результаты были достигнуты в работах ученых-географов по региональной идентичности. Они получили широкое научное признание и в смежных с географией человека социальных и гуманитарных науках (социологии, политологии, социальной антропологии, этнологии, социальной психологии, культурологии и др.). Впрочем, этот факт отнюдь не означает вывода о том, что исследования локальных идентичностей развивались менее эффективно и успешно. Но научные достижения последних зачастую не имели такого большого резонанса в «академической» научной среде за пределами собственно географического научного сообщества, несмотря на то, что во многих случаях именно результаты исследований на локальном уровне представляли огромную практическую, прикладную ценность. Возможно, причину этого феномена следует искать в том, что для значительной части «негеографического» социогуманитарного сообщества географический научный дискурс, с его акцентом на пространственном анализе, фиксации и выявлении различий между мельчайшими локусами земного пространства воспринимается как «не совсем свой», как поле деятельности преимущественно профессионалов-географов. В собственно же региональных исследованиях, когда в фокусе внимания оказываются намного более обширные пространственные таксоны (регионы), взаимодействие социо- и культур-географов с представителями других, негеографических социогуманитарных дисциплин продвигается намного успешнее. Блестящие примеры такого междисциплинарного синтеза (фундаментальные работы с участием крупнейших ученых в области, прежде всего,

географии человека и социологии) хорошо известны еще с прошлого века [50 и др.].

Становление нового исследовательского направления в географии человека потребовало существенного обновления, в том числе, и ее научно-методического аппарата. Социо- и культур-географы новой генерации, успешно осваивающие уже накопленное к этому времени богатое наследие социологической науки, обратились к практике проведения прямых опросов населения и обработке их результатов в целях выявления идентификационных характеристик разных территориальных групп людей. Наряду с этим, большее внимание стало уделяться обработке региональных статистических баз данных (позволяющей, в частности, выявить ареалы повседневной активности людей, установить пространственные параметры суточных, недельных и других циклов их жизнедеятельности, трудовых и культурно-бытовых поездок и др.). В этих же целях стали широко практиковаться анализ распространения материальных артефактов как знаковых и символических индикаторов (своего рода маркеров) региональной и локальной идентичности, изучение местной (как сельской, так и городской) топонимики, специфических региональных или местных рекламных брендов. К исследованиям территориальной идентичности привлекались и разнообразные литературные источники – от историко-географических описаний конкретных территорий и местностей, работ этнографов, антропологов лингвистов, фольклористов до современных путеводителей и художественных текстов.

Поворот в сторону исследования территориальных идентичностей был органично встроен в переосмысление понятия «район» («регион») в мировой географической науке с начала последней четверти XX в. Особенно выпукло этот тренд проявился в западной культурной географии [8]. Внимание культур-географов в существенно большей степени стало фокусироваться на изучении проблем региональной идентичности, отношения локальных групп и территориальных сообществ людей к среде их обитания и жизнедеятельности, представлений об окружающем их географическом пространстве [13-15]. Иными словами, то, что думают и как думают люди, взаимодействующие друг с другом в реальном и ментальном пространстве, представляет для нынешней генерации культур-географов больший интерес, чем география объективированной культуры, закономерности распространения артефактов и социофактов по земной по-

верхности. Как подчеркивают авторы работы с примечательным названием «Переосмысливая регион» (можно перевести и как «Переоткрывая район»), с одной стороны, именно культурные параметры приобретают в наши дни первостепенное значение в региональном развитии (в сравнении с природно-географическими, экономическими и прочими); но с другой стороны, радикально меняется и сам контекст культурно-географического дискурса. Регионы всё более отличаются друг от друга – писали авторы этой знаковой, во многих отношениях рубежной книги, увидевшей свет в 1998 г., – своими смысловыми значениями, вписывающимися в формат дискурсивных практик и репрезентаций, комбинациями представлений и образов о них самих (т.е. о регионах). А коли так – невозможно «оторвать» регион (переосмысливаемый, «открываемый заново») от субъекта представлений и образов о регионе в географическом исследовании [12].

Исследования территориальной идентичности в разных национальных школах географии человека имели свои особенности. В *англосаксонской (особенно в американской) географии* на первый план вышла проблематика *вернакулярных районов* – т.е. районов общества, выделяемых самими жителями данной территории (иногда их называют также «обыденными районами»). Вернакулярные районы (от английского слова *vernacular* – местный, свойственный той или иной местности; родной; туземный; народный) существуют в самосознании местного населения; они редко совпадают в своих границах с районами – единицами административно-территориального деления, но всегда имеют самоназвание и воспринимаются местными жителями как культурная территориальная целостность. Наиболее крупные работы американских географов по выявлению и описанию вернакулярных районов были выполнены в 1960–1970-е годы, причем в 1971 г. в диссертации Р. Хейл [31] была представлена даже их интегральная сетка в пределах США, покрывшая около 2/3 территории страны.

В конце XX века «коллекторский» и исследовательский интерес к обыденным районам в англо-американской географии снизился; по подсчетам американских географов, уже с начала 1990-х годов существенно сократилось и число посвященных им публикаций. Вопрос «почему?» едва ли имеет однозначный ответ. Как представляется автору, можно предположить, что главным было то обстоятельство, что в условиях усилившегося междисциплинарного взаимодействия

географическая наука оказалась не вполне конкурентоспособной по сравнению со смежными гуманитарными и социальными науками, уже имевшими солидные заделы в изучении разного рода идентичностей; профессионалы-географы стали больше внимания уделять заимствованиям, освоению и творческой переработке методического арсенала социологически ориентированных дисциплин-смежниц, а *vernacular regions* остались как бы на периферии исследовательского поля американских культур-географов. Впрочем, возможно, это «ложный след», и здесь сыграли свою роль какие-то иные, более весомые причины. Тем не менее, вектор, заданный работами по вернакулярным/обыденным районам, сыграл, несомненно, очень важную роль в дальнейшем развитии и совершенствовании методологических подходов к исследованию региональной идентичности. Обыденные районы – плоть от плоти народной культуры, при этом культуры массовой; они существуют не в умах исследователей, а внутри социума, воспринимаются и осознаются самими жителями, причем осознаются на уровне именно территориальной общности людей (а не конкретными индивидуумами; индивидуальные представления о местах и местностях – это уже совсем иной исследовательский сюжет). Для культурной географии, бывшей ранее, подобно и другим географическим дисциплинам, наукой вполне «академичной», обращение к глубинным пластам народной культуры (и территориального самосознания) стало методологическим поворотом огромного значения.

В *немецкой географии человека* одна из ведущих европейских научных школ исследований территориальной идентичности сложилась (в ФРГ) в 1980-е годы. Западногерманские ученые испытали сильное влияние работ американских культур-географов по вернакулярным районам. Их своеобразным немецким аналогом стали так называемые «*регионы самосознания*» (нем. «*Bewusstseinsräume*», англ. «*areas of regional consciousness*»), своего рода географические «пространства региональной идентичности» [18; 19; 32; 42 и др.]; и те, и другие суть *проявление низового регионализма*. Вместе с тем, между вернакулярными районами и «регионами самосознания» в трактовке немецких географов есть и большие различия. Феномен регионального сознания не сводится к только к самоотождествлению жителей с определенной территорией и дихотомии «свой – чужой», но включает очень широкий набор ментальных характеристик, специфичных для данной территориальной общ-

ности и отличающих ее от других таковых. На местное самосознание жителей и «силу» его проявления влияет огромная совокупность разных факторов – экономических (в том числе хозяйственная конъюнктура, фаза экономического цикла), социокультурных, политических и т.д. Поэтому пространственные конфигурации «регионов самосознания» часто меняются, в этом отношении их границы менее устойчивы, чем границы исторически укорененных именно в народной культуре вернакулярных районов.

Важный вопрос, остающийся до сих пор дискуссионным, – характер связи между идентификацией индивидуума с территорией и коллективным самосознанием территориальных общностей людей. В частности, означает ли восприятие конкретной местности как «своей» также и восприятие своей принадлежности к территориальному сообществу, ареной жизнедеятельности которой данная местность является? В какой мере это может порождать соответствующие коллективные практики? [20, S.5]. Немецкими социогеографами, широко использующими в своих работах по территориальной идентичности социологические методы, выявлена интересная закономерность: люди, живущие в одном месте на протяжении многих десятилетий (а то и всей жизни), как правило, в меньшей степени (при прочих равных условиях) испытывают чувства духовной и ментальной привязанности к «своей» территории в сравнении с теми, кто некогда предпочел или был вынужден ее на какое-то время покинуть, но впоследствии вернулся в «родные пенаты» [42]. Данный вывод может показаться идущим вразрез с интерпретацией «укорененности» культуры как основы территориальной идентичности, но он подтверждается результатами исследований не коллективных представлений, но путем обобщения представлений на уровне индивидов. И это вполне объяснимо: именно сравнение «своей» и иных территорий зачастую становится реальным триггером аффективной привязанности человека к его малой родине; при отсутствии сравнения всё обыденное «свое» становится настолько привычным и само собой разумеющимся, что его как бы перестают замечать и высоко оценивать [58].

Глубоким своеобразием отличалось развитие исследований территориальной идентичности во *французской географии человека*. Из крупных национальных географических школ именно она максимально сохранила преемственность по отношению к «классическому» наследию. Не случайно

современную французскую культурную географию отличает особенно бережное отношение к традициям как школы П. Видаля де Ла Блаша (своей прямой «прародительницы»), так и смежной, исторической школы «Анналов», представители которых с разных сторон успешно продвигали теоретические идеи, да и саму научную практику геоисторического синтеза.

Вместе с тем, теоретические воззрения французских культур-географов испытали мощное «облучение» со стороны современной социально-культурной антропологии, гештальт-психологии, а также постмодернистской философии, причем в огромной степени – со стороны «своих», французских мыслителей. Так, большое влияние на французскую географию оказали труды М. Фуко (1926–1984) и постструктуралистов, в том числе Ж. Делёза (1925–1995) и Ж. Дериды (1930–2004); постструктурализм задал идейные рамки трактовки района как «социального конструкта» [39], разделяемой многими современными французскими географами и регионалистами. Как отмечал в свое время М. Фуко [26], именно систематизация пространственных представлений, способов «территориализации мысли», пространственной самоидентификации людей маркируют общее для современной философии и теории географической науки «проблемное поле».

Французская культурная география, подчеркивает патриарх национальной географической школы П. Клаваль, в 1990–2000-е годы в полной мере испытала на себе влияние новых теоретических подходов, фокусирующих внимание на феномене «ментальных пространств» [22]. В его последней капитальной работе «География Франции» [23] представлена широкая панорама культурных районов Франции, своеобразие которых определяется именно коллективной идентичностью их жителей. Связь между идентичностью и территорией исследуется во Франции с двух разных позиций [10]. С одной стороны, ставится задача понять, почему те или иные местности обладают значительным идентификационным потенциалом: обусловлено ли это особенностями географической среды или же это связано с социально-историческими, некими другими факторами? С другой стороны, детально рассматривается сам характер связи территориальных общностей людей с разными местностями – имеет ли она преимущественно эмоционально-чувственную природу или диктуется рациональными причинами, в какой мере проявляются в этом интересы конкретных территориальных сообществ и др.

### *Территориальные идентичности в ин-формационную эпоху*

Переход к постиндустриальному развитию, признаки которого в экономически высокоразвитых странах появились еще в последней четверти XX в., повлек за собой и важные социокультурные изменения, в том числе и в идентичности людей на индивидуальном уровне (идентичности групп, больших и малых сообществ). Беспрецедентный рост мобильности человека с рубежа XX–XXI вв., развитие цифровой экономики, повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий имели одним из следствий *упрочение экстерриториальных связей и взаимодействие между людьми и социальными группами*. Важным трендом стал стремительный рост влияния сетевых структур на пространственную организацию постиндустриального, информационного общества. В постиндустриальном мире *сетевая идентичность* становится существенным конкурентом традиционной территориальной: постепенно утрачивается привязанность индивида к дому, конкретному месту, локальному сообществу. Такого рода «детерриториализация» (термин, предложенный еще в конце 1970-х годов французским философом Ж. Делёзом [24]) была впоследствии интерпретирована в социальной философии как особый феномен эпохи Постмодерна – *номадизм* (строго говоря – неономадизм). Как и традиционные кочевники, номады информационной эры преодолевают замкнутость, ограниченность географического пространства, а «детерриториализация» находит свое выражение в многоядерности, фрактальности и многовекторности развития коммуникационной среды.

Означает ли данный процесс тренд к постепенному исчезновению территориальных идентичностей? Конечно же, не означает. Другое дело, что в современную информационную эпоху *связи человека с территорией меняются, приобретают всё более мобильный характер*, чем это было, например, еще полвека назад; отныне они опираются на более диверсифицированные социокультурные основания самоидентификации. Территориальная идентичность, отличавшаяся в прошлые исторические эпохи своей *эксклюзивностью*, всё более наполняется *инклюзивным* контентом. Так люди, покидающие места, где они выросли и где проживали многие поколения их предков, интегрируются (кто-то более успешно и органично, кто-то менее) в новые, «принимающие» территориальные сообщества.

В этой связи симптоматичным можно считать появление в современных социальных науках концепции *транслокальности*, получившей широкое признание, в первую очередь, благодаря разработкам американского культур-антрополога и социолога индийского происхождения Арджуна Аппадурай [16; 17 и др.]. Феномен транслокальности, фиксирующий множественность идентичностей внутри одной и той же группы людей, напрямую связан с беспрецедентным ростом мобильности населения в условиях глобализации мирового развития и, особенно в последние десятилетия, цифровизации экономики и всех сторон социальной практики. В этих условиях «производство локальности» (*production of locality*, в концепции А. Аппадурай и его последователей) всё более теряет свое былое значение [16, с. 220-221]. Как следствие наплыва трудовых мигрантов, туристов, беженцев, быстро формируются «транслокальные диаспоры»; в начале XXI века электронная коммуникация становится дополнительным и всё более мощным фактором поддержания таких транслокальных сообществ. Меняются акценты и в географических исследованиях таких сообществ. Уходит в прошлое традиционное для географической науки противопоставление «глобального» и «локального», модифицируются классические схемы «центр – периферия». Во многих работах XXI века (в отличие от пионерных исследований региональной идентичности) географами фиксируется растущая ситуативность и изменчивость территориальной самоидентификации людей, подчеркивается особая значимость в ней когнитивных (поступающей информации, «гибкого» знания) и рефлексивных (сфокусированности на себя самих, саморефлексии) компонентов [40; 41]. Мобильности и множественности идентичностей в условиях глобализации сопутствует подвижность, а то и «размываемость» культурных границ, разделяющих территориальные сообщества. Устойчивость же политических (в том числе государственных) границ не мешает тому, что в трансграничных регионах всё чаще формируется особая социальная среда, порождаемая как раз социальными сетями, а также тесными экономическими, миграционными и культурными связями между смежными территориями по обе стороны границы.

**Заключение.** Подведем некоторые итоги, обобщающие результаты зарубежных исследований территориальной идентичности за последние полвека.

1. Феномен территориальной идентичности – типично междисциплинарный объект научных исследований, в которые вовлечены представители самых разных социальных и гуманитарных дисциплин. География человека – ключевой актор научной работы на данном междисциплинарном поле. Важнейшие элементы концепта территориальной идентичности разработаны именно учеными-географами; конкретные эмпирические исследования (на региональном и локальном уровнях) ведутся в этой области, в первую очередь, также в географии человека. Для самой же западной географической науки *Regional Identity Studies* стали в последние полвека одним из приоритетных и наиболее динамично развивавшихся исследовательских направлений.

2. Наряду с понятием «территориальная идентичность» (англ. *territorial identity*, фр. *identité territoriale*), в зарубежной географии человека используется и термин «пространственная идентичность» (англ. *spatial identity*, фр. *identité de l'espace*). Если территориальная идентичность сопрягается с самими людьми, конкретными территориальными сообществами, то пространственная идентичность – с местами, где эти люди живут и которые их воспринимают и осваивают.

3. В исследованиях территориальной идентичности в зарубежной географии человека выделяются два основных иерархических уровня – локальный и региональный. Локальная идентичность предполагает «низовую» уровень территориальной самоидентификации людей, региональная идентичность – фокусирует внимание на более крупных территориальных выделах (краях, землях и т.п.), трактуемых географами как «регионы» (англ. *regions*).

4. Существенно скромнее вклад зарубежных социо-географов в исследования национальной идентичности, которая часто рассматривается как один из верхних этажей территориальной идентичности. Национальная идентичность предполагает не самоидентификацию с территорией как таковой (т.е. собственно географический нарратив), но принадлежность к нации в целом, его самоотождествление со «своей» страной (что имеет и соответствующую географическую проекцию). В этой связи закономерно, что в исследованиях национальной идентичности преобладают работы политологов, антропологов, отчасти этнологов и представителей других социогуманитарных наук, в то время как исследований собственно географов сравнительно немного (последние представлены в значительной степени трудами геополитической направленности).

5. Территориальная идентичность – феномен саморазвивающийся, органично присущий любому культурному пространству. Но движущие силы формирования территориального самосознания – не только внутренние, эндогенные. Так, весомую роль в генезисе, трансформации, укреплении территориальной идентичности играют соответствующая политика государства и принципы, положенные в основу взаимоотношений центральных властей с территориальными сообществами в целом (а не только с местными и региональными властями и элитами).

Исследования территориальной идентичности имеют *огромное практическое значение*. Особенности территориального самосознания населения учитываются в сфере внутренней (а то и внешней) политики – в интересах разных групп политической элиты, политических партий, конкретных политиков; научные разработки экспертов в области региональной и локальной идентичности широко востребованы в политических (в том числе государственных) структурах самых разных стран мира. Как отмечал один из ведущих отечественных геоамериканистов Л.В. Смирнягин (1935–2016) [7, с. 24–26 и др.], в США команды высококвалифицированных специалистов по региональной идентичности и политической географии, активно действовали в конце XX – начале XXI веков в избирательных штабах кандидатов и на президентских выборах, и в других избирательных кампаниях. Территориальная идентичность – мощный ресурс консолидации людей, проживающих на той или иной территории, используемый политическими элитами (более или менее успешно) в разных государствах Европы, Америки и других макрорегионов для достижения поставленных политических и прочих общественных целей. Большое внимание уделяется вопросам территориальной идентичности и в предпринимательской деятельности (учет региональных традиций во вкусах потребителей, популярности местной кухни и т.п.).

В западных странах результаты научных исследований в области территориальной идентичности уже давно используются в прикладных трудах по брендингу территорий (в англоязычной литературе чаще используется понятие *place branding* – брендинг места [45]). В территориальном брендинге акцент делается на разработках стратегий развития регионов или городов, конкретных мер, направленных на повышение их конкурентоспособности, привлечение инвесторов, высококвалифицированных кадров, повышение их экологической и туристической при-

влекательности, оптимизацию социальной среды разных мест и территорий. В постсоветский период исследования такого типа всё чаще проводятся и в нашей стране, так что зарубежный опыт, накопленный в этой сфере, имеет немалое значение и в разработках по брендингу российских территорий.

Для географической науки принципиально важной задачей является «отработка» взаимодействия с другими, «негеографическими» социальными и гуманитарными научными дисциплинами в исследованиях территориальной идентичности. Нередко со стороны географического научного сообщества выпускаются критические стрелы в адрес социологов за недостаточное внимание к вопросам регионального и локального самосознания; иногда профессиональными географами высказывается даже мнение, что региональная идентичность у социологов – скорее метафора [7, с. 27–31], а не предмет всесторонних глубоких исследований. В такой критике есть, увы, зерно истины. Но вообще в исследованиях территориальной идентичности остается пока много теоретических, методических (да и эмпирических тоже) «лакун»; едва ли работы в какой-то одной предметной области могут привести в данном случае к серьезному научному прорыву. Здесь, несомненно, необходимо именно широкое междисциплинарное взаимодействие. Но опыт развития западной географии человека конца XX – начала XXI веков свидетельствует как раз о том, что поступательное, успешное научное продвижение в исследованиях региональной и локальной идентичности стало возможным именно благодаря преодолению многочисленных междисциплинарных барьеров. В смежных с географией социогуманитарных дисциплинах (особенно в социальной и культурной антропологии, этнологии, социальной психологии и, конечно же, в социологии) были созданы солидные научные заделы в изучении «своих» категорий и разновидностей идентичности. Этот опыт имел большое значение для работ западных социологов и культур-географов. А в свою очередь, разработки географов в области региональной и локальной идентичности существенно обогатили представления об идентичности вообще в мировой науке.

**Благодарности.** Исследование проведено по теме государственного задания Института географии РАН №0148-2019-0008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности»

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45–61.
3. *Геттнер А.* География. Ее история, сущность и методы. Пер. с нем. Л.–М.: Госиздат, 1930. 416 с.
4. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
5. *Назукина М.В.* Локальная идентичность // *Политическая идентичность и политика идентичности* / Отв. ред. И.С. Семенов. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012. С. 140–143.
6. *Окунев И.Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // *Сравнительная политика*. 2018. № 1. С. 18–25. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25
7. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 17. М.–Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
8. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2002. № 4. С. 18–28.
9. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // *Псковский регионологический журнал*. 2012. № 14. С. 9–21.
10. *Филлипова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатротех», 2010. 300 с.
11. *A Dictionary of Human Geography* / Ed. by A. Rogers, N. Castree & R. Kitchin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 592 p.
12. *Allen J., Massey D., Cochrane A.* Rethinking the Region. London – New York: Routledge, 1998. 159 p.
13. *Anderson B.* Cultural geography I: intensities and forms of power // *Progress in Human Geography*. 2017. Vol. 41. Iss. 4. P. 501–511.
14. *Anderson B.* Cultural geography II: The force of representations // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. Iss. 6. P. 1120–1132.
15. *Anderson B.* Cultural geography III: The concept of culture // *Progress in Human Geography*. 2020. Vol. 44. Iss. 3. P. 608–617.
16. *Appadurai A.* The production of locality: Counterworks: Managing the diversity of knowledge / Ed. by R. Fardon. London: Routledge, 1995. P. 204–225.
17. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
18. *Blotevogel H.H., Heinritz G., Popp H.* Regionalbewusstsein – Überlegungen zu einer geographisch-landeskundlichen Forschungsinitiative // *Informationen zur Raumentwicklung*. 1987. Heft 7/8. S. 409–418.
19. *Blotevogel H.H., Butzin B., Danielzyk R.* Historische Entwicklung und Regionalbewusstsein in Ruhrgebiet // *Geographische Rundschau*. 1988. № 7–8. S. 8–13.
20. *Blotevogel H.-H.* Regionalbewusstsein und Landesidentität am Beispiel von Nordrhein-Westfalen. Duisburg: Gerhard-Mercator-Universität Duisburg, Institut für Geographie. Diskussionspapier. 2001. H. 2. 17 S.
21. *Castells M.* The Power of Identity. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 1997. 461 p.
22. *Claval P.* Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. Paris: Armand Collins, 2003. 288 P.
23. *Claval P.* La géographie de la France. Paris: Presses Universitaires de France, 2017. 128 p.
24. *Deleuze G., Guattari F.* Mille Plateaux. Paris, Éditions de Minuit, 1980. 645 p.
25. *Erikson E.* The Problem of ego-identity // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1956. № 4. P. 56–121.
26. *Foucault M.* Questions on geography: interview with the editors of «Herodote» // *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings* / Ed. by C. Gordon, 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980. P. 63–77.
27. *Foucher M.* Fronts and Frontières. Un Tour du Monde Géopolitique. Paris: Fayard, 1991. 527 s.
28. *Geography and National Identity* / Ed. by D. Hooson. Oxford – Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994. 404 p.
29. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1991. 264 p.
30. *Guermont Y.* L'identité territoriale: l'ambiguïté d' un concept géographique / *L'Espace Géographique*. 2006. Tome 35. № 4. S. 291–297.
31. *Hale R.* A Map of Vernacular Regions in America. Unpublished doctoral dissertation. Minneapolis: Univ. of Minneapolis, 1971.
32. *Hard G.* «Bewusstseinsräume»: Interpretationen zu geographischen Versuchen, regionales Bewusstsein zu erforschen // *Geographische Zeitschrift*. 1987. № 75. Heft 3. S. 127–148.
33. *Hartshorne R.* The Nature of geography: A critical survey of current thought in the light of the past // *Annals of Association of American Geographers*. 1939. Vol. 29. № 3. P. 173–412.
34. *Heimat und Identität. Probleme regionaler Kultur* / Hrsg. von K. Köstlin. H. Bausinger / *Deutsche Gesellschaft für Volkskunde*. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1981. 202 S.
35. *Heimatbewusstsein: Erfahrungen und Gedanken. Beiträge zur Theorienbildung* / Hrsg. von W. Riedel. Husum: Husum-Druck- und Verlagsgesellschaft / Kiel: SH-Buchkontor, 1981. 236 S.
36. *Humanistic Geography: Prospects and Problems* / Ed. by D. Ley and M.S. Samuels. London – Chicago: Groom Helm; Maarufa Press, 1978. 337 p.
37. *Kaplan D.H., Herb G.H.* How geography shapes national identities // *National Identities*. 2011. Vol. 13. No. 4. P. 349–360.



38. *Knight D.* Identity and territory: geographical perspectives on nationalism and regionalism // *Annals of the Association of American Geographers*. 1982. Vol. 72. № 4. P. 514–531.
39. *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. 512 p.
40. *Paasi A.* The resurgence of the "Region" and "Regional identity": Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 121–146.
41. *Paasi A., Metzger J.* Foregrounding the region // *Regional Studies*. 2017. Vol. 51. No. 1. P. 19–30.
42. *Pohl J.* Regionalbewusstsein als Thema der Sozialgeographie. Theoretische Überlegungen und empirische Untersuchungen // *Münchener Geographische Hefte*. 1993. Bd.70. 96 S.
43. Regionale Identität und soziale Gruppen im deutschen Mittelalter // *Zeitschrift für historische Forschung*. Beihefte, Bd. 14. 1992. 191 S.
44. *Relph E.* Place and Placelessness. London: Pion, 1976. 156 p.
45. Rethinking Place Branding: Comprehensive Brand Development for Cities and Regions / Ed. by M. Kavaratzis, G. Warnaby & G.J. Ashworth. Exeter, Devon: Springer Intern. Publ., 2015. 248 p.
46. *Rokkan S., Urwin D.* Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries. London: Sage Publications, 1983. 218 p.
47. *Routledge Handbook of Identity Studies* / Ed. by A. Elliott. Milton Park, Abingdon: Routledge, 2019. 454 p.
48. *Shao Y., Lange E., Thwaites K.* Defining local identities // *Landscape Architecture Frontiers*. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 24–41.
49. *Simmel G.* Soziologie des Raumes. Altenmünster: Jazzybee Verlag, 2012. 75 S. [Simmel, 1903].
50. *Social Relations and Spatial Structures* / Ed. By Derek Gregory & John Urri. Basingstoke-London: Macmillan, 1985. 452 p.
51. *Territories and Identities in Central, Eastern and South-Eastern Europe* / Ed. by V. Mihaylov (Sofia, Bulgaria). Częstochowa: Instytut Geopolityki, 2014. 364 p.
52. *Terlouw K.* Territorial changes and changing identities: How spatial identities are used in the upscaling of local government in the Netherlands // *Local Government Studies*. 2016. Vol. 42. Iss. 6. P. 938–957.
53. *Terlouw K.* Local Identities and Politics. Negotiating the Old and the New. London: Routledge Focus, 2018. 154 p.
54. *The Geography of Identity* / Ed. by Patricia Yaeger. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1996. 481 p.
55. *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism* / Ed. by Stein Rokkan & Derek Urwin. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1982. 438 p.
56. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
57. *Tuan Yi-Fu.* Space and Place: The Perspective of Experience. 2<sup>nd</sup> print. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. 235 p.
58. *Werlen B.* Identität und Raum – Regionalismus und Nationalismus // *Soziographie*. 1993. Heft 7. S. 39–73.

Поступила в редакцию 15 августа 2021 г.

После доработки 3 сентября 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

#### Об авторе

*Стрелецкий Владимир Николаевич* – доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва

#### Для цитирования

*Стрелецкий В.Н.* Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков // *Региональные исследования*. 2021. № 3. С. 62–75.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-6

### **Territorial identity as a subject of foreign geography in late 20th century and the first decades of 21st century**

**V.N. Streletsky**

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*e-mail: vstreletski@mail.ru*

The paper discusses the main directions and topics of research on the phenomenon of territorial identity in the world human geography over the last four decades of the 20<sup>th</sup> and 21<sup>st</sup> centuries; studies of territorial identity in Russian geography are not specifically considered, these topics deserve a separate article. Territorial identity is understood as a system of the prevailing ideas of people about their belonging to a certain territorial cultural group. In Western human geography, there is a wide

range of opinions on the relationship between the concepts of territorial identity and spatial identity. Sometimes these terms are considered synonymous, but more often they are interpreted in different ways. Thus, territorial identity is always associated with the people themselves, their regional and local communities; spatial identity – mainly with the places where these people live and which they perceive as “theirs”. The main hierarchical levels of territorial identity are local and regional. National identity usually refers in human geography to territories within the borders of national states and is also often interpreted as one of the upper levels of territorial identity. This article compares the national traditions of territorial identity studies in Anglo-Saxon (British-American), Francophone and German-speaking geography and elucidates their contemporary trends. The practical significance of the territorial identity research is discussed, including for Russia.

*Keywords:* identity, territory, space and place, regional and local identity, vernacular regions, local community, world human geography.

## REFERENCES

1. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Second revised edition. London: Verso Ed., 2006. 256 p. (1<sup>st</sup> ed. – 1983). [The Russian translation: *Voobrazhaemye soobststshstva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2016. 416 p.]
2. Bourdieu P. Identity and representation: elements of critical reflection on the idea of the «Region». *Ab Imperio*, 2002, no. 3, pp. 45–61. (In Russ.)
3. Hettner A. *Die Geographie: Ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden*. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927. 463 s. [The Russian translation from German: *Geografiya. Yeyo istoriya, sushchnost' i metody*. Leningrad, Moscow: Gosizdat, 1930. 416 p.]
4. Krylov M.P. *Regional'naya identichnost' v Yevropeyskoy Rossii* [Regional Identity in the European (Part of) Russia]. Moscow: New Chronograph Publ., 2010. 240 p. (In Russ.)
5. Nazukina M.V. Local identity. In: *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political Identity and Identity Politics]. Semenenko I.S., ed., vol. 1, Moscow: Rosspen Publ., 2012, pp. 140–143. (In Russ.)
6. Okunev I.Yu. Territorial and spatial identity: New approach to the basic concepts. *Sravnitel'naya politika*, 2018, no. 1, pp. 18–25. (In Russ.)
7. Smirnyagin L.V. About regional identity. In: *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran*, vol. 17. Moscow, Smolensk: Ecumene Publ., 2007, pp. 21–49. (In Russ.)
8. Streletsky V.N. Geographical space and culture: Theoretical attitudes and scientific paradigms in cultural geography. *Izvestiya RAN. Ser. Geogr.*, 2002, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.)
9. Streletsky V.N. Cultural regionalism: Concept, research issues and basic indicators. *Pskov Journal of Regional Studies*, 2012, vol. 14, pp. 9–21. (In Russ.)
10. Filippova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoy Frantsii* [Territories of Identity in Contemporary France]. Moscow: Rosinformagrotech Publ., 2010. 300 p. (In Russ.)
11. *A Dictionary of Human Geography*. Rogers A., Castree N., Kitchin R., eds. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 592 p.
12. Allen J., Massey D., Cochrane A. *Rethinking the Region*. London – New York: Routledge, 1998. 159 p.
13. Anderson B. Cultural geography I: Intensities and forms of power. *Progress in Human Geography*, 2017, vol. 41, no. 4, pp. 501–511.
14. Anderson B. Cultural geography II: The force of representations. *Progress in Human Geography*, 2019, vol. 43, no. 6, pp. 1120–1132.
15. Anderson B. Cultural geography III: The concept of culture. *Progress in Human Geography*, 2020, vol. 44, no. 3, pp. 608–617.
16. Appadurai A. The production of locality. In: *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*. Fardon R., ed. London: Routledge, 1995, pp. 204–225.
17. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
18. Blotevogel H.-H., Heinritz G., Popp H. Regionalbewusstsein – Überlegungen zu einer geographisch-landeskundlichen Forschungsinitiative. *Informationen zur Raumentwicklung*, 1987, Heft 7/8, s. 409–418.
19. Blotevogel H.-H., Butzin B., Danielzyk R. Historische Entwicklung und Regionalbewusstsein in Ruhrgebiet. *Geographische Rundschau*, 1988, no. 7–8, s. 8–13.
20. Blotevogel H.-H. *Regionalbewusstsein und Landesidentität am Beispiel von Nordrhein-Westfalen*. Discussion paper. Duisburg: Gerhard-Mercator-Universität Duisburg, Institut für Geographie, 2001, Heft 2, 17 s.
21. Castells M. *The Power of Identity*. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 1997. 461 p.
22. Claval P. *Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux*. Paris: Armand Collins, 2003. 288 p.
23. Claval P. *La géographie de la France*. Paris: Presses Universitaires de France, 2017. 128 p.
24. Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux*. Paris, Éditions de Minuit, 1980. 645 p.
25. Erikson E. The problem of ego-identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1956, no. 4, pp. 56–121.
26. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of «Herodote». In: *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. 1972–1977*. Gordon C., ed. Brighton: Harvester, 1980, pp. 63–77.

27. Foucher M. *Fronts et frontières. Un tour du monde géopolitique*. Paris: Fayard, 1991. 527 p.
28. *Geography and National Identity*. Hooson D., ed. Oxford – Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994. 404 p.
29. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1991. 264 p.
30. Guermond Y. L'identité territoriale: l'ambiguïté d'un concept géographique. *L'Espace géographique*, 2006, vol. 35, no. 4, pp. 291–297.
31. Hale R. *A Map of Vernacular Regions in America*. Unpublished doctoral dissertation. Minneapolis: Univ. of Minneapolis, 1971.
32. Hard G. «Bewusstseinsräume»: Interpretationen zu geographischen Versuchen, regionales Bewusstsein zu erforschen. *Geographische Zeitschrift*, 1987, no. 5, Heft 3, s. 127–148.
33. Hartshorne R. The Nature of geography: A critical survey of current thought in the light of the past. *Annals of Association of American Geographers*, 1939, vol. 29, no. 3, pp. 173–412.
34. *Heimat und Identität. Probleme regionaler Kultur*. Köstlin K., Bausinger H., hrsg. Deutsche Gesellschaft für Volkskunde. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1981. 202 s.
35. *Heimatbewusstsein: Erfahrungen und Gedanken. Beiträge zur Theoriebildung*. Riedel W., hrsg. Husum: Husum-Druck- und Verlagsgesellschaft / Kiel: SH-Buchkontor, 1981. 236 s.
36. *Humanistic Geography: Prospects and Problems*. Ley D., Samuels M.S., eds. London – Chicago: Groom Helm; Maarufa Press, 1978. 337 p.
37. Kaplan D.H., Herb G.H. How geography shapes national identities. *National Identities*, 2011, vol. 13, no. 4, pp. 349–360.
38. Knight D. Identity and territory: geographical perspectives on nationalism and regionalism. *Annals of the Association of American Geographers*, 1982, vol. 72, no. 4, pp. 514–531.
39. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris: Anthropos, 1974. 512 p.
40. Paasi A. The Resurgence of the «region» and «regional identity»: Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe. *Review of International Studies*, 2009, vol. 35, no. 1, pp. 121–146.
41. Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region. *Regional Studies*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 19–30.
42. Pohl J. Regionalbewusstsein als thema der sozialgeographie. Theoretische Überlegungen und empirische untersuchungen. *Münchener Geographische Hefte*, 1993, bd. 70. 96 s.
43. Regionale identität und soziale gruppen im deutschen Mittelalter. *Zeitschrift für historische Forschung*. Beihefte, bd. 14, 1992. 191 s.
44. Relph E. *Place and Placelessness*. London: Pion, 1976. 156 p.
45. *Rethinking Place Branding: Comprehensive Brand Development for Cities and Regions*. Kavaratzis M., Warnaby G., Ashworth G.J., eds. Exeter, Devon: Springer Intern. Publ., 2015. 248 p.
46. Rokkan S., Urwin D. *Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*. London: Sage Publications, 1983. 218 p.
47. *Routledge Handbook of Identity Studies*. Elliott A., ed. Milton Park, Abingdon: Routledge, 2019. 454 p.
48. Shao Y., Lange E., Thwaites K. Defining local identities. *Landscape Architecture Frontiers*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 24–41.
49. Simmel G. *Soziologie des Raumes*. Altenmünster: Jazzybee Verlag, 2012. 75 s. [Simmel, 1903].
50. *Social Relations and Spatial Structures*. Gregory D., Urri J., eds. Basingstoke-London: Macmillan, 1985. 452 p.
51. *Territories and Identities in Central, Eastern and South-Eastern Europe*. Mihaylov V., ed. Częstochowa: Instytut Geopolityki, 2014. 364 p.
52. Terlouw K. Territorial changes and changing identities: How spatial identities are used in the upscaling of local government in the Netherlands. *Local Government Studies*, 2016, vol. 42, no. 6, pp. 938–957.
53. Terlouw K. *Local Identities and Politics. Negotiating the Old and the New*. London: Routledge Focus, 2018. 154 p.
54. *The Geography of Identity*. Yaeger P., ed. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1996. 481 p.
55. *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. Rokkan S., Urwin D., eds. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1982. 438 p.
56. Tuan Yi-Fu. *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
57. Tuan Yi-Fu. *Space and Place: The Perspective of Experience*. 2<sup>nd</sup> print. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. 235 p.
58. Werlen B. Identität und Raum – Regionalismus und Nationalismus. *Soziographie*, 1993, Heft 7, s. 39–73.

Received 15.08.2021

Received in revised form 03.09.2021

Accepted 29.09.2021

---

---

# РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

---

---

УДК 332.1; 911.9

## ЭКОНОМИКА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ПАНДЕМИЮ: РАБОТАЮТ ЛИ ФАКТОРЫ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ?

© 2021 г. О.В. Кузнецова

<sup>1</sup> *Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия*

<sup>2</sup> *Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,*

*Институт системного анализа, Москва, Россия*

*e-mail: kouznetsova\_olga@mail.ru*

Дифференциация российских регионов по динамике их социально-экономического развития в 2020 г., несмотря на нетипичную для современных экономических кризисов причину, соответствовала сложившимся представлениям о факторах шокоустойчивости регионов. Ключевое значение имели степень диверсификации экономики регионов и уровень их инновационного потенциала. В результате в относительно благоприятном положении оказались крупнейшие города (Москва и Санкт-Петербург), где ограничения в отдельных видах деятельности были компенсированы ростом спроса на ряд сложных услуг (в IT-сфере и др.), ускоренным внедрением онлайн-форматов деятельности и удаленной занятости. Специализация экономики регионов также имела значение: максимальным, что типично для кризисов, стал спад в автопроме, общий спад мировой экономики сильно ударил по регионам с масштабной добычей топливно-энергетических ресурсов. Значимым в 2020 г. оказался и традиционный фактор регионального развития – емкость рынков сбыта, способствовавшая росту производства в крупнейших городах и работающих на их рынки регионах и затормозившая развитие обрабатывающих производств на Дальнем Востоке. Приграничное положение регионов явного влияния на динамику их развития не оказало. Делается предположение, что государственная антикризисная политика позволила замедлить спад в проблемных отраслях, тогда как рост производства товаров и услуг в востребованных видах деятельности был связан с объективными преимуществами территорий.

**Ключевые слова:** COVID-19, крупнейшие города, приграничные регионы, промышленность, доходы населения, потребительский рынок, инновационный потенциал.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7

**Введение и постановка проблемы.** Произошедший в 2020 г. экономический кризис, конечно, был далеко не первым в российской истории, но причина этого кризиса – пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения на ведение хозяйственной деятельности – была отнюдь не типичной для последних десятилетий. И в этой связи важно проанализировать, была ли дифференциация регионов по динамике их социально-экономического развития в нынешний кризис необычной, или же картина межрегиональных различий в целом соответствовала типичной для кризисных периодов. Заслуживают внимания и особенности ситуации в России по

сравнению с другими странами, столкнувшимися с теми же самыми проблемами – вынужденными ограничениями в экономике из-за пандемии. Такие исследования важны, прежде всего, для последующего выстраивания государственной политики пространственного развития: если характер межрегиональных различий в 2020 г. по динамике социально-экономических показателей не был чем-то уникальным, то это дает основания для разработки рекомендаций для реализации мер по повышению устойчивости регионов к кризисным явлениям, по дополнительной федеральной поддержке традиционно проблемных территорий.

Исходя из сказанного, в данной статье рассматриваются особенности социально-экономического развития российских регионов, отталкиваясь от сложившихся в науке представлений о закономерностях региональной динамики в годы экономических кризисов.

**Обзор ранее выполненных исследований.** Влияние разного рода шоков, в том числе экономических кризисов, на социально-экономическое развитие регионов рассматривается в рамках продолжающей развиваться в настоящее время, преимущественно за рубежом, концепции региональной шокоустойчивости (в англоязычной литературе – regional resilience). Именно такой перевод слова resilience – шокоустойчивость – был предложен в [2] применительно к регионам, и нам это кажется вполне разумным, хотя есть примеры и дословного перевода – устойчивость [1; 10], в ряде работ использовался термин «резилентность» [6; 11]. В указанных публикациях рассматривается суть концепции региональной шокоустойчивости, в работе [10] оценивается устойчивость российских регионов к кризисам 2009 и 2015 гг.

Кризис 2015 г. – сугубо российский, связанный с введенными в 2014 г. антироссийскими санкциями. Кризисы 2009 и 2020 гг. – общемировые, и их влияние на региональное развитие активно изучалось, особенно детально – в части последствий кризиса 2009 г. для регионов ЕС [13; 14; 18]. Предварительные выводы уже есть и по влиянию кризиса 2020 г. на межрегиональные различия, в том числе в странах ЕС и ОЭСР [12; 17; 19].

В проведенных исследованиях нам важны, прежде всего, сделанные в них выводы в отношении факторов шокоустойчивости отдельных регионов. Важнейшим таким фактором признается высокая степень диверсификации экономики регионов. Любой кризис по-разному ударяет по разным отраслям экономики, и при диверсифицированной ее структуре выше вероятность того, что спад в одних отраслях будет компенсирован ростом (или хотя бы смягчен относительно благоприятной ситуацией) в других отраслях.

Еще одним значимым фактором шокоустойчивости авторами проведенных исследований называется высокий инновационный потенциал регионов, позволяющий быстро

адаптироваться к новым условиям, трансформировать существующие или развивать новые виды деятельности. Яркой иллюстрацией этого тезиса стала ситуация 2020 г., когда принципиальное значение имела готовность населения и предприятий регионов перейти на онлайн-формат деятельности.

Шокоустойчивости регионов способствуют и другие факторы:

- высокое качество государственного и муниципального управления, налаженное взаимодействие между органами публичной власти разных иерархических уровней – это определяет способность властей оперативно вырабатывать и реализовывать необходимые для борьбы с кризисными явлениями решения;
- особенности структуры занятых: повышенные доли занятых, получающих зарплату из государственного бюджета, а также работающих в штаб-квартирах компаний, на постоянных контрактах. Все эти категории работников подвергаются меньшим сокращениям по сравнению, соответственно, с частным сектором, работающими в отдельных подразделениях компаний, на временных должностях или по временным контрактам;
- наличие резервов в государственном бюджете, которые можно направить на расширение государственной поддержки экономики в кризисных условиях (это могут быть как накопления в резервных фондах, так и высокий уровень бюджетной обеспеченности, позволяющий перераспределять средства между расходными статьями бюджета).

Однозначных оценок влияния специализации регионов на их шокоустойчивость нет. К примеру, сфера услуг, которая, с одной стороны, более уязвима в кризис, нежели промышленность (и 2020 г. это наглядно продемонстрировал), с другой – гораздо легче и быстрее промышленности трансформируется (например, при полном локдауне зачастую может быть, в отличие от производства, переведена в онлайн-формат). Но есть очевидное исключение из этого правила: в кризисы всегда происходит заметное сокращение в автомобильной промышленности, поскольку спрос на автомобили как товар длитель-

ного пользования падает; автопром в структуре промышленности отдельных регионов занимает, как правило, значимое место, и такие регионы оказываются в числе лидеров по спаду производства [15].

Нет однозначного влияния на региональную шокоустойчивость и происхождения капитала. Исследователи говорят о том, что значимую роль в преодолении кризисных явлений играет настрой местного сообщества (желание преодолеть кризис в своем населенном пункте, а не уехать в регион с более благополучной социально-экономической ситуацией), и местный капитал может быть гораздо больше заинтересован в развитии региона как своей «малой родины», нежели внешние инвесторы. Однако на деле, похоже, значимее оказывается реальное положение дел на предприятиях, а в крупных компаниях, часто неместного происхождения, ситуация оказывается лучше [16].

Полной картины региональных последствий вызванного пандемией COVID-19 кризиса в странах мира еще нет, но предварительный анализ [12; 17; 19] ожидаемо показывает сильную зависимость социально-экономического положения регионов от возможных масштабов перехода на удаленную работу. Даже в экономически развитых странах дифференциация территорий по этому параметру значительна:

- разрыв между регионами одной страны по доле занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу, доходит до 20 п.п. (например, в США);
- в дифференциации территорий по рассматриваемому показателю проявляется традиционный контраст между городской и сельской местностью, прослеживается зависимость от уровня образования занятых (чем выше доля занятых с высоким уровнем образования, тем больше возможностей для удаленной работы);
- разрыв между столичным регионом и остальными регионами по показателю составляет по странам ОЭСР в среднем 8 п.п.;
- собственно доля занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу, варьирует от более чем 50% в ряде столичных регионов (например, Иль-де-Франс, Лондон, Стокгольм) до менее чем 25% в ряде регионов Ко-

лумбии, Италии, Словакии, Испании, Турции.

В ЕС, кроме того, обращают внимание на повышенное влияние текущего кризиса на ситуацию в приграничных регионах, которые столкнулись с последствиями закрытия границ между странами.

Проведенные в России исследования по результатам первых месяцев кризиса 2020 г. [3; 4; 6] дали неоднозначные результаты. Прежде всего, под вопросом осталось влияние кризиса на крупнейшие города: с одной стороны, они первыми пострадали от пандемии и связанных с ней ограничений на ведение хозяйственной деятельности [5], с другой стороны, городская экономика сразу продемонстрировала определенную устойчивость в складывавшихся условиях [7].

#### **Материалы и методы исследования.**

В рамках данной статьи анализируются данные в целом за 2020 г. Они пока опубликованы не в полном объеме: основной показатель экономического развития субъектов РФ – валовой региональный продукт (ВРП) – появится более чем с годичным запаздыванием. Именно по ВРП можно судить об изменениях в структуре экономики регионов. Для оперативной оценки таких изменений нужно искать альтернативные показатели. Мы предлагаем использовать объемы поступлений налога на доходы физических лиц (НДФЛ) по видам экономической деятельности. Заработная плата, отражением которой является НДФЛ, – одна из важнейших составляющих валового продукта. Поступления НДФЛ довольно точно привязываются к территории (в отличие от общего объема налоговых поступлений, которые могут подчас быть вообще отрицательными величинами из-за возврата НДС экспортерам), не зависят от налоговой политики региональных властей (в отличие, например, от налога на прибыль; НДФЛ – федеральный налог, взимаемый по единым правилам на всей территории страны). Поступления НДФЛ неплохо отражают ситуацию с доходами населения, и к тому же НДФЛ – это один из основных доходных источников консолидированных региональных бюджетов (состояние которых мы не рассматриваем, поскольку это отдельная самостоятельная тема, уже во многом раскрытая (например, [4; 8]).

Данные по структуре поступлений НДФЛ мы используем для анализа ситуации в Мо-

скве и Санкт-Петербурге на фоне других субъектов РФ. Ограничение анализа ситуации в крупнейших городах Москвой и Санкт-Петербургом вынужденное, поскольку это единственные два российских города-миллионника со статусом городов федерального значения, по которым как по субъектам РФ доступен относительно широкий круг статистических данных. По остальным крупнейшим городам – со статусом муниципальных образований – провести аналогичный анализ не представляется возможным.

По всему кругу субъектов РФ мы в большей степени опираемся на публикуемые Росстатом индексные показатели, в которых учтены изменения в ценах: индексы производства, розничной торговли, общественного питания, платных услуг населению, а также реальные денежные доходы населения. Все эти показатели были опубликованы в ежемесячных изданиях Росстата: в докладе «Социально-экономическое положение России» за 2020 г. (по производству, общепиту, платным услугам) и бюллетене «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации». Из выпуска последнего за январь–май 2021 г. взяты данные по реальным денежным доходам населения и розничной торговле, которые, обратим внимание, были пересчитаны по сравнению с первоначально опубликованными Росстатом данными за 2020 г.

**Полученные результаты.** Для оценки межрегиональных различий по динамике социально-экономического развития в 2020 г. обратимся, прежде всего, к показателям, характеризующим доходы и потребление населения, которые косвенно свидетельствуют о состоянии экономики и важны, поскольку обеспечение высокого качества жизни населения – это основная задача государственной политики. Как видно из таблицы 1, объем платных услуг населению в Москве действительно сократился гораздо сильнее, нежели в среднем по стране; в Санкт-Петербурге значение этого показателя ниже среднероссийского, но уже не столь значительно. Зато в Санкт-Петербурге произошло очень сильное падение оборота общественного питания, тогда как в Москве индекс оказался даже выше среднероссийского (что можно объяснить заказом еды с доставкой на дом). В итоге реальные денежные доходы населения и в Москве, и в Санкт-Петербурге оказались выше среднероссийских, равно как и показатели оборота розничной торговли.

Интерпретируя данные по динамике розничной торговли пищевыми продуктами, важно помнить, что в текущей кризис она связана не только с изменением денежных доходов населения (когда люди вынуждены переходить от дорогих к дешевым продуктам), но и принципиальным изменением работы общепита. В прежние кризисы падение доходов приводило к экономии

**Таблица 1.** Динамика основных показателей, связанных с доходами и расходами населения, 2020 г. в % к 2019 г., в сопоставимых ценах

| Федеральные округа и города Москва и Санкт-Петербург | Реальные денежные доходы | Оборот розничной торговли |                     |                               | Оборот общественного питания | Объем платных услуг населению |
|--|--------------------------|---------------------------|---------------------|-------------------------------|------------------------------|-------------------------------|
|  |                          | всего                     | пищевыми продуктами | непродовольственными товарами |                              |                               |
| Центральный  | 97,3                     | 97,9                      | 99,5                | 96,5                          | 82,1                         | 77,9                          |
| г. Москва  | 98,0                     | 98,1                      | 98,0                | 98,2                          | 84,1                         | 71,1                          |
| Северо-Западный                                      | 99,0                     | 100,2                     | 103,1               | 98,0                          | 76,0                         | 83,7                          |
| г. Санкт-Петербург                                   | 99,4                     | 98,8                      | 104,7               | 95,8                          | 69,5                         | 81,6                          |
| Южный  | 98,8                     | 97,6                      | 98,4                | 97,0                          | 88,9                         | 89,1                          |
| Северо-Кавказский                                    | 96,5                     | 94,7                      | 99,7                | 90,3                          | 73,5                         | 86,0                          |
| Приволжский  | 96,6                     | 95,5                      | 96,6                | 94,6                          | 75,4                         | 85,7                          |
| Уральский  | 96,8                     | 96,4                      | 96,1                | 96,9                          | 81,8                         | 82,5                          |
| Сибирский  | 97,8                     | 96,6                      | 97,7                | 95,8                          | 77,5                         | 86,9                          |
| Дальневосточный                                      | 97,7                     | 97,5                      | 100,3               | 94,3                          | 83,6                         | 82,6                          |
| Среднее по РФ  | 97,4                     | 96,8                      | 98,4                | 95,4                          | 79,3                         | 82,7                          |

Источник: Росстат.

на общепите и переходу на домашнее питание, но в этот кризис к этому добавились гораздо более значимые по своей роли ограничения на работу предприятий общепита и падение спроса на его услуги в связи с переходом на удаленную работу. А это означает, что часть расходов на общепит преобразовалась в покупку продуктов питания (хотя напрямую эти расходы сравнить невозможно в силу совершенно разного уровня цен). Поэтому вполне логичной выглядит ситуация, когда заметное падение оборота общепита в Санкт-Петербурге привело к заметно превышающему показатель реальных денежных доходов росту розничной торговли продуктами питания, чего не было в Москве. Такой же эффект может быть по показателям платных услуг населению и розничной торговле непродовольственными товарами (например, в случае клининговых компаний), но очевидно гораздо меньший по своим масштабам.

Анализируя причины относительно благоприятного положения Москвы и Санкт-Петербурга, рассмотрим названные выше факторы шокоустойчивости регионов. Пер-

вый и важнейший – диверсифицированная структура экономики. Данные по поступлениям НДФЛ (табл. 2) показывают, что этот фактор действительно имеет принципиальное значение. Доля в структуре экономики тех видов деятельности, которые в наибольшей степени пострадали в кризис 2020 г., – гостиниц и общепита, разных видов услуг населению – относительно невелика. Зато гораздо большую роль играют востребованные в условиях масштабного перехода на онлайн-деятельность услуги IT-сектора. Кроме того, повышенную роль в структуре экономики играют те виды деятельности, где вполне успешно смогли перейти на удаленный формат работы (к числу таковых можно отнести профессиональную, научную и техническую деятельность, целый ряд сложных услуг – операции с недвижимым имуществом, финансы и страхование).

Из данных таблицы 2 также хорошо видно, что роль бюджетного сектора в Москве и Санкт-Петербурге не только не выше среднероссийской, но, наоборот, ниже. Суммарная доля в НДФЛ государственного, обра-

**Таблица 2.** Динамика (2020 г. к 2019 г.) и структура поступлений налога на доходы физических лиц (все показатели в %, в фактических ценах)

| Виды экономической деятельности                      | Среднее по РФ |       | Москва      |       | Санкт-Петербург |       |
|--|---------------|-------|-------------|-------|-----------------|-------|
|  | 2020 к 2019   | 2019  | 2020 к 2019 | 2019  | 2020 к 2019     | 2019  |
| Сельское хозяйство...                                | 112,7         | 2,4   | 102,6       | 0,1   | 129,3           | 0,2   |
| Добыча полезных ископаемых                           | 108,9         | 4,2   | 110,1       | 1,1   | 114,3           | 0,4   |
| Обрабатывающие производства                          | 106,4         | 13,5  | 108,4       | 6,1   | 108,7           | 13,4  |
| Обеспечение электроэнергией...                       | 105,3         | 2,9   | 105,9       | 1,2   | 109,4           | 1,5   |
| Водоснабжение...                                     | 108,2         | 0,7   | 111,7       | 0,4   | 105,4           | 0,6   |
| Строительство  | 105,0         | 5,0   | 105,6       | 4,5   | 110,5           | 5,4   |
| Торговля   | 111,0         | 12,3  | 113,2       | 14,7  | 110,2           | 16,6  |
| Транспортировка, хранение                            | 107,5         | 7,6   | 109,9       | 5,0   | 106,9           | 7,4   |
| Гостиницы и общепит                                  | 100,6         | 1,1   | 93,7        | 1,0   | 91,3            | 1,5   |
| Информация и связь                                   | 118,6         | 4,3   | 119,9       | 8,3   | 129,4           | 7,1   |
| Финансы и страхование                                | 116,7         | 6,8   | 125,0       | 15,0  | 126,3           | 5,8   |
| Операции с недвижимым имуществом                     | 106,0         | 3,0   | 102,2       | 3,7   | 121,2           | 4,4   |
| Профессиональная, научная и техническая деятельность | 113,8         | 8,1   | 121,4       | 13,5  | 110,1           | 11,5  |
| Административная деятельность                        | 106,0         | 2,0   | 97,8        | 2,5   | 107,8           | 2,7   |
| Госуправление  | 114,2         | 10,5  | 112,4       | 6,0   | 111,4           | 4,4   |
| Образование  | 105,4         | 7,5   | 104,9       | 4,9   | 105,6           | 8,3   |
| Здравоохранение, социальные услуги                   | 107,3         | 7,0   | 111,2       | 4,5   | 106,7           | 6,4   |
| Прочие виды услуг                                    | 103,2         | 0,6   | 110,3       | 0,9   | 96,0            | 0,7   |
| Культура, спорт, организация досуга...               | 101,6         | 1,8   | 102,9       | 1,9   | 97,2            | 2,4   |
| Всего  | 107,4         | 100,0 | 111,3       | 100,0 | 108,8           | 100,0 |

Источник: расчеты автора по данным Федеральной налоговой службы РФ.



зования, здравоохранения и социальных услуг, культуры, спорта и организации досуга в среднем по субъектам РФ составляла 26,8%, в Москве – 17,3%, Санкт-Петербурге – 21,5% (данная оценка условна, поскольку в социальной сфере есть и внебюджетные средства). Хотя, конечно, занятость в бюджетном секторе, штаб-квартирах компаний давала крупнейшим городам (и не только Москве и Санкт-Петербургу) преимущества если не на среднероссийском фоне, то по сравнению с городами меньшей плотности и сельской местностью. Схожесть многих параметров развития Москвы и Санкт-Петербурга позволяет также говорить о том, что явного влияния столичного статуса Москвы на развитие ситуации в 2020 г. не было.

Недостатком показателя поступлений НДСФЛ является то, что он не в полной мере отражает ситуацию с малым бизнесом, поскольку не все его представители платят НДСФЛ (этот налог не распространяется на самозанятых, на применяющих патентную систему налогообложения). В отношении последствий пандемии для Москвы и Санкт-Петербурга высказывалось предположение, что она затронула, прежде всего, именно малый бизнес. Имеющаяся на данный момент статистика в явном виде это не подтверждает. По данным ФНС, ситуация с динамикой налоговых платежей малого бизнеса (поступлениями по специальным налоговым режимам) в крупнейших городах в сравнении с предыдущим годом была по меньшей мере не хуже среднероссийской; среднесписочная численность работников на предприятиях малого и среднего бизнеса в Москве и Санкт-Петербурге, по оценкам Росстата, по итогам года оказалась выше показателя 1 квартала, причем прирост был выше среднероссийского. Однако это может объясняться совершенно разными причинами: недостатками статистики [3] и/или высокой адаптивной способностью малого бизнеса, приспособившегося к новым условиям ведения хозяйственной деятельности [7] (а ведь именно это преимущество малого бизнеса считается одной из причин, по которой данному сегменту экономики нужно уделять повышенное внимание в госуправлении). Для однозначных оценок нужны дальнейшие исследования.

Значимым фактором шокоустойчивости Москвы и Санкт-Петербурга, в полном соответствии с накопленным опытом, стал вы-

сокий уровень инновационного потенциала. Простых статистических подтверждений этому нет, но можно говорить по меньшей мере о двух значимых примерах. Первый – активное внедрение информационных технологий, благодаря которым, к примеру, введенные ограничения на традиционные форматы розничной торговли и даже общепита были компенсированы развитием Интернет-торговли (заказов); было больше возможностей, по сравнению со многими другими регионами, перейти на удаленные форматы работы, обучения.

Второй пример значимости инновационного потенциала – фармацевтическое производство. В 2020 г., по вполне понятным причинам, это была самая динамично развивающаяся отрасль промышленности – индекс по производству лекарственных средств и применяемых в медицинских целях материалов в среднем по стране составил 123,0%. При этом в Москве он достиг 138,8%, в Московской области – 132,3% (учитывая расположение предприятий фармацевтической промышленности, можно говорить о том, что этот показатель относится к Московской агломерации). В Санкт-Петербурге рост был скромнее – 113,9% (данные Росстата). Важным, хотя и не единственным фактором лидирующих позиций регионов стало наличие научно-исследовательских центров соответствующего профиля, уже достигнутые лидерские позиции в фармацевтическом производстве (по данным Росстата, на три названных региона приходится более 2/5 российского производства лекарственных средств и применяемых в медицинских целях материалов).

Развитие фармацевтики иллюстрирует значимость и еще одного фактора шокоустойчивости регионов – качества управления. И в Москве, и в Санкт-Петербурге новые фармацевтические производства располагались на площадках созданных ранее технико-внедренческих особых экономических зон (в соответствии с федеральным законом об ОЭЗ), где у инвесторов есть возможность воспользоваться готовой инфраструктурой, налоговыми льготами и другими преференциями. Кроме того, Москва является примером активного внедрения различных антикризисных мер, ставших возможными благодаря ее высокой бюджетной обеспеченности.

В целом государственная антикризисная политика как на федеральном, так и на региональном уровнях не могла не оказать влияния на формирование различий между субъектами РФ по динамике их социально-экономического развития в 2020 г. (на примере малого бизнеса это влияние рассматривается в [3]). Однако целостную оценку значимости государственной антикризисной политики для регионального развития дать крайне сложно. В отношении федеральной политики – в силу уже неоднократно поднимавшейся нами проблемы отсутствия статистических данных по территориальному разрезу расходов федерального бюджета. Есть данные по объемам межбюджетных трансфертов, но они отражают лишь часть полученной регионами поддержки: существенные объемы социальной поддержки шли через государственные внебюджетные фонды, осуществлялось значимое прямое финансирование отдельных отраслей; были еще и налоговые льготы. Тем не менее очевидно, что федеральные средства направлялись в отрасли, которых в наибольшей степени коснулись ограничения, т.е. такая поддержка замедляла спад проблемных отраслей, но не ускоряла рост. Точнее, могла вносить вклад в ускорение роста отдельных видов деятельности, но за счет реального спроса на их продукцию (IT-услуги, производство медикаментов и т.д.), но в таком случае первичны факторы отраслевой структуры и инновационного потенциала, но не господдержки. Социальная политика была в значительной степени направлена

на семьи с детьми, а значит регионы с высоким уровнем рождаемости, и давала тем самым преимущества национальным республикам, но не крупнейшим городам. Поэтому, не отрицая значимости господдержки экономики, можно, на наш взгляд, утверждать, что решающую роль сыграли объективные факторы развития территорий.

В развитии производства в 2020 г., включая фармацевтику, важную роль сыграло еще одно преимущество крупнейших городов, но уже, условно, постоянное, не связанное только лишь с их шокоустойчивостью, – наличие емкого рынка сбыта. Особенно ярко значимость данного фактора иллюстрирует ситуация с динамикой производства пищевых продуктов (табл. 3). В отрасли работает много предприятий, поэтому показатели ее динамики в минимальной степени, по сравнению с другими видами обрабатывающих производств, зависят от ситуации на отдельных предприятиях. Рост производства пищевых продуктов был характерен для обоих крупнейших российских городов. Кроме того, относительно благоприятная ситуация сложилась в целом в Центральном федеральном округе (многие производства в котором ориентированы на емкий столичный рынок), а также в Приволжском, где много городов-миллионников.

Единственный федеральный округ, где было сокращение объемов производства пищевых продуктов, – наименее заселенный Дальневосточный, но и в его границах прослеживается значимость потребительского фактора. Максимальные темпы роста –

Таблица 3. Индексы производства, 2020 г. в % к 2019 г.

| Федеральные округа и города Москва и Санкт-Петербург | Промышленность всего | Добыча полезных ископаемых | Обрабатывающие производства | Производство пищевых продуктов |
|--|----------------------|----------------------------|-----------------------------|--------------------------------|
| Центральный  | 105,2                | 101,2                      | 106,2                       | 109,1                          |
| г. Москва  | 105,1                | –                          | 105,9                       | 139,1                          |
| Северо-Западный                                      | 97,0                 | 91,4                       | 99,3                        | 99,5                           |
| г. Санкт-Петербург                                   | 98,2                 | 84,5                       | 99,2                        | 104,6                          |
| Южный  | 99,0                 | 94,4                       | 100,5                       | 97,5                           |
| Северо-Кавказский                                    | 106,5                | 89,6                       | 104,4                       | 107,3                          |
| Приволжский  | 96,6                 | 92,8                       | 98,6                        | 106,2                          |
| Уральский  | 97,7                 | 94,2                       | 105,6                       | 101,5                          |
| Сибирский  | 95,6                 | 91,0                       | 98,2                        | 103,9                          |
| Дальневосточный                                      | 95,9                 | 96,4                       | 91,7                        | 98,2                           |
| Среднее по РФ  | 97,1                 | 93,0                       | 100,3                       | 103,5                          |

Источник: Росстат.

в Еврейской АО (168,4%), ориентированной во многом на Хабаровский край, в самом Хабаровском крае (109,8%) и в Сахалинской области (106,8%). Дальний Восток заметно выделяется в худшую сторону на фоне других федеральных округов и по индексу обрабатывающих производств в целом, здесь развитие обеспечивается пока преимущественно сырьевыми отраслями или сферой услуг. Активная федеральная политика по поддержке этого макрорегиона пока не позволяет добиться кардинальной перестройки структуры его экономики (подробно влияние пандемии на развитие Дальнего Востока рассмотрено в [9]).

Данные таблицы 3 иллюстрируют и причины формирования неблагоприятной экономической ситуации в отдельных регионах. Наихудшее положение сложилось, во-первых, в добыче топливно-энергетических ресурсов и специализирующихся на ней регионах. Ситуация на рынке нефти и до пандемии была напряженной, а снижение экономической активности в мире неизбежно привело к сокращению спроса на продукцию ТЭК. Во-вторых, традиционно в числе самых пострадавших оказались регионы автопрома, индекс производства автотранспортных средств в среднем по стране составил 87,3%. Специализацией на

автопроме объясняется спад в обрабатывающей промышленности и Санкт-Петербурга, и Приволжского федерального округа.

В целом же картина дифференциации субъектов РФ по индексу производства сложилась довольно пестрая, в лидеры и аутсайдеры попали очень разные регионы (табл. 4), что связано с влиянием совокупности факторов. В лидерах преобладают все-таки плотно заселенные регионы Центра и Юга России, вторые преимущественно за счет специализации на АПК, спрос на продукцию которого в наименьшей степени подвержен кризисным явлениям (товары повседневного спроса). Попадание в аутсайдеры Костромской области связано с резким спадом производства в электроэнергетике региона.

Среди других факторов можно назвать следующие:

- ситуация на отдельных предприятиях в регионах и прежде всего ввод новых производственных мощностей. Это объясняет, например, высокую позицию Тюменской области, где появились новые мощности по переработке нефти;
- регионы с очень низким уровнем развития обрабатывающей промышленности, которые из-за изменения ситуации буквально на единичных

**Таблица 4.** Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по индексу производства, 2020 г. в % к 2019 г. (рост/спад на 5% и более)

| № п/п | Регионы-лидеры                    | Индекс | Регионы-аутсайдеры              | Индекс |
|-------|-----------------------------------|--------|---------------------------------|--------|
| 1     | Республика Северная Осетия-Алания | 124,7  | Республика Тыва                 | 63,1   |
| 2     | Тюменская область (без АО)        | 121,5  | Приморский край                 | 79,4   |
| 3     | Республика Алтай                  | 121,4  | Карачаево-Черкесская Республика | 88,4   |
| 4     | Владимирская область              | 119,3  | Ненецкий АО                     | 88,8   |
| 5     | Тульская область                  | 112,4  | Костромская область             | 88,9   |
| 6     | Чеченская Республика              | 111,4  | Красноярский край               | 90,6   |
| 7     | Кабардино-Балкарская Республика   | 111,0  | Томская область                 | 90,7   |
| 8     | Московская область                | 109,2  | Ханты-Мансийский АО             | 91,6   |
| 9     | Республика Бурятия                | 107,4  | Республика Калмыкия             | 92,1   |
| 10    | Пензенская область                | 107,3  | Архангельская область           | 92,2   |
| 11    | Рязанская область                 | 106,3  | Удмуртская Республика           | 92,7   |
| 12    | Магаданская область               | 105,6  | Республика Коми                 | 93,0   |
| 13    | Орловская область                 | 105,3  | Нижегородская область           | 93,4   |
| 14    | г. Москва                         | 105,1  | Калининградская область         | 93,5   |
| 15    | Республика Адыгея                 | 105,1  | Республика Марий Эл             | 93,6   |
| 16    | Смоленская область                | 105,0  | Камчатский край                 | 94,3   |
| 17    | ...                               | ...    | Республика Саха (Якутия)        | 94,9   |

Источник: Росстат.

предприятиях могут попадать как в лидеры промышленного роста (Магаданская область и Республика Алтай), так и аутсайдеры (ряд республик).

В связи с обсуждаемым в европейских странах влиянием закрытия границ на социально-экономическое развитие приграничных регионов, интересно оценить этот аспект применительно и к российским приграничным регионам. Таковые, как хорошо известно, сильно разнятся по масштабам развития трансграничных связей, которые можно оценивать по целому ряду параметров. В таблице 5 представлены субъекты РФ, отобранные только по одному показателю, который, как нам представляется, вполне адекватно отражает значимость внешних связей для приграничных регионов. Это отношение объема импорта (пересчитанного в рубли по средневзвешенному курсу рубля к доллару) к валовому региональному продукту в 2019 г. Отношение экспорта или внешнеторгового оборота к ВРП использовать не имеет смысла, поскольку повышенное отношение экспорта к ВРП свойственно выполняющей посреднические функции Москвы и преимущественно сырьевым регионам. А вот среди лидеров по отношению импорта к ВРП много как раз приграничных, нередко одновременно приморских, субъектов РФ.

По данным таблицы 5 видно, что по динамике импорта регионы различались весьма

существенно, а очевидное влияние приграничного положения на социально-экономическое развитие регионов не прослеживается (нет зависимости значений приводимых показателей от динамики импорта). В частности, нет и очевидной взаимосвязи между динамикой импорта и численностью занятых в малом и среднем предпринимательстве, что опять-таки можно связать либо с плохим качеством статистики, либо влиянием на развитие малого бизнеса целого ряда факторов, помимо ситуации в приграничной торговле.

**Выводы.** Таким образом, основной вывод из нашего исследования – несмотря на нетипичную для современной истории причину экономического кризиса 2020 г., закономерности дифференциации регионов по динамике их социально-экономического развития были в целом стандартными, отличающимися лишь некоторой спецификой своих проявлений.

Среди таких закономерностей можно, прежде всего, отметить сохранившуюся ведущую роль в экономике крупнейших городов и их агломераций, показанную нами на примере Москвы и Санкт-Петербурга. Именно эти города, особенно Москва, в силу своей открытости и высокой плотности населения отличались повышенным уровнем заболеваемости COVID-19, в городах значимую роль играют отрасли сферы услуг, наиболее пострадавшие от введившихся ограничений

**Таблица 5.** Показатели социально-экономического развития ряда приграничных субъектов РФ в 2020 г.

| Субъекты РФ                | Импорт, % ВРП | Импорт (в фактических ценах) | Реальные денежные доходы | Оборот розничной торговли | Работники малых и средних предприятий |
|----------------------------|---------------|------------------------------|--------------------------|---------------------------|---------------------------------------|
|                            | 2019 г.       | 2020 г. в % к 2019 г.        |                          |                           |                                       |
| 1. Калининградская область | 99,6          | 84,5                         | 96,9                     | 98,9                      | 96,7                                  |
| 2. Смоленская область      | 36,3          | 101,3                        | 97,8                     | 94,3                      | 89,4                                  |
| 3. Приморский край         | 31,7          | 97,5                         | 97,0                     | 94,3                      | 101,9                                 |
| 4. Ленинградская область   | 20,8          | 91,0                         | 100,4                    | 106,7                     | 98,0                                  |
| 5. Брянская область        | 14,4          | 116,0                        | 95,3                     | 95,4                      | 91,5                                  |
| 6. Новосибирская область   | 13,4          | 93,2                         | 98,6                     | 99,8                      | 98,1                                  |
| 7. Челябинская область     | 12,6          | 80,8                         | 99,0                     | 104,8                     | 92,3                                  |
| 8. Ростовская область      | 11,3          | 88,1                         | 98,4                     | 96,7                      | 99,0                                  |
| 9. Краснодарский край      | 10,9          | 105,0                        | 98,5                     | 98,5                      | 89,2                                  |
| 10. Псковская область      | 10,6          | 96,2                         | 98,8                     | 100,6                     | 91,0                                  |
| 11. Тюменская область      | 10,1          | 81,1                         | 98,1                     | 100,2                     | 92,7                                  |
| 12. Белгородская область   | 10,1          | 95,7                         | 98,1                     | 99,3                      | 88,5                                  |
| Среднее по РФ              | 16,7          | 94,8                         | 97,4                     | 96,8                      | 96,9                                  |

Источник: данные Росстата и расчеты на их основе.

на ведение хозяйственной деятельности. Однако социально-экономические показатели в Москве и Санкт-Петербурге в целом на общероссийском фоне оказались относительно благоприятными. Это связано и с факторами региональной шокоустойчивости, основными из которых можно назвать диверсификацию экономики и высокий инновационный потенциал, и традиционными преимуществами крупнейших городов – высокой емкостью потребительского рынка и тем же инновационным потенциалом:

- диверсифицированная экономика привела к компенсации спада в ряде отраслей сферы услуг ростом в других ее секторах, прежде всего связанных с IT-услугами, а также в отдельных отраслях промышленности, включая фармацевтическую;
- высокий инновационный потенциал в условиях пандемии COVID-19 проявился, в первую очередь, в виде ускоренного внедрения информационных технологий: в крупнейших городах были наилучшие условия для перехода на онлайн-торговлю, удаленный режим работы;
- высокая емкость рынка сбыта проявилась в росте производства потребительских товаров, что особенно заметно было в пищевой промышленности и фармацевтике.

Другое дело, что в условиях пандемии COVID-19 проявились не только традиционные преимущества, но и традиционные проблемы крупнейших городов, одной из важнейших из которых является дифференциация

населения по доходам. Совершенно очевидно, что в условиях пандемии были группы населения как полностью или частично потерявшие свою работу, а с ней и заработок, так и специалисты, спрос на деятельность и оплата труда которых выросли. Оценка масштабов расслоения населения требуют отдельного исследования, значительная часть статистических данных для которого еще не опубликована. Но подтверждением высказанного предположения является и опыт предыдущих кризисов [1].

Еще одна типичная закономерность кризисных лет, проявившаяся и в 2020 г., – сильная зависимость ситуации в регионах от их отраслевой специализации. Как и в предыдущие экономические кризисы, заметный спад промышленного производства был характерен для регионов-производителей автомобилей, спрос на которые как на товар длительного пользования всегда резко падает в кризисные годы. Общий спад мировой экономики в 2020 г. привел к падению спроса на топливно-энергетические ресурсы и, как результат, заметному спаду в промышленности российских регионов со специализацией на ТЭК.

Названные закономерности имеют место и в других странах мира, в частности, один из самых обсуждаемых за рубежом вопросов – проявившиеся в условиях кризиса COVID-19 с его вызовами цифровизации традиционные контрасты по линии город-село. Ключевое же отличие российской ситуации от европейской – не столь очевидное влияние пандемии на положении приграничных регионов; для России закрытие границ имело, по всей видимости, меньшее значение.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баринова В.А., Земцов С.П.* Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23–36. DOI: 10.15372/REG20190102.
2. *Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г.* Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.
3. *Земцов С.П., Михайлов А.А.* Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 4. С. 34–45.
4. *Зубаревич Н.В.* Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60. DOI: 0.24411/2587-7666-2021-10104.
5. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
6. *Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А.* Региональная резилентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.
7. *Коломак Е.А.* Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. № 12. С. 143–153. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-12-143-153.

8. Мильчаков М.В. Реализация приоритетов регионального развития в условиях пандемии // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 2. С. 93–113. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-93-113.
9. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. DOI: 10.14530/se.2020.4.007-022.
10. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 116–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118.
11. Одинцова А.В. От стратегического планирования к территориальной резилентности // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41.
12. Capello R., Caragliu A. Regional growth and disparities in a post-COVID Europe: A new normality scenario // Journal of Regional Science. May 2021. P. 1–18. DOI: 10.1111/jors.12542.
13. Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P. The effects of the global financial crisis on European regions and cities // Journal of Economic Geography. 2015. № 15. P. 935–949. DOI: 10.1093/jeg/lbv032.
14. Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report. ESPON & Cardiff University, 2014. 280 p.
15. Klier T., Rubenstein J. What role did regional policy play in addressing the US auto industry crisis? // International Journal of Automotive Technology and Management. 2011. Vol. 11, № 2. P. 189–204. DOI: 10.1504/IJATM.2011.039544.
16. Kolko J., Neumark D. Does local business ownership insulate cities from economic shocks? // Journal of Urban Economics. 2010. Vol. 67, № 1. P. 103–115. DOI: 10.1016/j.jue.2009.08.006.
17. Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis. European Union, 2020. 71 p.
18. The Urban and Regional Dimension of the Crisis. Eighth Progress Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. European Union, 2013. 48 p. DOI: 10.2776/74866.
19. OECD Regions and Cities at a Glance 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. 166 p.

Поступила в редакцию 26 июля 2021 г.

После доработки 8 августа 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

#### Об авторе

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН; заведующая лабораторией региональной политики и региональных инвестиционных процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Москва.

#### Для цитирования

Кузнецова О.В. Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 76–87.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7

### The economy of Russian regions in a pandemic: do resilience factors work?

O.V. Kuznetsova<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia

<sup>2</sup> Federal Research Center «Informatics and Control» of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: kuznetsova\_olga@mail.ru

Despite the reason that is atypical for modern economic crises, the differentiation of Russian regions in terms of their socio-economic development in 2020 corresponded to the prevailing ideas about the factors of regional resilience. The degree of economic diversification of the regions and the level of their innovation potential were of key importance. As the result, the largest cities (Moscow and St. Petersburg) were in a relatively favorable position, where restrictions in certain types of activity were offset by an increase in demand for a number of complex services (in the IT sphere and others), the accelerated introduction of online formats of activity and remote employment. The specialization of the regional economy also mattered: the decline in the automotive industry was the highest, which is typical for crises. The general decline of the world economy hit the regions with large-scale extraction of fuel and energy resources. In 2020, the traditional factor of regional development was also significant – the capacity of sales markets, which also contributed to the growth of production in the largest cities and regions working for their markets and slowed down the development of manufacturing industries in the Far East. The border position of the regions did not have a clear impact on their development. It is assumed that the state anti-crisis policy allowed to slow down the decline in problem activities,

while the increase in the production of goods and services in demanded activities was associated with the objective advantages of the territories.

*Key words:* COVID-19, major cities, border regions, industry, population income, consumer market, innovation potential.

## REFERENCES

1. Barinova A.V., Zemtsov S.P. Inclusive growth and regional resilience in Russia. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 2019, no. 1, pp. 23–46. DOI: 10.15372/REG20190102 (In Russ.)
2. Zhikharevich B.S., Klimanov V.V., Maracha V.G. Resilience of the territory: concept, measurement, governance. *Regional'nye Issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1 (In Russ.)
3. Zemtsov S.P., Mikhailov A.A. Trends and factors of development of small and medium-sized businesses in Russian regions during Corona crisis. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 28, no. 4, pp. 34–45. (In Russ.)
4. Zubarevich N.V. Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*, 2021, no. 1, pp. 48–60. DOI: 0.24411/2587-7666-2021-10104 (In Russ.)
5. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regions of Russia in the acute phase of the COVID crisis: differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional'nye Issledovaniya*, 2020, no. 2, pp. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1 (In Russ.)
6. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mikhaylova A.A. Regional resilience: theoretical basics of the question. *Ekonomicheskaya Politika*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187 (In Russ.)
7. Kolomak E.A. Economic consequences of COVID-19 for Russia's regions. *EKO*, 2020, no. 12, pp. 143–153. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-12-143-153 (In Russ.)
8. Milchakov M.V. Implementation of regional development priorities under the conditions of the COVID-19 pandemic. *Financial Journal*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 93–113. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-93-113 (In Russ.)
9. Minakir P.A. The Economy of the pandemic: A Far Eastern Russian aspect. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 7–22. DOI: 10.14530/se.2020.4.007-022 (In Russ.)
10. Mikheeva N.N. Resilience of Russian regions to economic shocks. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, vol. 32, no. 1, pp. 68–77. DOI: 10.1134/S107570072101010X (In Russ.)
11. Odintsova A.V. From strategic planning to territorial resilience. *Federalism*, 2020, vol. 25, no. 4 (100), pp. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41 (In Russ.)
12. Capello R., Caragliu A. Regional growth and disparities in a post-COVID Europe: A new normality scenario. *Journal of Regional Science*, May 2021, pp. 1–18. DOI: 10.1111/jors.12542.
13. Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P. The effects of the global financial crisis on European regions and cities. *Journal of Economic Geography*, 2015, no. 15, pp. 935–949. DOI: 10.1093/jeg/lbv032.
14. *Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report*. ESPON & Cardiff University, 2014. 280 p.
15. Klier T., Rubenstein J. What role did regional policy play in addressing the US auto industry crisis? *International Journal of Automotive Technology and Management*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 189–204. DOI: 10.1504/IJATM.2011.039544.
16. Kolko J., Neumark D. Does local business ownership insulate cities from economic shocks? *Journal of Urban Economics*, 2010, vol. 67, no. 1, pp. 103–115. DOI: 10.1016/j.jue.2009.08.006.
17. *Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis*. European Union, 2020. 71 p.
18. *The Urban and Regional Dimension of the Crisis. Eighth Progress Report on Economic, Social and Territorial Cohesion*. European Union, 2013. 48 p. DOI: 10.2776/74866.
19. *OECD Regions and Cities at a Glance 2020*. Paris: OECD Publishing, 2020. 166 p.

Received 26.07.2021

Received in revised form 08.08.2021

Accepted 29.09.2021

---

---

# ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

---

---

УДК: 910

## НОВИЗНА В НАУКЕ И ЖИЗНИ С ПОЗИЦИЙ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФА

© 2021 г. А.И. Трейвиш

Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: trene12@yandex.ru

Вопрос о том, что ново и что нет, сам по себе очень стар, а по сути вечен в истории человечества. Автор касается его в двух аспектах и для двух миров: широкого мира жизни и узкого мира образования и науки, включая совсем узкий географический. Показано, что истинная новизна остается редкой, а гонка за ней составляет и благо, и бич современного мира. Инновации востребованы, о них много говорят, но сплошь и рядом их имитируют, заменяя псевдоинновациями. В позитивном контексте они изучаются географами, а вот в негативном – кажется, нет. По мнению автора, циклические процессы не обладают новизной в полном смысле слова. Приведены примеры двух открытых в будущее сдвигов с неясным исходом из области экономики (смены ее структурных типов) и демографии (смены типов воспроизводства населения и его старения). У обоих есть пространственные факторы и проявления. Для науки настоящая новизна ценнее, чем для деловой практики. Анализ старого и нового в научно-квалификационных работах привел к выводу о первостепенной важности новизны результатов. Для российской науки и образования с их серьезными проблемами это ключевой фактор выживания и успеха.

*Ключевые слова:* новизна, новое, старое, инновация, псевдоинновация, география, социально-экономическая география, развитие.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-8

**Введение и постановка проблемы.** Постановку проблемы неплохо отражает гениальная фраза В.С. Черномырдина «Никогда такого не было, и вот опять». Об этом парадоксе не то первой реальности, не то следующих за ней и пойдет речь.

Вопрос о новизне не нов для научного дискурса. Ставили его и тогда, когда ростки наук всходили в горшке синкретической философии. Примером служит заочный спор двух античных авторов, Гераклита Эфесского и Екклесиаста. Первый (ок. 540–480 гг. до н.э.) известен как личность, но идеи его книги «О природе» дошли до нас только отрывками в цитатах. Одна из самых известных гласит, что *все течет, все меняется, и никто дважды не вошел в одну реку, ибо через миг и река была не та, и он не тот. И нет ничего постоянного, кроме перемен.*

Екклесиаст (Экклезиаст), он же Кохелет, – автор одной из книг Ветхого Завета.

А кто такой? Если царь Соломон, почти прямо названный в тексте, то он старше Гераклита. Но лингвисты датируют текст не X, а III–V вв. до н.э., и тогда книга моложе. Важнее суть. *Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.*

Оба мудреца апеллируют к явлениям природы, Екклесиаст – к разным: круговороту воды (реки текут в море, а оно не переполняется, ибо реки возвращаются к истокам, чтобы течь опять), кружению светил, ветра. Как-то убедительнее обновления реки за один миг по Гераклиту. Природоведу виднее; культуролог же найдет здесь оппозицию склонного к «зацикливанию» малоподвижного Востока (Азии) падкому на новое



динамичному Западу (Европе). Но прав ли он? Вспомним, откуда десятичное исчисление и алфавит, стремя и компас, порох и бумага, монотеизм и мировые религии. Гераклит жил в малоазиатском Эфесе, завоеванном Персией, чье влияние нашли в его взглядах [5]. Выражение *Ex oriente lux* тысячи лет отвечало инновационным реалиям Старого Света. С 1500-х гг. оно теряло свою силу, а теперь обретает ее снова.

Кстати, «снова» и «опять» – синонимы с нюансом. Одно наречие содержит вездесущий индоевропейский корень «нов-». Пусть новое «не первой свежести», подзабытое старое, а гераклитово: река та же, да не совсем. Во втором слове звучит повтор: еще раз по чьим-то пятам, без новизны пути и цели, по Екклесиасту. Недаром в народе вместо «опять» часто говорят «обратно».

Спрос на новости, инновации, модернизации-обновления – феномен европейского рационализма [14], его бог. Или идол, фетиш, симулякр? Вот первое, что хотелось бы «копнуть» на доступном материале. Второе – новизна в науке (хотя если ее нет, то зачем такое «не масляное масло»?) и смежной сфере подготовки кадров. Результаты по обеим подтемам включают, по возможности, географический аспект, а также заострения, своего рода провокации.

**Провокация первая: новостей нет, я слышал одну ложь.** Вал новостей числится в приметах нашей эпохи. От него, шумного и мутного, с «утками», или «фейками», нужна защита. Но вот что писал открыватель глубинной, еще не тронутой европейцами Африки Д. Ливингстон [11, с. 25]: в Ботсване ответ на вопрос о новостях полагалось начинать так: «Новостей нет, я слышал только одну ложь», и уже потом все рассказывать. Страховка от ложных вестей стара как сама информация.

Проблема не сводится к новостной и вообще инфосфере. Инновации связаны с ней, в том числе географически, на ранних стадиях, при тиражировании и потреблении часто важны другие факторы и условия [2]. Литература об инновациях огромна. E-library выдает по заглавиям более 3 млн работ этой тематики, 8% всех ресурсов, тогда как с географией и её производными – 3%. Об инновациях пишут с экономических, технических, управленческих позиций. По мнению

экспертов, это в первую очередь явление из сферы бизнеса. Одна консалтинговая группа Бостона сообщала, что в 2015 г. 79% ее деловых респондентов назвали инновации одним из трех приоритетов своих компаний [20]. Словно они слышали песню из советского кинофильма «Не бойся, я с тобой» (1981): *Кто во всех делах основой // Догадался сделать новое, // Тот сегодня небывальми // Заправляет капиталами.* Пионеры инновационных теорий, такие как Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Г. Менш, Т. Хегерstrand, Э. Роджерс, вряд ли ждали такого бума.

И вряд ли думали, что новшества легко имитировать, профанировать. А это уже рядовая бизнес-практика. В Словаре инновационных терминов [19] и не только там встречаем *псевдоинновации* – косметические изменения цвета, декора и т.п., микро-улучшения устаревшего продукта или технологии без эффекта или с негативным эффектом для общества. Они проще, часто динамичнее базовых (меняющих техноуклады) и других реальных инноваций. До 2/3 последних блокируют, боясь резкого сокращения издержек и рабочих мест. Если бы инновация была человеком, пишет блогер Крис Бесуик (это он привел указанные опросные данные), то кем бы себя чувствовала – обозленным неудачником, видящим, как разбазаривают его потенциал? Такого много в блогосфере [13; 20; 23; 24], как водится, кратко и хлестко: мол, инновация – это не утренняя гимнастика и не беспроигрышная лотерея. Но вот что любопытно. Авторы, обычно как-то причастные к инновационному процессу, избегают конкретных примеров, возможно видя в них для себя юридические риски. Исключения нашлись в более давней заметке [22], где названы RC Cola, сменившая фактически ту же самую диетическую; кредитки Visa и Mastercard, повторившие концепт Diners Club; McDonalds, взявший идею сети фаст-фуда у ресторанов White Castle. Впрочем, теперь это называют «открытыми инновациями» и приветствуют.

Еще в XIX в. Марк Твен и О. Генри высмеивали новейшие чудо-пилюли от всех болезней, в лучшем случае бесполезные. Их «впаривание», скажем в форме биодобавок, процветает до сих пор и слабо контролируется. С БАДами не надо путать дженерики, они хотя бы доступнее бедняку, чем патентованный оригинал. Фармацевтика – традицион-

ное поле псевдоинновационной активности, а эпидемии вроде нынешней коронавирусной усиливают опасения по поводу подделок.

Не менее благодатной сферой для лишних и бессмысленных новаций стала теперь информационно-коммуникационная. В России начало им положила тотальная проводная телефонизация сельских населенных пунктов с установкой в каждом таксофона, и как раз в 2000-х гг., когда расширялась мобильная связь. Эта кампания стоила миллиарды. Вместе с тем, бум ИКТ породил ажиотажный спрос на новые модели смартфонов, порой разные лишь по дизайну, и производители пользовались этим повсюду. То же самое, по нашему мнению, относится к программному обеспечению, особенно когда новые приложения в нарушение принятых норм не берут и портят документы, созданные в старых версиях того же софта (а такое иногда случается).

Быть может, это брюзжание старика, согласного со словами Гамлета из монолога о бытии, небытии и страхе смерти: *Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться!* Для людей с опытом ярлык новинки не приманка, а пугало, они не клюют на нее [14]. Что сделаешь, старые ретрограды вроде того, поющего в старом фильме: *В остальном война отсталому, // Древнему и бестолковому, // Чтобы с этих пор по-новому // Оставалось все по-старому.*

Географических исследований псевдоинноваций нам обнаружить не удалось, и сами не можем ничего сообщить об их географии. Работы по России были, и даже острее западных. Одни ругали *институты-ловушки инновационного развития и модернизации (по нашему мнению, это синонимы)* [12], административный симбиоз псевдоинноваций и псевдоинвестиций, заполняющий технопарки предприятиями «вчерашнего дня» [8]. Из 70–80 резидентов технопарков «Слава» (Москва) и «Мордовия» (Саранск) лишь 16–18% назвали в 2017 г. своей главной функцией исследования и разработки, а не менее трети – торговлю и производство (дополняющими они могли быть и у половины резидентов). В другой статье [19], кроме примеров разных глупостей вроде чайника с двумя носами, приведен список российских псевдоинноваторов. Тут автор вечного двигателя и волшебного аквафилтра В.И. Петрик, воскреситель мертвых Г.П. Грабовой и др.

По А.А. Поскрякову [14], «синдром новизны» (новизны во что бы то ни стало) и его бесчисленные квазисюрпризы (фальшпродукты) – это инновационная патология. А вот слова А.С. Фетисова из нашей общей статьи [6]. «Живем ли мы в переломное время, или такое чувство рождает банальный эгоцентризм каждого поколения? Если это то самое "интересное время", которого желают китайцы своим недругам, то ощущаем ли мы его зловещий привкус? "Решительно да!" – утверждают несомневающиеся. "Неужто да?" – сомневаются нерешительные».

Что же в мире действительно ново, а что не очень? Прогресс ИКТ очевиден, но не преобладание в нем качественной новизны над количественной. Сто лет назад Интернета не было, зато была почти столь же широкая телеграфная сеть. Мобильников также не было, а телефон и радио были. Место компьютеров занимали шумные арифмометры и пишущие машинки, тихие логарифмические линейки. Еще без миллиарда автомобилей теснота на улицах больших городов и шансы попасть под экипаж (трамвай) не уступали нынешним. В ДТП погиб Пьер Кюри, а его жена Мария портила здоровье радиацией до ядерного оружия и АЭС. О космосе только мечтали, но летали самолеты, а небольшие боевые (в Азии) и праздничные ракеты запускали сотни лет. А это техника, к которой представление о неограниченном, открытом в будущее развитии подходит чаще всего.

Не настолько все свежо, как кажется, и в социальной сфере. Нового мало, но оно, хотя бы относительное, есть. Список составить не возьмемся, а пару масштабных примеров приведем. Первый – смена ведущих типов хозяйства по схеме: присваивающий – аграрный – индустриальный – постиндустриальный. Эмбрионы или рудименты любого типа можно найти в «чужих» эпохах, но там они не делают погоды (вернее, климата). В последние десятилетия мировой ВВП на 70% формировали услуги, на 25–27% – обрабатывающая индустрия и на 3–5% – первичный сектор. Характер сдвигов давно известен и по составу тружеников выражен еще ярче (рис. 1). Названные типы-уклады не просто экономические, они меняют весь социум, культуру, образ жизни. Процесс пространственно неравномерен, но вряд ли обратим, колебания же вызваны нерегулярными острыми кризисами.

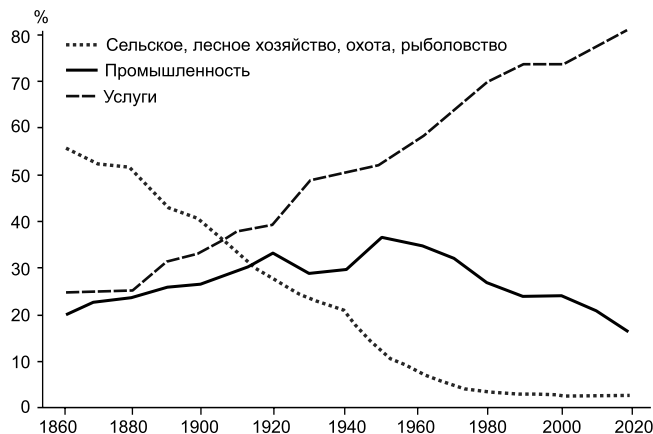


Рис. 1. Динамика состава рабочей силы в мире: три основных сектора, 1860–2020 гг., %  
Составлено автором по [21] и современной статистике труда.

Вряд ли так обстоит дело с урбанизацией. Ее время протяженнее, и в простом количественном выражении она затухает при доле горожан 75–90%. Путь не везде, а в странах вроде Великобритании, где переход за отметку в 50% датируют серединой XIX в. (во всем мире он произошёл на 1,5 столетия позже), связывая с завершением промышленного переворота. Не исключен новый откат к контр-урбанизации, признаки которой отмечают полвека. А экономическое развитие со сменой типов (секторов) – процесс открытый, его пределы нам неведомы, хотя подъем, расцвет и спад каждого типа имеют волновую природу; на графике это виднее у промышленной линии.

Второй пример – демографическая революция с небывалым снижением смертности и рождаемости, ростом продолжительности жизни и старением наций. Важнее последние два параметра (первые подчинены большой волне перехода от равновесия рождаемости и смертности высокого уровня к равновесию на низком уровне). Средний срок жизни людей может иметь биологический предел, но он не достигнут даже там, где ОПЖ близка, как в Японии, к 85 годам, а у женщин – к 90. Веками она составляла 20–30 лет и местами

в Африке лишь вдвое выше сегодня, но это редкость на фоне сдвига, ставшего глобальным (табл. 1). К пандемии COVID-19 средняя ОПЖ при рождении, по данным ВОЗ, превысила в мире 73 года; в Европе – 78 лет.

Медианный возраст мирового населения вырос с 22 лет в 1965 г. до 31 года в 2020 г. (оценки ООН). Вроде немного, но за рамкой традиционной средней продолжительности жизни (в Древнем Риме 30-летних рабов хозяева отпускали на вольные хлеба, чтобы не кормить «пенсионеров»). Этот возраст в Европе уже превысил 40 лет, где-то достиг 45–47 лет, а в Японии – 48,5. Не рос он только в Африке из-за обилия детей.

Постоянная убыль доли детей и подростков до 16 лет и рост доли людей в возрасте 65+ в мире идут с середины 1980-х гг. Хотя первая пока вдвое больше второй (а тех, кому за 85, лишь 0,8%), зона старения ширится. Стран, где население пенсионного возраста превышает число детей и подростков, большинство в Европе, включая Россию. Есть они в Азии, где их ряд готова пополнить КНР, Америке, Океании. Выразительно отношение числа детей до 6 лет к числу пожилых по мерке ВОЗ (рис. 2). В мире оно приближалось постепенно к единице,

Таблица 1. Число стран с ожидаемой продолжительностью жизни 70 лет и более

| Годы      | Мужчины | Женщины | Оба пола |
|-----------|---------|---------|----------|
| 1955–1960 | 5       | 29      | 12       |
| 2010–2015 | 106     | 138     | 125      |

Источник: [4].

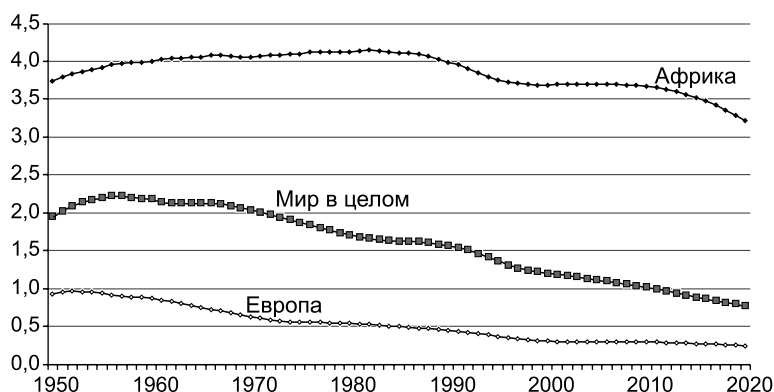


Рис. 2. Отношение численности детей (5-) к численности пожилых (60+) в 1950–2020 гг. Составлено автором по данным: [25].

а в Европе все 70 лет было ниже. Вот Африке до этого далеко.

Демографическое старение должно иметь пределы, но их пока не видно, а социум оно меняет не менее радикально, чем сдвиги в экономике, с которыми явно коррелирует. Вместе создается как бы удвоенный градиент, или разность потенциалов между богатыми стареющими и бедными «юными» странами, а также разряд в виде миграционных потоков с известными проблемами и конфликтами. Часто добавляется третий фактор – культурно-религиозные контрасты и обострение конкуренции в конфессиональном пространстве [7]. Мир, где стариков больше, чем молодых, вообще сильно отличается от вчерашнего. Ведь всегда ценится то и те, чего и кого мало. Когда хватало молодежи, ценились старейшины, носители и сказители преданий старины. Ныне старость в избытке и либо молодится, либо впадает в «юсизм», огульную критику и неприятие молодежной субкультуры. Ответом служит противоположный «эйджизм». В ряде стран возникли сети возрастного расселения – места и районы, привлекающие не самых старых пенсионеров (у нас сезонно-дачные, в иных странах с переездом туда на постоянное место жительства) и полярные им центры скопления студенческой или рабочей молодежи, в том числе мигрантов.

Оценки всегда зависят от возраста оценщика, но беспристрастный анализ явлений полезнее. Для науки, при ее депопуляции, старении кадров с разрывом поколений, он весьма актуален и непрост.

**Провокация вторая: тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем.** Это изречение Конфуция касается науки и образования, между которыми древнекитайские «цзы» не видели разницы. Мы-то ее видим и начнем с науки, главные беды которой в нашей стране относятся к довольно новым, постсоветским. Кадры исследователей в СССР росли, хотя и с замедлением, почти до самого конца (рис. 3). В России с 1990 г. они сократились вдвое.

Это одно из профессиональных меньшинств с 1% занятых (во всей сфере науки и техники – примерно 3,5%). Затраты на НИР составляют тот же 1% от ВВП. По их объему Россия попадает в конец первой десятки стран, по кадрам у нее 6-е место, а в расчете на одного исследователя – только 44-е. По числу публикаций в международных журналах, например, индексируемых в Scopus, после потери позиций в 2007–2014 гг. (15–16-е место) вновь наметилась положительная динамика.

Анализ состояния науки обычно опирается на данные НИУ ВШЭ [10 и др.] и выделяет проблемы оплаты труда, утечки мозгов, демографии науки. Не очень радует даже приток в нее молодежи и рост кадров не старше 40 лет. Слишком глубокий провал 40–60-летних из-за потерь 1990-х гг., а закрепление выпускников вузов непрочно. Ряды зрелых исследователей тают быстрее их естественной убыли, что связывают с внедрением временных контрактов и считают, что важнее не само омоложение, а восстановление нор-

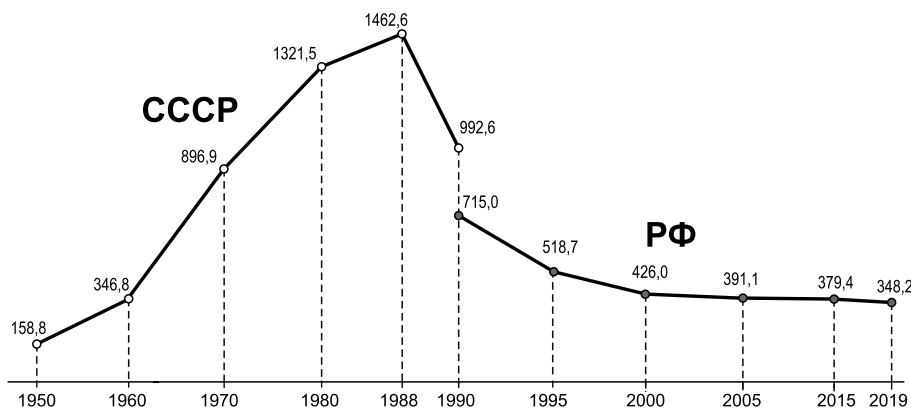


Рис. 3. Динамика численности исследователей в СССР и России с 1950 г., тыс. чел.

Составлено автором по данным статистики и оценкам.

мальной возрастной структуры науки, в том числе географии. По Ю.Г. Саушкину, самый творческий возраст ученого — это четвертый десяток, а когда тебе за шестьдесят, то, как бы ни стремилась мысль вперед, невольно смотришь назад [15].

Структура знания остается советской. Доминируют технические науки, по кадрам со степенью — естественные, а социальные и гуманитарные остаются в меньшинстве. Их представителям на фоне осложнения отношений с Западом трудно пробиться в тамошние престижные журналы даже с лучшими результатами, что и отражают соответствующие показатели: статьи ученых-гуманитариев с российской пропиской — редкость на страницах журналов из первого квартала; по цитируемости ситуация еще хуже.

Судя по перечням направлений и наук будущего с сайтов типа «Научной России», перспективны разные ветви биологии и те, что возникают на ее стыках с медициной, информатикой и т.д. А из наук о Земле — как ни странно, «внеземные»: космо-, или экзо-геология, экзоклиматология, экзогеография в целом. Неужели на Земле все изучено? Становлению новых дисциплин не стоит мешать, но при депопуляции науки их обилие повышает риск распыления сил.

По географическим дисциплинам статистики нет, зато она есть по направлениям аспирантуры. На науки о Земле приходится порядка 3%. Это вблизи середины списка, где почти столько же аспирантов-историков

и химиков. Однако география — лишь часть наук о Земле, а социально-экономическая — ее часть, у нас традиционно не главная<sup>1</sup>. По данным А.А. Агирречу [1] о защитах диссертаций в 2010–2016 гг., на географию пришлось 0,7%. А по специальности 25.00.24 (с 2021 г. 1.6.13 — чем не «инновация»!) было защищено 0,2% всех и 27% географических работ. На 18% «экономов» в географических организациях неплохо. Но откуда взялись эти 18%?

В 2012 г. мы насчитали по сайтам 17 ведущих вузов и НИИ с экспертной добавкой прочих примерно 500 «экономов» в географических организациях и 200–300 вне их [17]. Для оценки по регионам выборки не хватало. В 2018 г. опыт был повторен по сведениям о кафедрах, отделах и т.п. нашего и смежного профиля со списками сотрудников, темами их работ и читаемых курсов в 104 учреждениях. Опустив детали (учет совместителей наполовину и др.), перейдем к результатам. В профильных географических ячейках гео-обществоведов нашлось 515, в среднем 18% их научных и преподавательских кадров, и 240–250 чел. в непрофильных экономических, технических, социологических ячейках, в бизнесе, СМИ, при власти и т.д. Всего до 750, из них 69% «остепененных». Неожиданно наша старая грубая оценка оказалась точной.

А вот распределение коллег по территории страны вполне ожидаемо (рис. 4): они сосредоточены в столицах, центрах регионов. Три

<sup>1</sup> На Западе, в том числе в США, состав географии иной, судя, например, по секциям съездов Ассоциации американских географов, до 3/4 которых можно отнести к «human geography» [9].

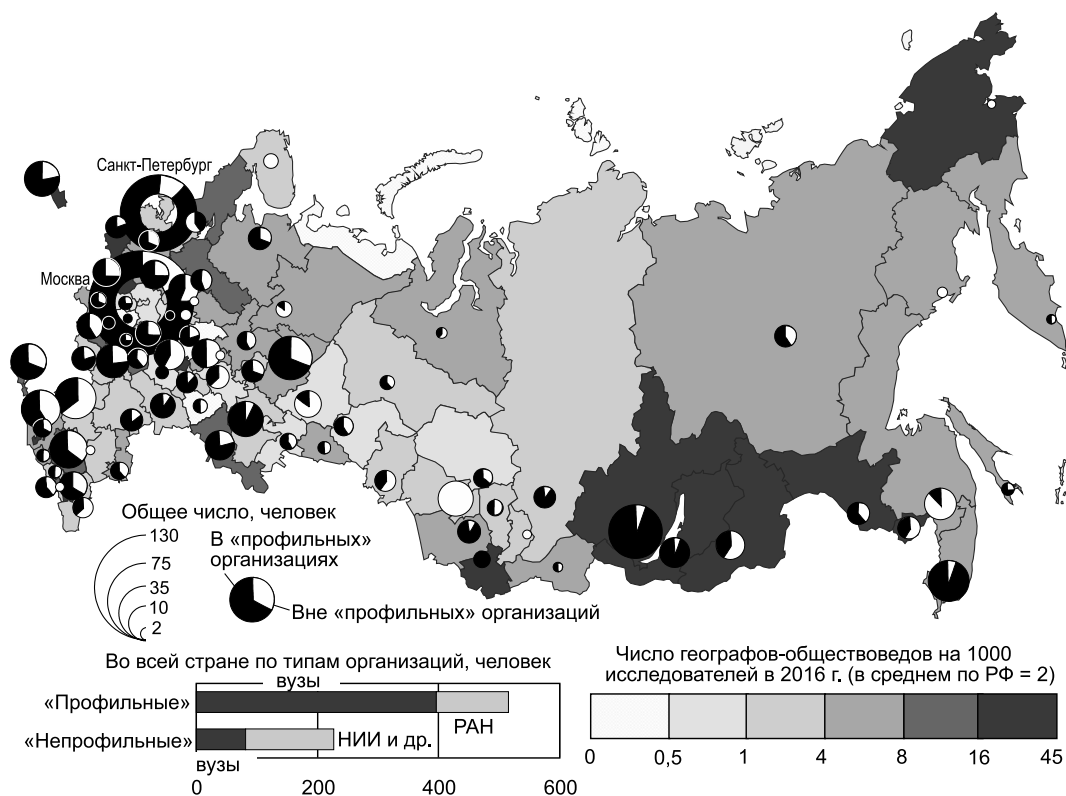


Рис. 4. Численность географов-обществоведов в регионах России  
Оценка автора на начало 2018 г.

главных очага – Москва, Санкт-Петербург и Иркутск, во втором ряду – Ростов-на-Дону, Пермь, Владивосток. В Новосибирске географических ячеек формально нет, коллеги там «сидят на двух стульях» как экономисты, социологи и т.п. и входят в счет «географами наполовину». Профильные работодатели – это обычно университеты и на 1/4 – академические НИИ.

Все это приведено в данной статье в надежде, что кому-то пригодится. Но к теме о новизне имеет отношение при постановке вопроса об ожидаемом и неожиданном: бывает ли новым и ценным результат, совпавший с интуитивной догадкой (гипотезой)?

Ответ неочевиден. Если, как принято считать, новизна в науке (признак ее пользы и развития) выражается в оригинальности результатов или методов их получения, или доказательств гипотез, то искомые свойства не сводятся к неожиданности. Да и Конфуций понимал, что, обращаясь к старому, можно открыть новое. Нашей науки это касается уже потому, что мир людей изменчив, его

нужно переоткрывать, уточняя или переосматривая прежние представления. Примерно так в свое время думал Ю.Г. Саушкин. И даже считал, что каждая детальная карта, особенно составленная на базе полевых исследований и «впервые воспроизводящая особенности территориальной организации населения и хозяйства <...>, играет важную роль экономико-географического первооткрытия» [16].

Итак, одна сторона – обновление объектов исследования, другая – смена подходов к ним, методологий, парадигм и предметов, часто формируемых сочетанием первых со вторыми. Деля объекты и подходы на старые и новые, можно получить простейшую матрицу их сочетаний (табл. 2). Старый подход к старому объекту сомнителен, если только не даст нового результата, хотя в двоичной логике неясно, за счет чего. Новый подход к старому объекту перспективен, но, в конечном счете, тоже оправдан чем-то свежим в остатке, иначе к чему «менять лошадь»? Старый подход к новому, не изученному объ-

екту хорош тем, что почти наверняка даст какое-то знание о нем: «на безрыбье и рак – рыба». Все же «раку» лучше быть свежим, да и трудно найти объект, не тронутый еще ни одной наукой, а повторы их достижений малоценны. Новый подход к новому объекту заманчив, но ставит вопрос о верификации, о том, чем объяснить результат – новизной объекта или подхода. А нельзя ли получить его старым путем? Если же вдруг он не нов (подобен известным для старых объектов), то его свежесть спорна. В общем, как ни крути, главное – это новизна результата.

Время от времени при движении объектов и предметов заявляют о себе разные «новые старые» науки. Вся география и ее социальное крыло не составляют исключения. Вспомним хотя бы конструктивную географию И.П. Герасимова 1960-х гг. и новую экономическую географию П. Кругмана 1980–1990-х гг., хотя это скорее пространственная или геоэкономика. Дискуссий о ней было много, в том числе на страницах журнала «Региональные исследования», что избавляет от углубления в сюжет, позволяя перейти к последнему сюжету в этой статье – новизне в квалификационных работах.

Требования к ним закономерно нарастают от уровня студенческих курсовых к выпускному и диссертационному. Нередко это скорее обзоры-рефераты, а собственные изыскания поначалу бывают так наивны, что напоминают изобретения велосипедов из-за дефектов обзора, незнания азов науки и опыта предшественников. Способность выдумать велосипед, не зная, что это давно сделано, с позиции педагога все-таки ценнее. Пробелы в образовании восполнимы, а креативный дар либо есть, либо его нет.

Защитой от подделок и просто краж новизны служат проверки на заимствования. Антиплагиат не идеален: зависим от контента Интернета, ловит автоплагиат, который, по-моему, не при чем. Диссертанту положено

иметь статьи, отражающие итоги его работы, и он старается, оттачивает формулировки. А повторять их без ссылок на себя не вправе? Лучше, если текст набит корректными цитатами и становится набором трюизмов? Нелепо. Но системы антиплагиата широко используют сетевое сообщество «Диссернет» и рядовая практика высшего образования.

Не все новые нормы квалификационных работ введены «сверху» и регламентированы ВАКом или университетом. Они могут возникать стихийно, из учёбы коллег друг у друга по горизонтали и вертикали: от «старших» к «младшим». Основное содержание работ в докторских и кандидатских авторефератах долго излагали по главам, иногда вынося в другое место предмет (тезисы) защиты. Этот стиль в нашей специальности начал меняться с 2000-х гг., когда соискатели докторской степени стали строить основное содержание не по названиям глав и разделов диссертации, а по схеме: краткий выделенный шрифтом тезис – его раскрытие. Потом новшество проникло в кандидатские авторефераты.

Зато обострилась проблема форм и мест подачи результатов, «блуждания в трех соснах»: между выводами (в конце автореферата), основными положениями работы (в его середине) и предметом защиты. Анализ скопившейся у автора данной статьи сотни кандидатских авторефератов минувшего десятилетия, на 3/4 московских и по нашей специальности, позволил сделать ряд заключений по ним (табл. 3). Конечные выводы остались главной формой и в среднем содержат 5–6 пунктов (абзацев). Иногда их же называют пунктами защиты, что освобождает от отдельного списка последних. Почти так же часто, обычно в 6–7 тезисах с экспликацией за ними, дается содержание работы, но иногда оно изложено по старинке, то есть по главам. Куда реже встречается особая рубрика с пунктами защиты, и их меньше, в среднем 4. Если она имеется, то порой заменяет

Таблица 2. Основные возможные сочетания старого и нового в науке

| Подходы: методы, теории, концепции, учения и т.п. | Объекты: явления, процессы, системы, структуры, элементы и т.п. |                                 |
|---|---|---------------------------------|
|   | Старые  | Новые                           |
| Старые  | Старые подходы к старым объектам                                | Старые подходы к новым объектам |
| Новые   | Новые подходы к старым объектам                                 | Новые подходы к новым объектам  |

Составлена автором.

Таблица 3. Формы представления результатов в авторефератах кандидатских диссертаций

| Форма                                  | Число авторефератов, использующих форму | Среднее число пунктов формы, округленно |
|--|---|---|
| Основные выводы                        | 87                                      | 5,5                                     |
| Тезисные положения (содержание) работы | 83                                      | 6,5                                     |
| Положения защиты особым разделом       | 21                                      | 4,0                                     |

Составлено автором по итогам анализа 101 автореферата 2012–2020 гг.

две другие, благо это сверху пока жестко не диктовалось<sup>2</sup>.

Есть еще одна практически обязательная рубрика – «новизна». Она непроста для соискателя, особенно молодого, и порой явно дублирует, перепевает другие. Изучение ее содержания в 67 авторефератах 2014–2019 гг., включая докторские, выявило шесть типов обоснования новизны (рис. 5). Они часто сочетаются, так что сумма найденных позиций достигла 202. От этой цифры и рассчитаны доли типов. Чаще всего аргументом служат новые результаты (получено, выделено, доказано, предложено то-то) и методы (приемы, показатели и т.д.), типология и т.п. Вместе это более половины пунктов-элементов. Новый объект или предмет назван в 16% случаев. Теоретическая новизна – свежая гипотеза, концепция, понятие – составила 13%, а прикладная – новые приоритеты, цели, меры – 12%. Самый редкий и притом слабый вариант – апелляция к слабой изученности объекта, по сути повтор третьей позиции, более уместный для раздела «Актуальность» или «Изученность темы».

Аспирантов и соискателей можно пожалеть. Это раньше «аспирантура» звучала гордо, а теперь тонет в вечнозеленом подлеске студенчества. В ущерб индивидуальной подготовке и ее итогу в виде качественной, пышущей новизной диссертации, аспирантов грузят групповыми занятиями, далекими от их тем. Ситуация тем острее, чем старше и «семейнее» человек, чем больше он вынужден работать на стороне (де-факто наши очные аспиранты – заочники на 3-тысячной стипендии, что отчасти касается ученых в вузах и НИИ, причем не только молодых). Вот и падает уровень исследований, как ни

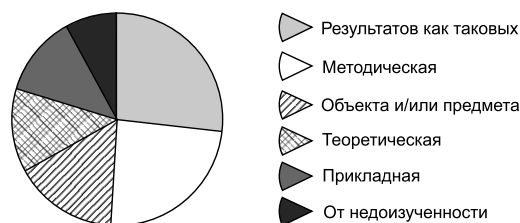


Рис. 5. Основные типы обоснования новизны в 67 авторефератах 2014–2019 гг.

пытается удержать планку честная старая гвардия в условиях «лжеподобия порядка» (по Ф.М. Достоевскому) и нелепых бюрократических новаций.

**Выводы.** Новизна в жизни, как и в науке, не абсолютна и не однозначна. Вроде бы нужна, востребована, но вместе с тем должна вписываться в основы, традиции и нормы. А то могут не понять и не принять. Если подумать, новация и традиция противоположны не всегда и не везде. Инновационная традиция только кажется оксюморон; на деле же это мейнстрим европейской и мировой жизни, да и науки тоже. Разумеется, у него есть территориальные варианты, связанные с характером культуры, уровнем развития, спроса на новое и т.п. Географические исследования инновационной деятельности развиваются наряду с другими, но их обзор не входил в задачи данной статьи.

Автор хотел обратить внимание коллег на опасные стороны этой научной моды: на то, как часто инновации имитируются и фальсифицируются, как легко подменяются пустыми и вредными «фейками». Это объясняет, но не оправдывает попыток тотального отказа от обновления как средства

<sup>2</sup> На наш субъективный взгляд, предмет защиты и выводы различаются не только численно. Защита – это полемика, ее тезисы должны быть дискуссионными, требующими аргументов, и новыми. А выводы могут подтверждать известное (на новых данных) или быть столь неожиданными, что автор за них и не бьется.



развития. Оно давно стало императивом для многих стран и культур, включая нашу. Истинно новые явления довольно редки, но существуют и требуют внимания, что, кстати, относится и к псевдоинновациям, которых, насколько известно автору, географы пока не изучали. А ведь им есть или должно быть дело до всего сущего на Земле, если оно не везде одинаково (хотя в данном случае это как раз открытый вопрос, требующий специального анализа).

Науке новизна нужна еще больше, чем деловой практике, но тоже настоящая, а не поддельная. Анализ старого и нового в научных работах, включая квалификационные по наиболее близкой автору специальности, приводит к выводу, что для них важнее всего новизна результатов. В отечественной науке и образовании это ключевой фактор успеха и выживания, повод к обсуждению моделей обновления и решения множества проблем. Возможны полярные варианты: создание новых направлений, институций либо поддержка всех, включая старые. Но это отдель-

ная тема за рамками заявленной. Даже в ее составе остается еще столько едва затронутых тем и сюжетов, что поставить точку в их обзоре просто невозможно.

Автор понимает, что затронул много разного, выйдя далеко за рамки своей науки и профессиональной компетенции. Размышления пожилого географа о новизне граничат с эклектикой, могут выглядеть претенциозно, а то и смешно. Вообще-то «старого пса не научишь новым трюкам», хотя сам-то он берется учить молодежь старым. Так что пора заканчивать, хотя бы собственными недавними виршами: *...О чем же штрих и слово // В новейшие года? // О том, что все не ново // И живо, как всегда.*

**Благодарность.** Работа выполнена в рамках темы госзадания Института географии РАН 0148-2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-1) «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агирречу А.А. Институциональная структура защит кандидатских и докторских диссертаций по географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 3. С. 117–128. DOI: 10.7868/S2587556618030123.
2. Ачкасова Т.А. Географизация стадий инновационного процесса на глобальном уровне // География мирового развития. Вып. 3. М.: КМК, 2016. С. 61–72.
3. Ващенко В.П. О факторах инновационного развития // Альманах «Наука. Инновации. Образование». 2013. № 14. С. 211–223.
4. Вишневецкий А.Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с.
5. Вольф М.Н. Ранняя греческая философия и Древний Иран. СПб: Алетейя, 2006. 224 с.
6. Горкин А.П., Трейвиш А.И., Фетисов А.С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2005. № 2. С. 18–28.
7. Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
8. Диесперова Н.А. «Псевдоинновации» и «псевдоинвестиции» в экономике России // Вестник РУДН. Сер. Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 41–53. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-1-41-53.
9. Зиновьев А.С., Морачевская К.А. Структура современных исследований в общественной географии за рубежом (по материалам съезда Ассоциации американских географов) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2019. № 2. С. 108–111.
10. Индикаторы науки: 2019: стат. сборник / Л.М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 328 с.
11. Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г. Сокр. пер. с англ. М.: Географгиз, 1955. 392 с.
12. Малкина М.Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 1. С. 50–60.
13. Матвейчев О. А. Инновации и симуляция [Электр. ресурс] // «Свободный мир». 07.03.2009. URL: www.liberty.ru (дата обращения 01.08.2021).
14. Поскряков А.А. Инновационная культура [Электр. ресурс] / Каф. социологии и гуманитарной культуры МИФИ. 2004. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/kulturologia/html/pos1.htm (дата обращения 01.08.2021).
15. Саушкин Ю.Г. Сорокалетние... (памяти Алексея Александровича Минца) // Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, 1974. С. 15–19.
16. Саушкин Ю.Г. Что такое экономико-географическое открытие? // Экономическая и социальная география на пороге XXI века. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. С. 134–152.
17. Трейвиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. № 1. С. 5–19.
18. Федисова А.Н. Псевдоинновации в России // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. № 1 (65). С. 33–36.

19. Харин А.А., Коленский И.Л., Харин А.А. Словарь инновационных терминов. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2016. 255 с.
20. Beswick C. The Rise of Fake Innovation. May 17, 2021. [Электр. ресурс]. URL: <https://crisbeswick.com/the-rise-of-fake-innovation/> (дата обращения 01.08.2021).
21. Gallman R.E., Weiss T.J. The service industries in the nineteenth century // *Production and Productivity in the Service Industries* / Fuchs R.V. (ed.). New York: Columbia University Press, 1969. P. 287–352.
22. Jest *Stuffel*. Imitation is Better than Innovation: How to Imitate in SEO. November 1, 2010. [Электр. ресурс]. URL: <https://moz.com/blog/imitation-is-better-than-innovation-how-to-imitate-in-seo> (дата обращения 01.08.2021).
23. Haustein H.-D, Maier H. Basic, Improvement and Pseudo-Innovations and their Impact on Efficiency [Электр. ресурс] / IIASA Working Paper WP-79-096. Laxenburg (Austria), 1979. 36 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/33892559.pdf> (дата обращения 01.08.2021).
24. Thomas A. Fake vs. Real Innovation: How to Tell the Difference. March 24, 2020. [Электр. ресурс]. URL: <https://productcraft.com/perspectives/fake-vs-real-innovation-how-to-tell-the-difference/> (дата обращения 01.08.2021).
25. World Population Prospects 2019 [Электр. ресурс] // UN Population Division, Department of Economic and Social Affairs / Estimates 1950–2020, Files POP/5; INT/3-1. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения 01.08.2021).

Поступила в редакцию 3 июля 2021 г.

После доработки 3 августа 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

### Об авторе

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва

### Для цитирования

Трейвиш А.И. Новизна в науке и жизни с позиций экономико-географа // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 88–99.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-8

## Novelty in science and life from the standpoint of an economic geographer

A.I. Treivish

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (IGRAS), Moscow, Russia  
e-mail: trene12@yandex.ru*

What is new or not is a pretty old question per se, and in fact eternal in the history of mankind. The author raises it in two facets and for two worlds, the wide world of life and the narrow world of education and science, including the very narrow geographical one. As it is shown, a true novelty remains rare, and the pursuit of it is both a blessing and a scourge of the today's world. Innovations are in demand, they are talked about a lot, but they are often imitated and replaced with fakes. They are studied by geographers in a positive context, but they are not in a negative one, as far as I can see. To me, cyclic processes lack novelty in the full sense of the word. Two examples of shifts open to the future, with an unclear outcome, are given in the article, one from the field of economics (changes in its structural types) and the other, from demography (changes in the types of reproduction and ageing). Both have their specific spatial factors and manifestations. True novelty is more valuable in science than in business practice. For Russia's science and education, with their serious problems, this is a key factor of survival and success.

*Keywords:* novelty, new, old, innovation, fake (pseudo-) innovation, geography, socio-economic geography, development.

### REFERENCES

1. Agirrechu A.A. The institutional structure of PhD and doctoral thesis defenses in geography. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2018, no. 3, pp. 117–128. (In Russ.)
2. Atchkassova T.A. Geographisation of innovation process at the global level. In: *Geographia mirovogo razvitiya* [Geography of World Development]. Iss. 3. Moscow: KMK Publ., 2016, pp. 61–72. (In Russ.)
3. Vashchenko V.P. About factors of innovation development. *Al'manah «Nauka. Innovacii. Obrazovanie»*, 2013, no. 14, pp. 211–223. (In Russ.)
4. Vishnevskiy A.G. *Demographic history and demographic theory* [Demographic History and Demographic Theory]. Moscow: HSE Publ. House, 2019. 368 p. (In Russ.)

5. Volf M.N. *Rannyyaya grecheskaya filosofiya i Drevnij Iran* [Early Greek Philosophy and Ancient Iran]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2006. 224 p. (In Russ.)
6. Gorkin A.P., Treivish A.I., Fetisov A.S. Development trajectories of the countries and the evolutionary nations' studies. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geografiya*, 2005, no. 2, pp. 18–28. (In Russ.)
7. Gorokhov A.S. *Geografiya religij: Cikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2020. 235 p. (In Russ.)
8. Diesperova N.A. «Pseudo innovations» and «pseudo investments» in Russian economy. *Vestnik RUDN. Ser. Ekonomika*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 41–53. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-1-41-53>. (In Russ.)
9. Zinovyev A.S., Morachevskaya K.A. Structure of current studies in human geography in foreign countries (following the materials of the annual meeting of the Association of American Geographers). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geografiya*, 2019, no. 2, p. 108–111. (In Russ.)
10. *Indikatory nauki: 2019: stat. sbornik* [Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2019: Data Book] Gokhberg L. et al. NRU Higher School of Economics. Moscow: HSE Publ., 2019. 328 p. (In Russ.)
11. *Livingston D. Puteshestviya i issledovaniya v YUzhnoj Afrike s 1840 po 1855 gg. [Travels and Researches in South Africa from 1840 to 1855]. Abbr. transl. Moscow: Geografiz Publ., 1955. 392 p. (In Russ.)*
12. Malkina M.Y. Institutional traps of the innovative development of Russian economy. *Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy*, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 50–51. (In Russ.)
13. Matveichev O.A. *Innovacii i simulyaciya* [Innovations and Simulation]. «Svobodnyy mir», 07.03.2009. URL: [www.liberty.ru](http://www.liberty.ru) [Accessed 01.08.2021] (In Russ.)
14. Poskriakov A.A. *Innovacionnaya kul'tura* [Innovative Culture]. Moscow Engineering Physics Institute. depart. of sociology and humanitarian culture, 2004. URL: <https://sociology.mephi.ru/docs/kulturologia/html/pos1.htm> [Accessed 01.08.2021] (In Russ.)
15. Saushkin Yu.G. In memory of Aleksey Aleksandrovich Mints). In: *Resursy, sreda, rasselenie* [Resources, Environment, Settlement]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 15–19. (In Russ.)
16. Saushkin Yu.G. What is an economic-geographical discovery? In: *Ekonomicheskaya i social'naya geografiya na poroge XXI veka* [Economic and Social Geography at the Eve of the 21<sup>st</sup> Century]. Smolensk: Smolensk Hum. Univ. Publ., 1997, pp. 134–152. (In Russ.)
17. Treivish A.I. What to call us now (about the content and name of our science). *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov- obshchestvovedov*, 2012, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.)
18. Fedisova A.N. *Pseudo-innovations in Russia. Problemy ekonomiki i menejmenta*, 2017, no. 1 (65), pp. 33–36. (In Russ.)
19. Kharin A.A., Kolenskiy I.L., Kharin A.A. (jr.). *Slovar' innovacionnykh terminov* [Dictionary of Innovation Terms]. Moscow–Berlin: Direkt-Media Publ., 2016. 255 p. (In Russ.)
20. *Beswick C. The Rise of Fake Innovation. May 17, 2021. URL: https://crisbeswick.com/the-rise-of-fake-innovation/* [Accessed 01.08.2021].
21. *Gallman R.E., Weiss T.J. The Service Industries in the Nineteenth Century. In: Production and Productivity in the Service Industries. Fuchs R.V., ed. New York: Columbia University Press, 1969, p. 287–352.*
22. *Jest Stuffel Imitation is Better than Innovation: How to Imitate in SEO. November 1, 2010. URL: https://moz.com/blog/imitation-is-better-than-innovation-how-to-imitate-in-seo* [Accessed 01.08.2021].
23. Hausteine H.-D., Maier H. Basic, Improvement and Pseudo-Innovations and their Impact on Efficiency. *IASA Working Paper WP-79-096*. Laxenburg (Austria), 1979. 36 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/33892559.pdf> [Accessed 01.08.2021].
24. Thomas A. *Fake vs. Real Innovation: How to Tell the Difference. March 24, 2020. URL: https://productcraft.com/perspectives/fake-vs-real-innovation-how-to-tell-the-difference/* [Accessed 01.08.2021].
25. *World Population Prospects 2019. UN Population Division, Department of Economic and Social Affairs / Estimates 1950–2020, Files POP/5; INT/3-1. URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/* [Accessed 01.08.2021].

Received 03.07.2021

Received in revised form 03.08.2021

Accepted 29.09.2021